

Ежеквартальный журнал русской филологии и культуры

RUSSIAN STUDIES

ETUDES RUSSES

RUSSISCHE FORSCHUNGEN

VOL. III N 1

The State Hermitage Museum

RUSSIAN STUDIES
ÉTUDES RUSSES
RUSSISCHE FORSCHUNGEN

Vol. III

1999

№ 1

St. Petersburg

Государственный Эрмитаж

**ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК
РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И КУЛЬТУРЫ**

Том III

1999

№ 1

Санкт-Петербург

ББК 83

Р 11

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа*

РЕДАКТОРЫ

Юрий Александрович Клейнер
Валерий Николаевич Сажин
David Macfadyen (Nova Scotia. Canada)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Svetlana Boym (Cambridge, Mass. U.S.A.)
Георгий Вадимович Вилинбахов (С.-Петербург. Россия)
Сергей Александрович Гончаров (С.-Петербург. Россия)
Роман Геннадьевич Григорьев (С.-Петербург. Россия)
Борис Федорович Егоров (С.-Петербург. Россия)
George Hyde (Norwich. U.K.)
Jean-Philippe Jaccard (Geneve. Switzerland)
Edward Kasinec (New York. U.S.A.)
Anatoly Liberman (Minneapolis. U.S.A.)
Юрий Владимирович Манн (Москва. Россия)
Аскольд Борисович Муратов (С.-Петербург. Россия)
Eric Naiman (Berkeley, Calif. U.S.A.)
Nina Perlina (Bloomington, Indiana. U.S.A.)
Юрий Юрьевич Пиотровский (С.-Петербург. Россия)
Мариэтта Андреевна Турьян (С.-Петербург. Россия)
Мариэтта Омаровна Чудакова (Москва. Россия)

ISBN 5-7187-0124-5
ISBN 5-7331-0017-3

© Государственный Эрмитаж,
1999
© Russian Studies, 1999

НЕИЗДАНЫЕ ПИСЬМА Д. В. ФИЛОСΟΦОВА

Предисловие, подготовка текстов и примечания
Д. С. Дюрранта
(*Университет Мэморил, Сент Джонс,*
Ньюфаундленд, Канада)

Письма Д. В. Filosofova 1926—1939 г.

Непреодолимое значение Д. В. Filosofova как влиятельного критика, инициатора и подвижника развития русской культуры на рубеже XX столетия, не подвергается сомнению. Тем не менее, роль Filosofova в становлении русской эмигрантской культуры на протяжении нескольких десятилетий, последовавших за его эмиграцией в Польшу в 1920 году, ускользнула внимания литературных историков. Документальное воспроизведение обстоятельств, связанных с заключительным эмигрантским этапом жизни Filosofova, а также напоминание о влиятельности творчества Filosofova с точки зрения его современников послужит, в определенной мере, процессу должного восстановления репутации Filosofova, как одного из крупнейших литературных критиков эпохи русской послереволюционной эмиграции.

В целях ознакомления общественности с глубиной литературного предвидения и широтой круга повседневных забот и интересов Дмитрия Владимировича я подготовил приводимое здесь собрание доселе неопубликованной переписки Filosofova. Письма эти предоставляют читателю возможность непосредственного соприкосновения с острым интеллектом и многогранностью таланта Filosofova.

Несмотря на то, что часть наиболее интимной переписки Д. В. Filosofova, согласно его завещанию, была уничтожена вскоре после его смерти в 1940 г., за три года до своей кончины Дмитрий Владимирович предусмотрительно переправил часть своего архива к семье во Францию под опеку С. Лифаря. Кроме того, в последние годы жизни Filosofov стал придерживаться своеобразной привычки возвращать кипы писем их соответствующим отправителям, что не исключает вероятности того, что разрозненное собрание его личной переписки могло в конечном итоге осесть в руках частных коллекционеров.

История во многом повторяется снова и снова. В подростковые и ранние юношеские годы Filosofov, в промежутках между нескончаемыми легочными заболеваниями, к коим он был склонен, по настоянию своей матери Анны Павловны Filoso-

фовой выработал привычку частого обмена письмами с отцом и родственниками. Привычка эта, со временем преобразовавшаяся в своего рода ритуал, в последующие годы послужила основой сохранения внутрисемейных связей. В последние годы жизни, подолгу пребывая в санаториях в Явоже и Отвоцке вследствие обострения заболевания легких, Философов вновь обращается к написанию писем, продолжая таким образом участвовать в жизни своих ближайших друзей, одновременно присматривая за состоянием своих дел и начинаний в Варшаве во время своего отсутствия.

Публикуемая коллекция писем документирует взаимозависимый характер отношений, установившихся между Философовым, польским литературным критиком и журналистом Станиславом Стемповским, и крупнейшей польской писательницей Марией Домбровской. Отношения эти, отмеченные личной и эмоциональной привязанностью, были построены на основе взаимных литературных, социальных и политических интересов.

Письма эти приоткрывают завесу над мало известным творческим периодом из жизни Философова, и в то же время являют собой ценное дополнение к нашему пониманию жизни и творчества его влиятельных литературных друзей.

Публикация писем, адресованных Марии Домбровской и Станиславу Стемповскому, впервые предоставляет возможность проследить эволюцию и внутреннюю динамику второго духовного *ménage à trois* — «любовного треугольника» — Философова. Эмоционально экспансивный и откровенный характер переписки с Марией Домбровской представляет особый интерес с точки зрения ознакомления с литературной позицией и интуицией Философова, которые также в полной мере нашли отражение в содержательной, но заметно более сдержанной по тону переписке со Стемповским.

Письма к Домбровской и Стемповскому приводятся в общем хронологическом ряду. Преимущества подобной организации корреспонденции Философова очевидны. Во-первых, читатель получает возможность проследить хронику постепенного упадка духа, сил и здоровья Дмитрия Владимировича. Во-вторых, хронологически целостная организация писем позволяет оценить взаимоотношения в свете тематических и событийных лейтмотивов, сформировавшихся между Философовым, Стемповским и Домбровской. В-третьих, избранный подход к публикации переписки доносит ощущение тождественности между характером их дружбы и непростыми взаимоотношениями Философова с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, продолжавшимися до 1920 года.

Некоторые из писем адресованы и Домбровской и Стемповскому, что, хотя подчас и не подтверждено двойным обращением в начале письма, тем не менее становится очевидно из смыслового содержания писем. Хотя параллели между характером взаимоотношений Философова с его польскими друзьями и его ранней дружбой с Мережковскими напрашиваются сами собой, тем не менее стоит отметить, что философско-религиозный чувственный тон отношений Философова с Мережковскими имеет мало общего с сугубо литературной атмосферой, отличавшей его дружбу со Стемповским и Домбровской.

Хроника эпистолярного повествования Философова подчас читается как роман с беспорядочно отсутствующими главами. Краткий обзор некоторых обстоятельств жизни и деятельности Философова в течение его Варшавского периода подготовят почву для понимания публикуемых писем.

* * *

«Весною будет 17 лет, что я в Польше. Понятно, что накопились геологические пласты и в личных отношениях, и в общественных...» (14.X.36)

В январе 1920 года, вскоре после большевистской революции, Дмитрий Философов вместе с Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским спасается бегством в Польшу. Вскоре по их прибытии исключительный характер литературного дара Мережковского и Гиппиус не замедлил себя проявить — оба активно включились в культурную жизнь Варшавы и со временем заняли одни из ведущих ролей в варшавских литературных кругах. Тогда же Философов, через непосредственное содействие Мережковских всецело посвятил себя задаче организации выпуска варшавской русской ежедневной газеты.

Неимоверные усилия Философова в конечном итоге принесли свои плоды: он принял активное участие в организации и редактировании газет «За Свободу» (1920—1934), «Молва» (1932—1934) и «Меч» (1934—1939). Дмитрий Владимирович взял на себя роль литературного обозревателя и организатора-предпринимателя, таким образом определив свое профессиональное призвание вдали от родины.

Наиболее политически целенаправленным изданием, выходящим под руководством Философова, была газета «Свобода», позже переименованная в «За Свободу». По своему направлению это издание перекликалось с интеллектуальными настроениями

многих русских эмигрантов. Тем не менее, изначально газета была задумана как печатный орган савинковской боевой антибольшевистской группы. Польское правительство взяло на себя значительную долю расходов, связанных с выпуском этой газеты, впервые увидевшей свет 17 июня 1920 года.

Помимо издательской деятельности, Философов участвует в работе ряда политических группировок, организованных в то время в Варшаве. «Русский Политический Комитет» (РПК) являлся одним из подобных объединений. Открыто антисоветская деятельность РПК и организованного им конгресса привлекла внимание советской делегации на Рижских мирных польско-советских переговорах. В октябре 1920 года наркоминдел Чичерин и посол в Варшаве Карахан, согласно с пятым пунктом договора о перемирии, потребовали от польского правительства пресечения деятельности всех антисоветских группировок, сосредоточенных на польской территории. Польская сторона прореагировала незамедлительно. 7 октября 1921 года Философову, а также руководству «Русского Эвакуационного Комитета» было предложено незамедлительно покинуть пределы Польши. Через три недели военный эскорт переправил ключевых членов «Русского Политического Комитета» к границе с Чехословакией. Философову — не без активного ходатайствования Станислава Стемповского с его связями в кругах маршала Пилсудского — в последний момент было даровано разрешение остаться.

В отличие от Философова, Мережковские не сумели прижиться в Польше. Разочарованные и обескураженные, по их мнению, недобросовестным поведением поляков по отношению к РПК, позабытому после заключения польско-советского перемирия 1921-го года, Мережковские покидают Польшу. Отъезд его близких друзей застал Дмитрия Владимировича — до того момента тесно связанного эмоциональными и духовными узами с супругами Мережковскими — врасплох и вынудил его пересмотреть свои перспективы и профессиональные планы.

В отличие от бескомпромиссно проповедовавших политическую теократию Мережковских, Дмитрий Владимирович проявил большую гибкость в своем подходе к создавшейся ситуации. Отвергнув позицию политического догматизма, Философов был полон решимости осознать сложившееся положение, в котором оказалась русская эмиграция. Несмотря на существующий кризис во взаимоотношениях между русским иммиграционными представителями и польским правительством, Философов принял решение о корректировке характера газеты «За Свободу», редактором коей он являлся, в более пропольском направлении.

В отличие от большинства представителей русского населения Польши, Filosofov пользовался завидным уважением со стороны поляков. Поистине, мировоззрение Filosofova находилось в большей гармонии с мировоззрением его польских коллег, нежели со взглядами его соотечественников. Более того, Filosofov продемонстрировал приверженность идеалам и интересам Польши своей открытой поддержкой политики маршала Пилсудского и Бориса Савинкова — шаг, воспринятый многими членами русской диаспоры в Европе с опаской и подозрением. Filosofov испытал давление враждебной критики со стороны и правой и левой русской прессы. Бывший российский премьер-министр А. Керенский проявил особое нетерпение, обвиняя Filosofova в перебежничестве и политико-культурном альянсе с варшавскими империалистами.

В сложившейся обстановке Filosofov не прекращал своего участия в работе множества различных благотворительных организаций. «Русский Комитет в Варшаве», позже переименованный в «Русский Комитет в Польше» (РКП) являлся одним из подобных учреждений. Несмотря на свою крайне правую ориентировку, РКП оказал материальную поддержку тысячам нуждающихся эмигрантов. К концу двадцатых годов Filosofov руководил работой «Русского Общественного Комитета» (РОК), организации, философия которой в основе своей выражала взгляды более либеральных членов русской эмиграции. РОК посвятил свою деятельность обеспечению духовных и материальных нужд русской эмиграции в Польше.

До конца своей жизни Дмитрий Владимирович являлся наиболее значительным представителем русской литературной и интеллектуальной эмиграции в Варшаве. Польская интеллигенция, в свою очередь, обратила внимание на литературный талант Дмитрия Владимировича, признав за ним главенствующую роль в интеллектуальной жизни Варшавы в предвоенной Польше.

Жизнь Filosofova во время его пребывания в Польше была наполнена динамизмом. Быстро преодолев языковые барьеры, Filosofov обратился к изучению истории польской культуры, пытаясь отыскать в прошлом нити взаимосвязи, объединяющие русскую и польскую культуры. Этот своего рода космополитический переход от сознания «изгнания» к осознанию «гармонии в русско-польской реальности» сблизил Filosofova с его новыми друзьями — Юзефом и Марыней Чапскими, петербуржцами К. Вендзягольским¹, Л. Петражицким², графом С. Тышкевичем³, писателями А. Ледницким, М. Велопольской⁴, Марианом Здеховским⁵, Станиславом и Ежи Стемповскими.

До 1917 года Станислав Стемповский (1870—1952) являлся официальным представителем польского меньшинства на Украине. В 1920 году Пилсудский назначил Стемповского одним из двух польских представителей в запланированном правительстве Петлюры. После того как революционные перемены в России лишили семью Стемповского всего состояния, Стемповский вместе с сыном Ежи (Георгием) в спешке прибывает в Варшаву. С 1924 по 1939 год Стемповский работает главным библиотекарем книгохранилища Министерства Сельского Хозяйства и Сельскохозяйственных Реформ. Философов вскоре после знакомства с этим блистательным русофилом нашел в Станиславе Стемповском родственную душу. Более того, схожесть характеров, привычек и интересов была поразительна. В юношеские годы Стемповский участвовал в работе дерптской студенческой ячейки «Народной Воли», чем он снискал внимание русских охранных служб. Последующее тюремное заключение и непрекращающийся полицейский надзор не сумели изменить литературные приверженности Стемповского, который до конца своей жизни оставался горячим поклонником (и переводчиком) русской литературы. Среди его переводов были произведения Л. Н. Толстого («Воскресение») и Ф. Достоевского («Бедные люди», в сотрудничестве с Чапской). Общение с Дмитрием Владимировичем поддержало и углубило интерес Стемповского к творчеству русских писателей. Союз их был настолько тесен, что мы можем с уверенностью утверждать, что в течение всего периода Варшавской эмиграции Философов-Стемповский оставался его ближайшим другом и коллегой.

В то время как Стемповский пользовался стабильной репутацией маститого журналиста, Философов, все еще не оправившийся после неожиданного отъезда Мережковских, находился в преддверии своей профессиональной карьеры в Польше. Через ходатайство Стемповского и его влиятельных друзей Философов получил доступ в избранные интеллектуальные и литературные круги Варшавы. В числе новообретенных друзей Философова был маршал Пилсудский (взаимоотношения с которым Философов впоследствии поддерживал в течение продолжительного времени); государственный деятель Б. Венява-Длугошовский⁶, писатели С. Жеромский⁷, В. Шерошевский⁸, А. Струг⁹, например.

Таким образом Философов нашел себя на пересечении различных путей — искусства, политики и дипломатии, в гуще событий, оказывающих непосредственное влияние на судьбу Польши. Возможность неограниченного доступа к поистине элитарному кругу писателей, мыслителей и политиков несомненно сыграла решающее воздействие на Философова в принятии ре-

шения остаться в Польше. Более того, воздействие творческой атмосферы варшавских знакомств пробудило в Дмитрие Владимировиче видение Польши Восстановленной, видения, придавшего силу и вдохновение гению А. Мицкевича и Ю. Словацкого, любимых польских поэтов Filosofova.

Близкая дружба со Станиславом Стемповским положила начало одной из наиболее значимых для Filosofova жизненных связей. В 1926 году Filosofov (через посредство Стемповского) был представлен Марии Домбровской (1889—1965). Формальное знакомство переросло в дружбу, и вскоре Filosofov превратился не только в одного из самых частых посетителей дома Домбровской, но и ближайшим литературным советником и вдохновителем ее многогранного таланта. Результатом их творческого союза явился роман Домбровской «Ночи и Дни», вышедший в свет в четырех выпусках с 1932 по 1934 годы. Filosofov взял на себя роль внимательного критика Домбровской и, вскоре после публикации первой части ее романа-флеuve в 1932 году, оценил «Ночи и Дни» как начало новой эры в польской литературе. Высказываясь по поводу литературного стиля Домбровской, Filosofov отметил его законченную простоту во всех отношениях, а также заметил влияние творчества Льва Толстого.

Несомненно, глубоко личные и дружественные чувства, которые Filosofov испытывал по отношению к польскому народу, повлияли на решение Дмитрия Владимировича остаться в Варшаве. Filosofov поставил перед собой задачу построения бытия, которое воедино охватывало бы на первый взгляд несопоставимые обстоятельства его российского прошлого и польского настоящего, бытия, которое определило бы его будущее.

Мировоззрение Filosofova нашло отражение в содержании журнала «Молва», выходявшего регулярно в течение двух лет, начиная с весны 1932 года. Политическая трибуна «Молвы» была одинаково доступна как для монархистов, так и для эсеров, объединившихся в Партию Народных Демократов. Проявив таким образом своего рода политическую нейтральность, Filosofov направил свои усилия к привлечению внимания польской и русской общественности к культурным связям, объединяющим оба народа, к феномену русской культуры в эмиграции, новинкам современной польской литературы. Начатую в «Молве» культурную традицию Filosofov продолжил в издании своего последнего периодического начинания — еженедельника «Меч/Le Glaive».

Filosofov придавал чрезвычайное значение и всячески способствовал организации совместных польско-русских литературных кружков, таким образом поощряя взаимное сотрудничество между литературными представителями двух народов. «Союз Рус-

ских Писателей и Журналистов» с его конкурсами для молодых писателей явился примером подобного литературного проекта. В «Литературное Содружество», регулярно собиравшееся дважды в месяц с 1929 по 1935 годы, входили близкие литературные друзья Философова — Л. Гомолицкий, В. Бранд, А. Домбровский, С. Кунцевич. Такие знаменитые поэты как К. Вежинский и Ю. Тувим, чьими переводами особенно восхищался Дмитрий Владимирович, были частыми гостями «Содружества»¹⁰.

Дневники Философова доносят его разочарование по поводу отсутствия в Варшаве литературного объединения для русской интеллигенции. Вскоре зародившаяся идея «Домика в Коломне» несомненно явилась наиболее знаменательной вехой в литературно-организаторской деятельности Философова. Этот литературный клуб, носивший название одной из пушкинских поэм, просуществовал с ноября 1934 по февраль 1936 года. Атмосфера «Домика» походила на парижский салон Мережковских «Зеленая Лампа» и во многом перекликалась с вечерними дискуссиями об искусстве, музыке и литературе, организованными много лет назад юным Философовым и его университетскими друзьями. Собрания кружка проводились на скромной квартире Дмитрия Владимировича под чаепитие из старинного самовара, пироги и вино. Кружок, с его многообразным динамизмом, возникавшим благодаря участию писателей и мыслителей всевозможных направлений, не только служил бесценным источником информации о преобразованиях в культурной жизни русской эмиграции в Польше, но и подчас заменял Дмитрию Владимировичу семью. В заседаниях кружка принимали активное участие исполнявший обязанности секретаря Леон Гомолицкий, Е. Хирьякова, С. Стемповский, его сын Ежи, Мария Домбровска, ее близкая подруга Аньела Загурска¹¹, ученые русисты В. Слободник и Р. Блют, молодой писатель и дипломат Тадеуш Бреза, известный литературный критик Карол Заводзинский¹². Кроме того, на собрания специально приглашались такие именитые гости, как профессор В. Татаркевич.

Философов был душой, основателем и вдохновителем образовавшегося союза. К сожалению, по этой причине проблема подбора естественного преемника Дмитрию Владимировичу была практически неразрешимой. Переутомление и тяжелый варшавский климат подорвали здоровье Философова. К концу 1935 года Дмитрий Владимирович слег с обострением хронического легочного заболевания, столь омрачившего его детские годы. В начале 1937 года, несмотря на прописанные углеводные ванны и стрихнин, стало очевидно, что здоровье Философова угасает. Вскоре собрания «Домика в Коломне» были приостановлены.

По настоянию врачей, мучимый общим недомоганием и частотой, Filosofov переезжает в Отвоцк под наблюдение доктора Добровольской в ее клинику «Викторувка». К 1938 году Дмитрий Владимирович проводит большую часть дня в постели. Обильный пот, общая слабость, затрудненное дыхание стали каждодневной реальностью уже умирающего Filosofova. Груда кислородных подушек, видимых на последних фотографиях Дмитрия Владимировича, мало чем могла облегчить его страдания, усиленные нехваткой лекарств в условиях первой зимы в оккупации.

Дмитрий Владимирович Filosofov скончался 5 августа 1940 года. Около его кровати лежал лист бумаги с выписанными строками из 89 псалма:

«Лета наша яко паутина поучашуся. Дние лет наших, и ниже семьдесят лет, аще же в силах, осьмьдесят лет. И множае их труд и болезнь. Яко приде кротость на ны и накажемся». (Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы теряем лета наши, как звук. Дней наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим. — Псалом 89, стих 9 и 10).

Filosofov был похоронен на Вольском православном кладбище в Варшаве рядом с могилой его дорогого друга и соратника М. П. Арцыбашева. Простой надгробный камень над могилой Дмитрия Владимировича был установлен его старинными друзьями.

* * *

«Не хотел бы, чтобы после моей смерти в ценные для меня письма заворачивали селетки...» (6.VII.35)

Публикуемые письма позволяют читателю ознакомиться с личностью Filosofova через непосредственный контакт с миром его идей и переживаний, таким образом составляя из очевидного содержания и подразумеваемого подтекста образ Filosofova, принадлежащий к мало изученному периоду его жизни. Помимо того, письма эти содержат достаточно исторического, социального и общекультурного материала для того, чтобы заинтересовать литературоведов и искусствоведов, изучающих тот отрезок времени, в котором жил, мыслил и работал Дмитрий Владимирович. Тем не менее, следует подчеркнуть, что представленный здесь материал главным образом имеет отношение к личности самого Filosofova, нежели к адресатам его писем.

Перед нами предстает образ человека, глубоко мучимого и подчас почти что сломленного под напором требований его профессиональной карьеры, мучимого физической слабостью и духовным обременением, явившимися непосредственным результатом обстоятельств и реалий эмигрантской жизни.

Из писем мы узнаем не только о подробностях, связанных с издательской деятельностью, а также и о значительных финансовых, душевных и физических трудностях, которые испытывал Философов в 30-е годы. В одном из писем мы читаем о том, как практически в абсолютной изоляции Философов становится все более и более зависимым от еженедельных газет из Варшавы. Время от времени мы улавливаем истинное видение Философовым условий эмигрантской жизни и его отношений с соотечественниками, таким образом распознавая истоки его замкнутости, предпосылки к его размышлениям о прошлом и настоящем, о надвигающейся и неминуемой смерти. Мы проникаем в мир забот Философова, познаём его видение литературы — особенно в приложении к его пониманию Толстого; соприкасаемся с загадочной приверженностью Философова к «польской идее», обзреваем очаровательный калейдоскоп воспоминаний детства, о матери, о супругах Мережковских, виньетки петербургского общества, каким оно запомнилось Дмитрию Владимировичу до 1917 года.

Тем не менее, читая эти письма, мы отдаем себе отчет в том, что промеж строк Философов на мгновение обнажает глубины своей души, разделяя с листком бумаги заботы и волнения, захватывающие все его существо. Письма Дмитрия Владимировича, относящиеся к заключительному десятилетию его творчества, обнаруживают, с одной стороны, непреклонное мужество, незаурядную храбрость и выносливость и, в то же время, ту романтическую ранимость и болезненную ностальгию *Weltschmerz'a*, что сформировала поэтическую реакцию Философова на жизнь и открыла для него мир литературы. Помимо всего прочего, письма Философова служат наглядным примером притягательности его личности для его друзей. Находясь в Отвоцке в состоянии подавленности и мучительного ожидания корреспонденции, Философов открывает свою душу, трогательно и просто описывая свою любовь к сердечным друзьям Юзефу Чапскому, Станиславу и Ежи Стемповским. По сей день эта запись остается самым искренним и счастливым свидетельством дружбы, осветившей последние годы жизни Философова.

Мария Домбровска стала для Философова женщиной, дружба с которой продолжалась вплоть до самой смерти. Глубина и значимость их взаимоотношений может быть сопоставимой толь-

ко с взаимоотношениями Filosofova с Зинаидой Гиппиус. Filosofov не был равнодушен к литературному росту и развитию Марии Домбровской, и он прилагал усилия, заботясь о претворении ее художественного таланта и предназначения. Необычайно оживленный интерес Домбровской к взглядам и мнениям Filosofova поначалу перерос в знакомство и, в конце концов, в дружбу с Дмитрием Владимировичем. Письма Filosofova затрагивают суть ее многочисленных профессиональных тревог, с которыми она открыто делилась с ее новым другом. Для Filosofova Домбровская, так же как и Зинаида Гиппиус, стала своего рода родственной душой от литературы, перед кем он безбоязненно мог открыть свое сердце и посвятить в тайну его глубоко личных опасений, пороков и слабостей.

Обмен письмами между Filosofovym и Стемповским документирует общий тон и характер личных и профессиональных взаимоотношений, установившихся между этими двумя критиками и именитыми журналистами. Несмотря на продолжительность их дружбы, в частной переписке оба придерживались характерного для того времени формального тона обращения друг к другу. Они настаивали на употреблении уважительного титула «пан» (pan), избегая обращения на «ты». Их переписка передает атмосферу вежливого и взаимного уважения. Время от времени размеренность формы прерывается и приобретает оттенок непосредственности, переливаясь характерным юмором Filosofova, афоризмами, игрой слов, подчас сарказмом или незлобным подтруниванием. Немногословное описание врачей и пациентов в санатории Отвоцка, напомнивших персонажей из чеховского сценарiums (алчный др. Чоп, пан Дудэк (массажист), всевозможные аристократические дамы (пани Шмяровска, Моравска), почтальон Вейцер — представленные в нескончаемом потоке мелких человеческих недостатков и обиденности) является ярким примером подобной динамики в письмах к двум приятелям.

Письма к Стемповскому практически целиком (за исключением редких упоминаний горячих тем того времени — изгнание из Польши сотрудников Filosofova, рост большевизма и т. д.) посвящены обстоятельствам личного характера. Темы, в них затронутые, в основном вращаются вокруг общих знакомств Filosofova и Стемповского, литературной критики и т. п. Тем не менее, тон писем Filosofova безусловно указывает на то, что их благожелательность не имела ничего общего с безосновательной лестью и ни в коей мере не являлась следствием ностальгического отношения Filosofova к прошлому, проведенному в обществе его близкого друга. Напротив, признание таланта Стемпов-

ского было отражением глубокого убеждения, которое Философов выработал и сохранил на протяжении всех 20 лет их взаимоотношений. Философов по природе своей не был склонен к преувеличению и беспочвенной похвале — в свете чего чрезвычайный авторитет Стемповского в глазах Философова приобретает дальнейшее подтверждение. В среде варшавских писателей и журналистов для Философова не существовало более значительной личности, чем Стемповский.

Смерть Философова рассматривалась многими как потеря одного из самых уважаемых литераторов русской эмиграции. Стемповский вскоре после кончины своего друга взял на себя ответственность опубликования на польском языке некоторых работ Философова, таким образом признавая необходимость собирания и истолкования литературного наследства, оставленного одним из выдающихся деятелей первой половины XX в. Однако, все манускрипты были уничтожены во время варшавского восстания.

В конечном счете письма Философова не только формируют наше понимание характера и индивидуальности их автора, Стемповского и Домбровской, но и воссоздают в сознании читателя образ трех людей, глубоко любящих свои страны, отдавших все, что было в их силах, служению культурным, литературным и интеллектуальным традициям. Поэтому даже эта далеко не беспристрастная хроника жизни и свершений этих людей представляет из себя не только летопись дружбы, но и, в некоторой степени, служит свидетельством о существовании второго выдающегося литературного «триумvirата» в жизни Философова.

* * *

*«Теперь писем не пишут. Фирсы, умевшие сушить вишню вымирают. К чему такая роскошь, когда есть телефон и почтуква..?»
(20.8.38)*

В этом издании впервые публикуются 65 писем (24 письма, адресованных Философовым Стемповскому, а также 34 письма, предназначенных для Марии Домбровской, 4 письма обоим друзьям, 2 ответа Философову от Стемповского, и одно письмо поэту Юлиану Тувиму), за период с 1926 по 1939 годы. Насколько я осведомлен, письма, представленные здесь — всё, что сохранилось от обширной переписки в течение 20 лет их дружбы.

Большая часть переписки Философова хранится в библиотеке Варшавского Университета¹³. Достаточно беглого обзора указанных дат написания дошедшего до нас материала для того, что-

бы обнаружить обширные пробелы в переписке в периоды, когда дневники Философова указывают на канувшие в Лету письма, в свое время отосланные Стемповскому и Домбровской.

За исключением трех неоконченных писем, все архивные материалы Варшавского Университета дошли до нас в целостности. Публикацию открывает осторожно-оптимистичное письмо Философова от 23 июля 1926 г., за коим следуют письма, относящиеся к заключительному периоду пребывания его на посту редактора «За Свободу», затем письма периода восстановления здоровья на курорте в Явоже и, наконец, письма, отправленные из санатория в Отвоцке, где Дмитрий Владимирович скончался. Несмотря на сравнительно небольшое число писем и довольно затяжные пробелы молчания между ними — временами по месяцам, вплоть до года — смена настроения переписки и переход к более личным и доверительным темам указывают на углубляющееся чувство привязанности и доверия по отношению к его друзьям. Атмосфера дружбы и взаимной поддержки становится впервые очевидной из письма к Стемповскому, в котором Философов — безусловно находящийся в трудных финансовых обстоятельствах — в отчаянии вновь обращается к Стемповскому с просьбой об очередном денежном займе. Судя по состоянию писем Философова и сравнительно упорядоченному собранию, сохранившемуся в Отделе Рукописей Варшавского Университета и частных коллекциях, можно предположить, что Стемповские проявили особую заботу о письмах Философова. Ежи Стемповский позже передал материалы, собранные отцом, Варшавскому Университету. До сих пор не ясно, почему пять писем Философова к Домбровской были отделены от главной коллекции и оказались в Варшавском Литературном Музее.

* * *

«Если дорогой р. Stanisław не уехал, он Вам поможет разобрать мои каракули...» (6.VII.28)

Письма, за одним исключением, были написаны от руки, на нелинованной бумаге. Одно письмо (от 28 июня 1928 г.) Философов напечатал на машинке. Несколько писем написаны на бланках газет.

Дата в оригиналах писем иногда указана в конце текста. Удобства ради все даты перенесены в начало писем, а их написание унифицировано.

Пунктуация писем, характеризующаяся крайней непоследовательностью, приведена в согласие с современными канонами

правописания. В целом характерный стиль писем Философова воспроизведен с минимальными изменениями. Единичные и двойные кавычки, встречающиеся в оригиналах, были в процессе редактирования унифицированы, так как в данном случае я не видел особого значения в строгой приверженности к используемой Философовым форме кавычек.

Изредка Философов помечал начало предложения или его окончание дефисом — эту особенность его стиля я не воспроизвел в публикации писем.

Старая орфография модернизирована в соответствии с общепринятыми современными стандартами русского и польского языков.

В своих русскоязычных письмах Философов был особенно склонен к использованию польских слов или их русифицированных вариантов. Так как эти письма отражают естественный прогресс Философова в его употреблении польских выражений, только редкие орфографические ошибки и грамматические поправки были включены редактором данной публикации. Ввиду непоследовательности самого Философова в русском и польском написании имени Марии (Домбровской), я не стал изменять оригинальные вариации этого имени в самих письмах, прибегая к общепринятому написанию имени Мария/Maria только в контексте сносок и комментариев. Философов не писал обращений *Rap* и *Rani* в форме, соответствующей требованиям польской грамматики, употреблявшейся на момент написания писем, а именно: с заглавной буквы во вступительной части писем. Употребление подобных обращений в содержании самих писем было оставлено без изменений — отсюда вариации в использовании заглавных букв; причем сокращенное написание этого слова оставлено без излишнего пояснения. Где возможно, я привел соответствующие разъяснительные примечания. В подстрочных примечаниях указания на язык оригинала даются во всех случаях, кроме польского языка.

К некоторым письмам Философов добавлял подстрочные примечания, которые воспроизведены в конце данного письма под знаком *.

В составлении примечаний я старался быть максимально кратким, приводя только необходимый минимум исторической, событийной и культурной информации для более полного понимания контекста писем. Подчас, когда Философов ссылается на определенную лекцию, книгу, письмо или статью, которые имеют непосредственное отношение к предмету, обсуждаемому в том или ином письме, я привожу несколько более развернутое разъ-

яснение упомянутой отсылки — опять же для более ясного понимания писем. Критикам, не согласным с моим подходом в отношении вышеупомянутых деталей, я могу сказать только одно в стиле Дмитрия Владимировича: «Non me tua fervida terrent dicta: ... di nos terrent et Iuppiter hostis».

Др. Джон Стюарт Дюррант

Примечания

¹ Кароль Вендзягольский был знаком с Философовым с 1920, в 1919—1920 представлял правительство Польши в отношениях с русскими организациями в стране. См. его очерк: Савинков // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1962. Кн. 68, 70; 1963. Кн. 71, 72.

² Лев Иосифович Петражицкий (1861—1931) юрист и психолог, впоследствии профессор Варшавского Университета. Философов особенно интересовался его произведениями о психологии, например, «Основы эмоциональной психологии» (СПб., 1906), которые с некоторых точек зрения предшествовали исследованиям Фрейда.

³ Граф Стефан Тышкевич (1887—1962) был женат на кн. Елене Григорьевне Романовской, падчерице вел. кн. Николая Николаевича, впоследствии Верховный главнокомандующий Польской армией. В Варшаве он был близким другом Философова.

⁴ Мария Велопольска (1884—1940) писала романы и повести с историко-националистической тематикой; хорошо знала Марию Домбровску; была известна Философову, прежде всего, как публицистка, чьи статьи регулярно печатались в варшавских газетах.

⁵ Мариан Здзеховский (1861—1938), историк культуры и литературы славянской, был профессором в университете в Вильнюсе. Мережковские познакомились с ним во Франции через Философова, который переписывался с Здзеховским до революции. Они возобновили знакомство в Вильнюсе в 1920 г. и по пути в Варшаву бывали на встречах с католическими прелатами в квартире Здзеховского. Несмотря на идейные разногласия, Философов очень ценил знакомство с Здзеховским и его книгу «Русские влияния на польскую душу» (Краков, 1920).

⁶ Болеслав Веньява-Длугошовский (1881—1942) стал личным адъютантом маршала Пилсудского в 1918; был поэтом. Философов увлекался его стихами, печатал их в номерах «За Свободу».

⁷ Стефан Жеромский (1864—1925), польский писатель; Философову нравились, прежде всего, его романы и повести «Пепел» (1904), «Люди бездомные» (1900).

⁸ Вацлав Серошевский (1860—1945), польский писатель, автор романов о Якутии, куда он был сослан за политическую деятельность. После 1918 г. в Польше он был председателем Профсоюза Польских Писателей и Польской Академии Писателей.

⁹ Анджей Струг (Тадеуш Галецкий; 1871—1937), польский литератор, романы и поэзия которого считаются историческими документами. Его поэма «Сон о мече» вдохновила Философова на название журнала «Меч».

¹⁰ Философов часто упоминает их в публикуемых здесь письмах. Сведения об этих молодых писателях см. в примеч. к письмам.

¹¹ Аньела Загурска (1890—1943), писательница и близкий друг Философова, племянница Дж. Конрада и переводчица его произведений на польский язык. Ее сестра Ханна Бицкова-Налковска сделала в 1928 г. скульптуру Философова из бронзы в 1930 г.

¹² Кароль Заводзинский (1890—1949) офицер, теоретик литературы; был интеллектуальным противником Философова.

¹³ Ф. 1561. Ед. хр. 1—5.

Warszawa, Sienna 28, т. 21, 23 июля [19]26 г.

Глубокоуважаемый и горячо любимый пане Станиславе,

Вчера, возвращаясь из редакции, зашел к доктору¹, чтобы узнать ваш адрес.

Думал пробыть 5 минут, но просидел весь вечер в «пога-вендках»^а с доктором и вашим сыном, «Ежиком»².

Доктор, что Вы, конечно, давно знаете, оказался самым незлобивым. Мы же с Ежиком злословили взапуски, перебирая всех знакомых Лебезятниковых³. Виноват, впрочем, все-таки доктор. Он принес из своей неисчерпаемой «пивницы»^б бутылку Chianti, которая развязала нам язык, в особенности мне. Язык, по выражению Пушкина «и празднословный и лукавый»⁴. Положительно, я могу написать очень пикантные мемуары о моем пребывании в Польше.

Посылаю Вам, как поклоннику Victor Hugo, несколько пародий на него, помещенных в Figaro от 10-го июля.

Мне особенно нравится:

Il dormait quelquefois à l'ombre de sa lance. — Mais peu...^в

Не обижайтесь на меня. Это не я смеюсь над V. H., а свой брат, француз...

В переписке Льва Толстого напечатаны его письма к англичанке, гувернантке его детей. Эти письма относятся к эпохе «кулачества» Толстого, когда он в единении душ со сквалыгой Фетом-Шеншиным⁵ округлял свое имение. Так вот, он поехал куда-то на юг, по совету Фета, присматривать земельку или пустошь. Взял с собой кого-то из малолетних детей, у него их была сотня. Англичанка беспокоилась о своих питомцах, и все писала: I hope, что дети здоровы, I hope, что погода хорошая и т. д.⁶

Толстой, который тогда еще «противлялся», ее обругал. «Ну вас к черту с вашими „ай-хопами“». Мне важно знать, что делается в Ясной Поляне, а не на что Вы надеетесь».

Цитирую на память, вероятно, вру, но не очень. Так вот, англичанка была все-таки не очень виновата. И подражая ей, я обращаюсь к Вам с «ай-хопами». Ай хоп, что Вы чувствуете себя хорошо, что Вы стараетесь не быть слишком рхливым^г, ай хоп, что у Вас хорошая погода, ай хоп, что все у Вас здорово, что Вы делаете все, чтобы поглупеть и выздороветь. Не смею просить, но был бы рад, если бы Вы подтвердили письменно мои «ай-хопы».

Мы благополучно получили все полномочия, готовим декреты и боремся с засильем жидо-масонов. Новые «дни майовы» отложены «впредь до».

Всего Вам доброго. Уж очень Вы хороший человек. Правда, Herriot⁷ назвал Дзержинского «Le Pur des Purs»^а. После этой проституции совестно кого-нибудь хвалить. Но я не Эррио. Я маленький человек, не совсем еще изолгавшийся.

Душевно Ваш Д. Философов.

^а (pogawędkach) беседах

^б (piwnicy) подвала

^в «...то и дело он спал в тени своего копыя ... Но мало». (франц.)
Игра слов, обыгрывающая переносное значение цитаты из «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго.

^г (ruchliwym) усидчивым

^а Самый чистый из чистых, чистейший (франц.)

2

12 ноября, 1927 г.¹

Дорогой г-н Станислав, глубокоуважаемый друг,

Посылаю Вам при сем мою статью «При особом мнении»².

Будьте добры ее прочесть. Эмигрантская печать или ее замолчит, или меня опять оболуют помоями (подкуплен поляками!). Вместе с тем, я ей придаю значение. Писал я то, что думаю. Ругать других можно только не шадя и себя. Мы же, русские эмигранты, считаем себя почему-то «безупречными».

Не могли ли бы вы оказать содействие, чтоб мою статью не замолчала бы хоть польская печать.

Так как Вы собираетесь писать статью о деле Шварцбарда³, посылаю Вам на всякий случай статьи Пасманика⁴, Мельгунова⁵ и перевод статьи г-на J. S⁶. В заключение позвольте Вас от души поблагодарить за ту поддержку, которую Вы оказали Марыне и Юзе Чапским⁷.

Искренне Вас уважающий
Д. Философов.

3

28 июня 1928 г.¹

Глубокоуважаемая и дорогая Пани Мария,

Ваше милое письмо, в прибавлении к письму пана Станислава, дает мне право беспокоить Вас следующей просьбой.

Я имею возможность уехать на некоторое время из Варшавы. Мне нужны прежде всего тишина, воздух и отдых. Судя по вашему письму, я это могу найти в Явоже². Но кроме того мне нужно лечение: углекислые ванны, впрыскивание стрихнина, известный режим в питании, йод и т. д. Есть ли в Явоже возможность все это получить? По словам дорогого пана Станислава, кажется, все это возможно. Не откажите мне об этом по возможности скорее написать.

Далее. Что должен сделать я, чтобы иметь комнату недели на 4? Комнату приличную и сколько это будет стоить. Имейте в виду, что я имею возможность в расходах на лечение не особенно стесняться, я даже предполагал ехать лечиться за границу, но по разным причинам этот план бросил, хотя я имею в кармане паспорт с иностранными визами. Выехать я мог бы около 10—15 числа, когда, к сожалению, кажется, Вас уже там не будет.

Простите, что обременяю Вас такими житейскими делами. Пишу Вам на машинке, чтобы Вам легче было прочесть мое письмо.

Целую Ваши дорогие ручки, а одну из них, правую, жму с глубоким уважением.

Ваш
Д. Философов.

P. S. Привет любимому пану Станиславу. Ему напишу отдельно. Новые события меня тревожат своей непонятностью.
Д. Ф.

4

6 июля [19]28 г.

A. M. D.!

Вчера, в своей статье, я цитировал одно стихотв[орение] Пушкина: «Бедный Рыцарь» —

A. M. D. своею кровью
Начертал он на щите¹.

Потом прочел в Tyg[odniku] Ilustr[owanym] Вашу статью о Jaw[orzu]², подписанную буквами M.D., и вот я Вам пишу Ave Marjo Dąbr[owska]. В Вашем милом письме было что-то такое доброе, заботливое, нечто материнское, что хотя Вы мне годитесь в дочери, я почувствовал себя маленьким мальчиком, о котором заботится «мама». Должен Вам по секрету сказать, что хотя я принципиально ношу суровую маску, в душе я очень сентиментален и письмо Ваше тронуло меня до слез. С полной ответственностью слов говорю Вам: Bóg zapłać!^a — Пишу Вам не на машине, ибо моя секретарка, наш «ответственный редактор», pani Zofia Turczynowicz — Suszyczka больна³. По существу она просто Соня Савинкова, сестра покойного Б[ориса] В[икторовича], но если дорогой p. Stanisław не уехал еще, он Вам поможет разобрать мои каракули.

Теперь к делу.

Я вычел 50%, даже 75% оптимизма из Вашей статьи и все-таки решил ехать в Jaworze. Дело в том, что я так устал, что мне необходимо отдохнуть, и притом в неоскорбительной обстановке. В Jaw[orzu] может быть убого (хотя и дороговато!), но если Вы такой скромный, но такой «выбредный»^b человек

не оскорбляетесь и не видите уродства, значит это то, что мне нужно. А молодой «Dg. Apiół»⁴ мне поможет. Я ведь по опыту знаю, что каждый больной должен лечиться сам, помогая доктору. В этом смысле я очень «умный» больной. Или не лечусь, или исполняю точно указания доктора, сделанные совместно со мною. Я всегда участвую в «консилиуме». Не обижайтесь, что я сравню себя с дзядком⁵.

Был я у Шимона Аскеназы⁶ и он мне очень остроумно сказал по поводу «вывыда»: «Все пустяки, кроме здоровья дзядка. А я (Шимон) верю, что он вернется совершенно здоровым, и вот почему: я (Шимон) веду очень гигиенический образ жизни. Поэтому, когда я хвораю, доктора в отчаянии. Не знают, какой режим мне назначить. А дзядек курит 100 папирос в день, пьет 20 стаканов крепкого чая, не двигается, ложится спать в 4 часа утра и т. д. Если он будет курить 10 папирос, пить 2 стакана чаю, гулять в лесу, не заниматься делами, он сразу выздоровеет».

Я надеюсь, что это будет и со мною, потому что я грешу всеми грехами Dziadka, кроме того, что не имею ни Бельведера⁷, ни инспектората. И дома и в редакции я чувствую себя рахитическим слоном в грязной клетке.

Итак прошу Вас предупредить милого доктора Аньола, что приеду 16-го—17-го июля, но комнату прошу считать за мною с 16-го и если я запоздаю, я за нее плачу. Думаю пробыть 4 недели. Комнату хочу наверху т. к. всю жизнь сплю с откр[ытым] окном. Конечно и наверх могут забраться воры, но внизу уж очень неосторожно. Комнату хочу хорошую. Восемь лет я на положении слона в клетке! Хочу иметь клетку побольше.

А теперь несколько глупых вопросов:

1) Никаких лекарств привозить не надо? Там все есть, и стрихнин?

2) Вы знаете, что без книг и письменного стола я жить не могу. Хочу заняться Жеромским⁸ (Помните я Вам говорил?) Могу ли я иметь стол? чернильницу? Есть ли какая-ниб[удь] польская библиотека?

3) Немного меня смущает пшестирадла⁹ и т. д. Пан Станисл[ав] помнит мою статью о белизне^а, но думаю, займу у моей господини.

Вот кажется и всё.

Очень боюсь, что не застану дорогого р. Stan[isława]. Но вас застану наверное хоть на несколько дней. Меня прельщает, что в Jawogzu наверное нет ни одного русского! Мне русские надоели не меньше, чем дядьку поляки! Они меня уже превратили в «публичную шмату»^с выражаясь стилем того же дядька. Хотя я и газетчик, но если мне Jawogze понравится, не буду делать никакой ему рекламы из эгоизма. Боюсь, что туда будут ездить русские и испортят мне все дело.

У нас была буря, кажется, в Катовицах⁹ она свирепствовала тоже. Не снес ли ветер у Вас крышу?

Сегодня получил письмо от сен. Познера¹⁰. Очень любезное и милое. Но, кажется, он обиделся на мою статью о «старой курице»¹¹.

Кончаю свое письмо, а то оно превращается в старческий радотаж^е. Pan Dudek¹² меня очень интересуется. Я люблю рассказы этого типа людей.

Целую Ваши добрые руки. Не сердитесь на меня, доведите же Ваши заботы обо мне до конца.

Пану Станиславу привет, szacunek, pozdrowienia, ukłony* и пожелания, чтобы он не уезжал. Наши pogawędki³ с ним для меня большое наслаждение. Какое-то успокоение и благоухание. Читал ли он, что наш митрополит сдал все позиции, что Огиенко¹³ кругом его связал, а Др. Речинский¹⁴ вошел в состав митрополитального совета? Приятно наблюдать такое бескорыстное благочестие и такую искренность с обеих сторон.

Когда я читал о том, что Др. Речинский так заботливо относится к здоровью митрополита¹⁵, я прослезился! Жалко, что я не dziadek! Я бы тоже дал «вывяд»^и, в котором охарактеризовал бы «драстично»^и все это христианнейшее благочестие.

Искренне Ваш
Д. Философов.

* Бог же милости воздаст ти!

⁶ (wybredny) привередливый

⁸ (wywiad) интервью

⁷ (prześcieradła) простыни

² (bieliznie) постельном белье

^с (publiczną szmatę) публичную тряпку

- с gadotage — пустословие (франц.)
* почтение, приветствие, поклоны
³ беседы
" (wywiad) интервью
жестко, круто

5

Warszawa, Sienna, 26, 14 июля [19]28 г.

Дорогая Pani Marja,

Все Ваши добрые заботы принимаю с благодарностью, кроме забот о книгах. Ради Бога, не беспокойтесь! Я телеграфирую о дне и часе приезда, но прошу комнату числить за мною с 16. VII. Я как dziadek! Только что решил ехать, как приходится ждать приезда одного человека из Берлина, что меня задерживает.

Если p. Stanisław еще в Яворже — ukłony^a ему.

Итак до скорого свидания.

Целую Ваши милые и добрые руки.

Ваш

Д. Философов.

^a поклоны

6

Jaworze 2 sierp[nia]^a, 1928 г.

Szanowna Pani Marjo, moja droga i kochana «Przepióreczko!»¹
Nie wiem jak pisać do Pani? Mam nadzieję, że p. Stanisław już wyjechał i w takim razie nikt nie prze tłumczy dla Pani mój list, jeżeli napisz go po rosyjsku. Pisać po polsku to znaczy pisać jak Suzio² pisze do swego narzeczonego...⁶

Меня очень огорчило известие о болезни p. Stanisława. Думаю, что накануне отъезда он слишком был ruchliwy^a, а в поезде было так жарко, что он приехал в Варшаву слишком усталый, и, конечно, не отдохнул.

Я веду себя очень добродетельно, всему покоряюсь, все исполняю, но награды за это не имею. В понедельник 31-го чув-

ствовал себя очень хорошо. Сделал прекрасную прогулку, а во вторник — захворал. Такой плохой пульс, что вот уже третий день не хожу совсем. Только 1/2 kap|iel|^г и массаж. С Dudkiém отношения самые хорошие. Сегодня брал газувку², завтра буду брать kapiel powietrz[owy]^с. Завтра начнется третья неделя, что я здесь. А postęp'a^э в моем здоровье еще нет. Это меня пугает. Впереди целая зима! Устал я очень! Внутренно устал. На эмиграции жить с моими требованиями трудно. Я привык к «аристократии, к высшей математике», а приходится преподавать «мужикам» таблицу умножения. Надо «смириться». «Смирись, гордый человек!» говорил Достоевский³. Но смирение для эмигранта, а для меня в частности, очень опасно. Это значит для меня или превратиться в «szmatę publiczną»^{*} или уйти в себя, совсем уйти от людей...

Без вас, и без глубокопочитаемого p. Stanisława, любить которого мне мешает слишком глубокое к нему уважение (не достоин я развязать ремень у его обуви!) мне здесь стало грустно. Я никогда не скучаю. Я привык быть один и люблю одиночество. В Варшаве я почти всегда вечерами сижу один. Но боюсь я не скуки, а тоски, когда начинаешь «вспоминать».

У р. Моравской⁴ был в субботу и в понедельник. Эти дни вынужден сидеть дома. Во вторник были на прощании со Смяровскими⁵ у Лоренца⁶. Вчера ходил туда опять в товариществе⁷ почти всех обитателей санатории. Вы видите, что я делаю успехи. Единственный человек здесь, которого я чувствую это pani Śmiarowska. Она подлинно славянская женщина. «Si elle ne sait rien, elle comprend tout»⁸. Очень она мне нравится.

Целую ваши добрые руки и нежно обнимаю дорогого р. Stanisława. Земной ему поклон за его заботы обо мне.

Ваш

Dymitr Fiłosofow.

P. S. Лоренцу стакан р. Stanisława отнес.

* 2 августа

⁶ Уважаемая пани Марья, моя дорогая и любимая «перепелочка!» Не знаю, как Вам писать. Надеюсь, что пан Станислав уже уехал, а в таком случае никто не переведет моего письма для Вас, если напишу по-русски. Писать по-польски, это значит писать, как Сузя пишет своей суженой.

⁸ беспокойный

¹ ванна

² (gazówkę) минеральные ванны

³ воздушную ванну

⁴ улучшения

⁵ тряпку публичную, человек без убеждений

⁶ (towarzystwie) обществе

⁷ «Если она даже ничего не знает, она понимает все». (франц.)

7

Jaworze, 10 августа [19]28 г. вечером. Пятница.

Дорогой P[anie] Stanisławie!

Сегодня ровно 3 недели, как я, в сумасшедшем и растерзанном виде, выскочил из вагона, и увидав Вас, почувствовал себя на берегу, точно польские летчики на статке⁸ Самос.

Сегодня ровно 2 недели, как Вы уехали, а я до сих пор не уверен, в Заречье¹ ли Вы уже или еще в Варшаве, не знаю, в сущности, толком, как Ваше здоровье. Боюсь, что и Вы и pani Małga лекцеважите⁶ Ваше нездоровье в письмах ко мне, боясь меня обеспокоить.

Пишу Вам наудачу, чтобы хотя бы письменно поболтать с Вами. Точно Вы тут.

Событий у нас здесь столько, что не знаю даже, с чего начать!

Во-первых, Август получил новую комнату в два окна с фронта, над самыми входными дверями. Это событие страшно повлияло на его психику. Он полон счастья и стал еще более шумлив. Чтобы выразить свое удовольствие, он написал стихи в книгу доктора и торжественно нам их читал у Лоренца. Смысл тот, что он приехал очень zdenergowany⁹, но благодаря опеке доктора и пани докторовой он уедет «wzmocniony»⁷. Его теперь называют «Lolek wzmochniony».

Во-вторых, завтра начинают ходить автобусы в Бельск. Все społeczeństwo¹⁰ взволновано и ждет автобусов как некоего чуда. Когда будет катастрофа, напишу.

В-третьих, в это воскресенье у Лоренца большой бал (при сем объявление!).

В-четвертых, милая жидовочка уехала вчера с сестрами в Варшаву. Третьего дня я прихожу к ужину — у меня на тарел-

ке букет из роз. Марыся² мне объяснила, что это паненьки^c мне велели передать на «пожегнание»^e. Меня это очень тронуло, а р. Маґја меня бранит, что я презираю людей. Вот жидовочка почувствовала, что я их не презираю.

В-пятых, «россияне» до меня таки добрались! Как-то «он» ко мне пришел. Я его принял «косо». На другой день, однако, гулял с ним и его женой. Живет в Крулевской Хуте³. Он получает 500 зл. — квартира и отопление. Очень довольны. Глупы и ничтожны. «Свободу»⁴ читают «тайком», боятся как бы их не «заподозрили». У многих русских эмигрантов психология крещеных евреев, которые скрывают свое происхождение.

В-шестых, я был у «вружки»*. Потащили меня туда наши «дамы». Она оказалась ничтожной, злой бабой, недавно отцветшей, а потому озлобленной. Муж моложе ее, и вероятно, ей изменяет. Когда мы ей рассказывали, что в прошлое воскресенье, на балу у Лоренца, было очень мило, она ответила: «Как может быть весело в обществе покоювэк»?!

В-седьмых, у нас масса новых гостей. Мой этаж весь занят. В Вашу комнату переехала рапна Нанка, к которой приехала сестра. В комнате р. Маґји живет учительница, которая 37 лет учит глухонемых! В комнате Рудницких какая-то «нервова» старушка, которая на всех шипит, и уверяет, что в Явоже... слишком шумно. Сузя ее боится и жаловалась мне на Вас. Вы, мол, обещали прислать хороших гостей, и не прислали. Вместо хороших гостей приехали две полусумасшедшие развалины.

За обедом появились два престарелых господина. Один, который развалится завтра или самое позднее послезавтра, подошел ко мне, назвался Романовским. Он судьей в Луцке⁵. Заявил, что кончил со мной вместе университет в 1895 году. Это мне напомнило анекдот из мемуаров гр[афа] Соллогуба⁶. Его beau-pèreⁿ Архаров встретил кого-то после тридцатилетней разлуки и сказал: «Скажите мне, неужели я Вам так же отвратителен, как Вы мне?»

Вот, кажется, все существенное.

У р. Фелиции бываю почти каждый день, ношу ей книги, а Хеленке конфеты. К сожалению, она уезжает 15-го. Пани Śmiarowska вот уже больше недели хворает и не выходит

из комнаты. Что касается меня, то, вероятно, мне лучше. На днях я пропустил ванну, и р. Dudek пришел ко мне, очень торжественно, с визитом. Посещает меня и Thomasz⁷. На днях я отдал ему кипу старых газет, на что он мне сказал: «В Варшаве, видно, уже ни одной газеты не осталось, все у пана!» Марыся дает мне двойные комнаты, а Сузя по моему поручению покупает цветы, и каждый день утром докладывает, что происходит. Pan Wiezer (листонош)⁸ аккуратен как ангел. Dr. Czop приходит ежедневно и сидит, зевая, у меня на балконе.

Всего вам доброго, любимый и уважаемый,
Ваш Д. Философов.

⁵ корабле

⁶ (lekseważycie) игнорируете

⁷ взволнованный

⁸ подкрепленный, с восстановленной силой

⁹ общество

¹⁰ (panieńki) барышни

¹¹ (pożegnanie) прощание

¹² (wróżki) ворожея

¹³ (pokojówek) горничных

¹⁴ тесть (франц.)

¹⁵ (listonosz) почтальон

8

Jaworze, 12 августа 1928 г. Niedziela^a.

Дорогой друг, pani Marjo!

Вашу милую почтувку от 9.VIII. принес мне вчера вечером служащий с испорченным носом.

Почтувка меня огорчила, но не удивила. Ваше предыдущее письмо меня не обмануло, также как и żartobliwa^b приписка pana Stanisława. Я чувствовал, что меня не хотят беспокоить. Для меня болезнь р. Stanisława, сейчас же после Jaworza, большое горе. В Zarzeczcu он не будет за собой следить, будет делать вид, что здоров, а условия жизни там очень благоприятные. Кажется, даже нет прислуги, и при сво-

ем характере он будет все делать сам. Я от него еще не имел вестей. Написал ему длинный, тоже *żartobliwy list*⁸, в котором описал в стиле «*Pana Tadeusza*»¹ здешние события. Я полюбил тоже *Jaworze*, во многом благодаря Вам, мой дорогой друг, и р. *Stanisławu*. *Jaworze* как бы стало «благословенным» для меня. Я, кажется, выбрался из полосы маразма и только теперь начинаю входить снова в жизнь. Гуляю больше. Моя любимая прогулка та, первая, которую Вы мне показали, где так хорошо виден закат. Вчера дошел до самых гор. Р. *Dudka* посещая регулярно, в 6 ч. утра. Делают мне и *okłady borowinowe*⁹. Только воздушных ванн еще не брал. Довольно стало свежо и доктор не позволяет.

Милая р[ani] *Mařjo*! Вы напрасно думаете, что я не люблю людей! Наоборот, я всю жизнь страдал от чрезмерного интереса к людям! Это мне всегда мешало работать, но теперь, после всего, что было, я их боюсь! Прежде я к ним мог относиться активно. Заболеет кто-нибудь — я мог везти к доктору, заплатить, если нужно, за лечение, похлопотать за политически заключенного, помочь еврею попасть в университет и т. д. Теперь я знаю, что помочь у меня нет ни сил, ни возможностей (поэтому я так боюсь россиян)! И это меня раздражает. На днях исчезла наша горничная (толстушка) *Suzia*. *Podwieczorek*² мне принесла *Marysia*. Объясняет, что у Сузи отец очень плох. Служит где-то рабочим, вторая жена, трое детей, умирает от чахотки. Сузя весь день плакала, пошла к отцу. Прежде я пошел бы к отцу, определил бы детей в приют, его бы поместил в больницу. Теперь же я ничего сделать не могу. И это меня злит, и я начинаю «ненавидеть» милую Сузю! Утешал ее «дешевыми» словами, подарил ей ситцевое платье, но это все «не то». Угнетает меня и то, что я имею права быть больным, что сижу я здесь, возложив свою работу на других. Словом, поймите, родная, что душа у меня больная, раненная и потому не судите строго!

Я совершенно приспособился к здешней жизни, и время прямо бежит! *Pani Śmiarowska* последние 10 дней хворала, не выходила из комнаты. Вчера приехал р. *Mecenas*² и сегодня рано утром ее увез. Со мною все очень мило и предупредительны. Стараюсь отплатить, чем могу.

Со вчерашнего дня ходят автобусы в *Bielsko*. Доктор (каждый день утром сидит у меня 10 м[инут] на балконе, и мы

болтаем о разных пустяках) просит поддержать эту антрпризу. Завтра в обществе р. Ziółkowskiej с сыном и дочерью поеду в Bielsko. Был у меня с визитом р. Dudek, посещает Калибан. Дружу с Августом. Вечером после ужина он гуляет со мной под ручку и говорит, что это Пат и Паташон³. Часто бываю у р. Моравской, она «аристократка» в моем смысле этого слова. Очень хотел бы остаться тут до 31 sierpnia^с, но не знаю, хватит ли денег. Каждый счет (за 10 дней) около 275—280 злотых. Я рассчитывал на 200.

Спасибо за Hetmana⁴. Буду читать. Сейчас же «jednym tchem»^с прочел «Meir Ezofowicz» Orzeszkowej⁵ Очень я люблю эту женщину! (хотя в юности ненавидел «тенденциозную» литературу и был сторонником «szuki dla sztuki»^а). Этот же роман мне пришелся очень по сердцу, так как евреев я люблю, и кажется мне, что их понимаю.

Всего Вам доброго, дорогая przepióreczko. Мечтаю о том, чтобы зимою чаще с Вами видеться. Обязательно раз в неделю.

Какое страшное название «Krzywda»! Впрочем, Чапский сейчас гостит у своей сестры в имении «Mordy»⁶!!

Целую Ваши нежные руки
Д. Философов.

^а Воскресенье

^б шутливая

^в шутливое письмо

^г грязевые ванны

^д легкая закуска перед сном

^е августа

^ж «одним залпом»

^з «искусства для искусства»

15 августа 1928 г.

Дорогой panie Stanisławie,

Доктор передал мне сегодня Ваше письмо от 13.VIII. Из него я вижу, что наши письма разошлись, и предполагаю, что Ваше письмо с описанием здешнего житья бытья уже получили.

Вы спрашиваете, забыл ли я Варшаву, и превратилась ли моя газета для меня в «смерть мухам».

Забыть это мне трудно по двум причинам: во-первых, Варшава сама о себе напоминает. Сегодня, например, прочел прилагаемую при сем вырезку. Она меня ввергла в полное уныние. Нет никакого сомнения, что информация вполне точная. Значит, по возвращении моем в Варшаву опять скандал, опять нелепость, несправедливость и произвол. Опять вышлют ни в чем не повинных людей, антибольшевиков, вовсе не враждебно относящихся к Польше¹. Вышлют за то великое преступление, что они хотят активно бороться с большевиками. (На территории Польши они никаких терр. актов не замыслили). И все это в угоду большевикам и всяким Португаловым² и Милуковым³, которые по отношению к Польше придерживаются принципа «чем хуже, тем лучше». И в каком же положении буду я? Протестовать бесполезно, не протестовать невозможно! Если [бы] я был душевно здоров, не ранен, я бы не так огорчился. Но у меня на душе уже «пролежни» и всякая «горошина» не дает мне спать. И вот тут вторая причина, почему я не могу забыть Варшавы. Она в конце концов меня убьет. У меня была иллюзия, что если моя работа в «антибольшевицком» направлении бесполезна, то есть хоть какая-нибудь польза в моей русско-польской работе, но за последний год все больше чувствую, что это тоже иллюзия! Здесь же, на досуге, sam na sam z Bogiem⁴, я еще больше в этом убедился. А потому возвращение в Варшаву для меня сущий кошмар. Я заболел, потому что устал, а не потому устал, что заболел. Мириться же с тем, что издаю газету «pouf boire et manger»⁶ и чтобы прокормить десяток эмигрантов — я не могу и не хочу. Можно пользоваться помощью только тогда, когда веришь в свое дело, а не для того, чтобы печатать «смерть мухам». И потому все назойливее лезет в голову мысль: «отойти в сторону» и тихо созерцать суету сует, ожидая смерти — «всех загадок разрешения»⁴. Есть что-то недостойное в этом постоянном «терпении», в этом пассивном отношении к тем пощечинам, которые сыпятся от своих эмигрантов, и от поляков. Мелкого самолюбия, честное слово, у меня нет, но есть чувство достоинства. И когда видишь, что вся твоя «деятельность» и «работа» не более как трясение воздуха, лучше замолчать. К Д. С. Мережковскому пришел в Петербурге один сектант с

Кавказа. Мережковский залился соловьем и начал проповедовать какие-то «мистические глубины». Сектант ему ласково сказал: «Брат Дмитрий! помолчим»⁵. Вот этот голос сектанта мне слышится все чаще и чаще. Весьма вероятно, что по слабости я этого предостерегающего голоса не послушаюсь. Но это будет по слабости, а не от избытка сил. Слово имеет только тогда значение, когда ты веришь в его силу. Когда ты говоришь без веры, оно превращается в гаданину»⁶!

Так то.

Искренне Ваш
Д. Filosofov.

16 августа. P. S. Pani Felicja⁶ сегодня уезжает. Очень я у нее отдыхал. Когда смотришь, сидя у нее на лавочке, на горы, освещенные закатом, на чавкающих коров, кучу детей, на бабушку pani Felicji, на мать, на младенца, кажется, что нет личности, что все сплошная «равнодушная природа в красе торжественной своей»⁷. Горы, лес, солнце, корова, младенец, величины абсолютные, вне классовой и национальной борьбы, вне истории. История начинается, когда Cordon s'il vous plaît, начинает доить корову графа Лариша⁸ при помощи электричества!

От pani Marji имею известие. Какое ужасное название «Krzywda».

D. F.

⁵ Стих Пушкина.

⁶ один на один с Богом

⁶ «чтобы пить и есть» (франц.)

⁸ (gadanię) говорню

⁷ пожалуйста (франц.)

10

Jaworze, 19 августа 1928 г.

Дорогой panie Stanisławie!

Мне очень неловко, что в предыдущем своем письме, я, под впечатлением угрозы выслать несколько эмигрантов¹, позволил себе нарушить необходимую сдержанность и, может

быть, раздражил или даже разволновал Вас. Великодушно простите! При сем прилагаю вырезку из «Kurj[iera] Por[an- nego]»^а, который опровергает свое собственное сообщение. Итак будем верить, что на этот раз чаша высылки нас миновала. Конечно, я погорячился, хотя, по существу, я очень объективно изложил мои настроения.

У нас здесь тишь да гладь, да божья благодать. Сегодня была большая урочистость^б: освящение дома католического. С раннего утра ходили с музыкой процессии. Приехало несколько прелатов. Мша^в длилась до 12 1/2. Потом речи по случаю торжества, устроили на перекрестке, не доходя до Лоренца, карусель. Все наши Зоси и Сузи вертелись до тошноты в полном упоении. Безносый «интеллигент» Стекля (подчиненный Дудка!) целый день вертел шарманку, а хлопцы^г кидали петарды. Словом, обилие «музыки». У Лоренца был обед на 50 особ! На мше я не был, но кусочек речей при освящении слышал. Особенно интересна была речь одного престарелого ксендза, художника как шепка, с милым и интеллигентным лицом. Фамилию я его забыл, но он здешний известный деятель, борец за польскость в эпоху австр[ийского] владычества. Но Боже, до чего его простая патриотическая речь была далека от христианства! Не знаю, читали ли Вы одну из самых злых книг Толстого «Христианство и патриотизм», написанную по поводу японской войны? Увы, Ромэн Роллан^д куда ближе к христианству, только христианству, нежели этот ксендз. Потом говорил «опытный» оратор из демокр[атических] христиан^е. Было гнусно и отвратительно! Доказывал, что католичество стоит за знание и просвещение!

У нас начинают разъезжаться. Завтра уезжает милый Филлипэк. Я остаюсь до 30—31, когда будет ровно 6 недель. Надеюсь проехать через Краков. Pani Felicja — «перша класса»^а. Вот уж человек без «лукавства»! Что называется «вся тут». Сегодня у меня был с визитом пан Роман Горский, он произвел на меня хорошее впечатление. Настоящий «муж», не «любовник». Сердечный привет пани Стемповской^д и пану Юрку, если он у Вас. От пани Марьи кроме почтунки^е ничего не имел. До скорого свидания.

Искренне Ваш
Д. Философов.

- ^a Утреннего курьера
- ^b (uroczystość) празднование
- ^c (msza) месса
- ^d (chłopcy) мальчики
- ^e (pierwsza klasa) первый класс
- ^f (pocztówki) почтовой карточки

11

Jaworze, 25 августа [19]28 г. Суббота.

Дорогой panie Stanisławie!

Сейчас получил Ваше дорогое для меня письмо и хочется сказать Вам несколько простых, бесхитростных слов благодарности.

Где это Жеромский написал «guzierz przegranej sprawy»^a? Психологически это гениально!¹ Мой большой и некогда очень близкий друг, поэт, или вернее поэтесса, Зинаида Ник[олаевна] Гиппиус в одном своем стихотворении написала: «Хочу чего нет на свете!»² Рыцарь przegranej sprawy всегда проигрывает именно потому, что он хочет того, чего нет на свете. Сейчас я читаю Фауста там есть стих:

Nur mit Entsetzen wach' ich morgens auf,
Ich möchte bittere Tränen weinen,
Den Tag zu sehn, der mir in seinem Lauf
Nicht einen Wunsch erfüllen wird, nicht einen!³

Словом, вы меня, грешного, возвели в высокое звание «рыцаря печального образа» и очень этим утешили. Всегда приятно быть возвеличенным! Итак, инцидент исчерпан. Смотрите на него, как на мой инцидент с Dudkiem, когда я выскочил из ванны. В нашем эмигрантском положении надо все время прибегать к «сдерживающим центрам». Иногда старый, штопаный котел лопается и выпускает пар. Спасибо Вам, что Вы отнеслись ко мне снисходительно. Наш поэт Тютчев где-то пишет о «целомудренной стыдливости страдания»⁴. Я проявил «бесстыдство и нецеломудрие». И очень мне это горько, особенно потому, что проявил, по отношению к Вам, большой эгоизм. Много у Вас своих горей, своих забот, а я «влез» со своими эмигрантскими «настроениями»...

Я буду в Варшаве 3-го сент[ября]. Сегодня ведь началась 6-ая неделя, что я здесь. Я взял wykorzystałem⁶ от Яворжа все, что мог, и очень благодарен этому доброму и милому Яворжу! Вчера был у младенца. Прихожу к нему обыкновенно после подвечерка. В этот момент его кормят «клеиком»! Он ко мне привык, нешадно царапает мой нос и хохочет. Сел я на лавочку перед их домом и не мог налюбоваться лицезрением заката. У Лермонтова есть стихотворение: «Когда волнуется желтеющая нива...». Оно довольно несуразное. У Лермонтова краснеющая слива оказалась современницей ландыша. Но кончается оно: «И в небесах я вижу Бога!» В такие дни как вчера, воистину, в небесах «видишь Бога!» Правда, на возвратном пути, через вновь насаженный ельник, я наткнулся на дохлого крота. Но и дохлый крот — *faisait bien dans les paysages*⁸. Вся мудрость жизни состоит в том, чтобы видеть смеющихся младенцев и не замечать дохлых кротов.

У нас масса событий!! Во первых, появились воры! У кого-то, что-то и где-то украли. Точно никто ничего не знает. Но это не помешало Лоренцу стрелять ночью, а нашим сенаторским девицам не спать.

В Вашей комнате живут девицы Краузе. Как-то ночью был ветер, и опрокинулся на веранде лежак. Они решили, что это злодеи! Словом, паника распространилась такая, что староста прислал двух полициантов, которые ночью, по рецепту Жеромского, ходят по Яворжу взад и вперед, взад и вперед!

Вторым событием был «бунт» Стекли, того безносого полу-интеллигента, который топит ванны. Он забастовал и в один прекрасный день мы остались без ванн. В самом глупом положении очутился я. Я пришел, как всегда, первый в 6 часов. Дудек сделал мне массаж, начал готовить ванну, а воды нет! Так я и убрался, не солоно хлебавши*. Вы видите, что мы крутимся в вихре событий! Осталось нас очень мало. Один стол и одна обеденная очередь. Уехала пани Бржезиньска с мужем в Чехословакию, и за столом мертвая тишина. Только издали слышится прелестный голосок Аугуста, который о чем-то спорит с «секретарем». Каждый день кто-то уезжает, а в среду думаю двинуться и я, через Краков.

Представьте себе, всю эту неделю я тоже возился с глазами. Ни с того, ни с сего сделался на глазу ячмень.

Итак, до скорого свидания. Очень горько, что Вы возвращаетесь в Варшаву разбитым и больным. Зима длинная-длинная!

Сердечно Ваш
Д. Filosofov.

P. S. На днях послал «незнакомке» много «дружков». Может быть, вечером они позабавят. Целую незнакомке ручки.

2 P. S. Из Варшавы имею сведения, что «провинившихся» высылают не за границу, а в познаньское воеводство.

* Стекло заменяет милый Томаш.

^a рыцарь проигранного дела

^b воспользовался

^c ему было хорошо на природе

^d (złodzieje) воры

12

Jaworze, 28 августа [19] 28 г.

Дорогая pani Marjo!

Получил Вашу добрую почтучку^a от 25. VIII. Беспokoю Вас своим письмом только потому, что в Вашей почтучке была русская фраза: «Не огорчила ли я Вас моим последним письмом?». Дорогая, глубоко-чтимая pani Marjo! Как Вы могли сказать такие слова! Ваши письма и письма дорогого p. Stanisława одно из немногих, но великих утешений моей эмигрантской жизни. Наоборот, у меня все время чувство, что я причиняю Вам огорчения своей вечной «хандрой». Особенно мне было стыдно, что я взволновал одним своим письмом милого p. Stanisława. Вместо nagan'ov^b я от него получил трогательное письмо написанное otówkiem^c в постели! Он, в письме своем, говорит о «gusce przegranej sprawy»^d доказывает, что przegrana sprawa^e не унижает ее рыцаря. Хотя я и плохой рыцарь, но думаю, что величие самой «справы» обязывает к тому, чтобы по-прежнему стоять на вахте^e. «La vieille garde meurt, mais ne se rend pas!»^f. Единственное мое оправдание в том, что я показал свою слабость, свое уныние людям, которых я глу-

боко уважаю. Этим, в конце концов, я оказываю доверие. А потому не сердитесь, дорогая, на меня. К Вам я привязался на Сенной, когда мы по вечерам встречались у больного пана Станислава. Хотя Sienna была не проклятая Wrońia², где pan Stanisław лежал совсем один и входная дверь была или открыта, или ключ был у дозорца*, но все-таки ему было у доктора не хорошо. Вы это чувствовали еще острее, нежели я. Помню также, как Вы мне нарезали у pana Stanisława черный хлеб, мазали его маслом, накладывали сыр и устраивали мне kolację³. Уже тогда я чувствовал себя с Вами «как дома», а за нынешнее лето, благодаря Яворжу, еще более близко почувствовал Вас.

Всего Вам доброго,
Ваш Д. Философов.

¹ (pocztówka) почтовая карточка

⁶ (paganów) карманных пистолетов

⁸ карандашом

⁷ рыцаре проигранного дела

⁴ проигранное дело

⁵ (na waga) на вахте

² «Старая гвардия вымирает, и не сдастся!» (франц.)

^{*} (dozorca) сторожа

³ (kolacje) ужин

13

Warszawa, Sienna 28, 14 lipca^a 1930 г.

Дорогие, любимые, уважаемые друзья!

А я все еще в Варшаве! И опять на меня свалилось несчастье. Умер Пасманик. В субботу 5-го июня с большим трудом послал я ему 500 zł. и написал, чтобы он во время моего отпуска больше статей присылал! А после обеда получил телегр., что он скончался! За 10 лет я потерял: Савинкова, Арцыбашева, Португалова(!?), Пасманика. Кажется, пора уже и мне «закрывать лавочку».

Вспоминаю Вас непрестанно. Сначала на Реп-клубе. Было мне там очень гнусенько. Чувствовал себя «командором»

из Дон-Жуана. И Боже, как современные польские дон-жуаны, из Wiad[omości] Liter[ackich] и M.S.Z.⁶ не крепко стоят на ногах! Для них всякий «Французик из Бордо» — «барин», а Толлер или Вл. Познер² чуть ли не «Maîtres de conscience»!¹ Единственным утешением за это время был для меня приезд Марыни и Юзи Чапских. Я ими все-таки горд. Марыня привезла текст своей книги о «Мицк[евиче]»³. Она выйдет осенью у Płon, в серии романсиров[анных] биографий. Книга ее, конечно, несовершенна, но для ее биографии она имеет громадное значение. Марыня страшно выросла, и я за нее спокоен. Она найдет себе в Польше работу, заработок и будет Польше полезна.

Книга ее меня тронула и по другому поводу. Она вновь поставила передо мною два «mentalités»⁷. Эмиграционной и государственной.

В последних спорах о том, как писать биографию Мицкевича и вообще «великих польских людей», как в капле воды отражается вся проблема соврем[енной] Польши. И может быть я ее лучше вижу, нежели поляки. Мое пребывание в Польше, мои польские «встречи» (например с Вами, мои дорогие!) очень символичны! Период «потерянного рая» для Вас прошел. С 1918 вы сидите «na swoich śmieciach»⁴ и Вы увидели, что вновь найденный рай — черная, густо политая кровью земля, на которой надо в поте лица делать черную, тяжелую и крайне напряженную работу. Землю обетованную вы нашли, но дом надо строить, и окружить его крепким забором. Словом, надо «перестроиться». Из эмигрантов-мечтателей превратиться в граждан-строителей, вернее даже, в колонистов. Конечно «bronzownicy»⁴ не отделались от духа неволи, но Boy⁵ (беру его символически!) — слишком легкомысленно думает, что обладая независимой территорией, Польша уже обладает и независимостью культурной и духовной. Достаточно маленького наводнения, чтобы Kawiarnia Ziemiańska⁶ и Wiad[omości] Liter[ackie] (Mortkowicz⁷ у compris) поплыли как сорванная соломенная крыша. Дорогой panie Stanisławie! Я ведь «этатист», мелкий буржуй! Но не думайте, что я «мещанин» и «филистер». Если я против «асфодели» за скромную «ромашку»⁸, то я и против самоупоенного сидения na swoich śmieciach, все равно будут ли эти «сметы»⁹ в Ziemiański-ей, у Лурца, у Кард[инала] Каковского⁹, у Боя, у Новачинского¹⁰

или Дашинского¹¹. Завоевывали Польшу два раза: в 1831 и в 1863. Остальное столетие о ней мечтали. Теперь ее надо опять завоевывать, но не в припадке бурного bohaterstwa^с, а героизмом повседневным. Я этой «смены» что-то мало вижу. Не вижу напряженности закрепления земли обетованной. Задача крайне трудная, потому что дух времени сейчас не национальный, а «интер-национальный». Сколько надо сознательности, мужества и сил, чтобы бороться с коммунизмом и с шовинизмом, и в этой борьбе не забывать о ежедневной работе в «огороде». Русской эмигрантской] молодежи (и там в России!) надо заражаться психологией Мицкевичей, польской молодежи надо о нем забывать и учиться у голландцев, швейцарцев и датчан: как ковырять землю усовершенствованной ковырялкой, как устроить кооперативы и во имя жизненной силы насадить в Польше подлинный здоровый демократизм, без или помимо «центро-лево»¹² и «полковников», вопреки Каковским и Недзьялковским¹³.

А мне надо отделаться от «реализма», переселиться в мечтания, переехать в Краков и писать там мемуары.

Что-то я наболтал очень несуразно, к слову пришлось.

Ваш
Д. Философов.

¹¹ 14 июля

¹² (Ministerstwo Spraw Zagranicznych) Министерство Иностранных дел

¹³ Мастера совести (франц.)

¹ два различных склада ума, два образа мышления (франц.)

² буквально — на своих тряпках, т. е. в собственном маленьком мире

^с тряпки

^с героизма

14

Jaworze, 12 августа [19]30 г.

Дорогой panie Stanisławie,

Столько я Вам причинил неприятных хлопот со своими капризами и болезнями, что считаю своим «священным долгом» рассказать Вам о своем приезде в Явоже и о своих первых впечатлениях.

Меня ожидало два сюрприза. Один очень приятный: pani Małga остается еще две недели, и таким образом половина моего здешнего пребывания окрашена ее присутствием. К сожалению, благодаря длительному здесь пребыванию, она не заготовила варенья, а я не знаю как быть зимою: без варенья скучно!

Второй сюрприз — неприятный: погода. Льет, льет и льет, не знаю даже откуда. В воскресенье Калибан ходил с длинной жердью и утверждал, что trzeba bronić się^а ! Речка грозила превратиться в бурный поток и залить виллу Марыси, а наш новый «zakład»^б превратить в необитаемый остров! Не знаю, стараниями ли Томаша или P.I.M.'а, но мы остались целы. Даже August не потонул. Вообще говоря, дурную погоду хорошо переносить «у себя». Но «на курорте», пляже и т. д. люди от холода и дождя стервенеют. В Deauville² имеются кабаки и девицы, в Карлсбаде³ — кино, читальни, кавярни^в, в Jawogzu на этот счет, как Вы знаете, плохо. И я наблюдаю, как увядшие девицы, полу-девицы и дамы зеленеют и осточертевают. Меня это не касается, ибо наоборот, дождь меня успокаивает. После моей пивницы^г на Длугой и Слизкой⁴ солнце и воздух меня раздражают, а серенькое небо с сыростью на меня действует отлично. Я себе напоминаю ту лошадь в «Жерминале» Zola, которая постоянно жила под землей. Вдруг эту лошадь вытащили на свет Божий и получился большой конфуз.

Комната у меня в новом закладе. Напоминает «роскошную» каюту на «Wremep'е». На земле — она тесновата, но видно мне уж до конца дней придется изображать, как на Длугой, бегемота в клетке. Зато умывальник и W.C. меня утешают. Ходить же к Дудку в эту сырость очень удобно.

От скуки мысленно занимаюсь «психоанализой» по Фрейдю. Как Вы знаете, тут имеются братья-разбойники, которые распространяют «флюиды» не только среди чупирадел^а, но и среди «пудл»^б. Старший же вообще охулки на руку не кладет и недавно мне жаловался, что в Варшаве плохи ночные кабаки. Когда он дарит своим присутствием ужин, весь «прекрасный» (?) пол оживает. Дама с дряблыми телесами, громадным носом и полным отсутствием подбородка при нем кокетливо спрашивает через весь стол доктора: Panie Doktorze!^в Вы мне решительно (absolutnie) запрещаете майонез?

Я бы ей решительно все позволил: и майонез, и prosię z chrzanem*. Но доктор почему-то запретил... На днях же все матроны были потрясены ужасающим событием: Janko увез в Bielsko одну молодую пациентку и вернулся с ней лишь в три часа ночи. Все чупирадлы уже третий день гадают, что молодые люди делали в Бельске от 10 до 3 ч. ночи? Мнения расходятся...

Pani Marja, по моему, чуть-чуть похудела, но очень хорошо выглядит. Бодра и крепко стоит на своих ногах. Кроме того, стала воинственной. Каждый день состязается с ксендзом «Пудром»⁵ на богословские темы.

Ну вот, кажется, и все. Да, забыл. Представьте себе, я все-таки привез большой сундук! Могу привести тысячу причин, и самых серьезных, почему я это сделал. Но писать об этом надо целые томы! Томаш мой сундук сразу узнал и безропотно потащил его наверх. Милый очень человек. По вечерам я сижу около двери под балконами, спасаясь от дождя. Он приходит меня занимать, и действительно занимает.

Доехал я как царь, один в купе 1 класса! У меня, как у dziennikarza¹ ульговый² билет туда и обратно. За «туда» я заплатил 12 злотых. Кондуктор принял меня за важного чиновника и сразу объявил, что никого в купе не пустит! В Бельске я позавтракал и приехал на таксувке³, которая стоила столько же, сколько билет!

Доктор Jerzy [Чоп] все так же носится, но я его искренне полюбил. Он хороший парень. Дай Бог ему выгрести и не запутаться в векселях. Когда приеду, не знаю. Хотелось бы остаться 6 недель, но горе в том, что 17 сент. назначен наш дурацкий процесс с Бутенкой, который тянется с 1926 года⁶. Начинаю думать, не отложить ли его по болезни? Слишком глупо все, что наживешь здесь, потерять в несколько дней тотчас же по возвращении в Варшаву. Такие процессы особенно полезны для сердца!

Всего Вам доброго, дорогой и уважаемый друг.

Поклон пану Юркови⁷

Ваш Д. Философов.

* надо защищать себя

⁶ учреждение

- кофейные
- † (piwnicy) подвала
- czupiradeł — безвкусных людей
- pudli — претенциозных людей
- Господин Доктор
- поросенка с хреном
- журналиста
- льготный
- (taksówka) такси

15

23 августа [19]30 г.

Дорогой panie Stanisławie!

Итак, usiekła mi moja przepióreczka, утопая в сияньи голубого дня¹. Мы долго стояли с р. doktorowa^a («wa» или «wej»), думали, что р. Magja еще раз обернется, но бричка (или тарантас) завернул, а р. Magja не обернулась, обращенная мыслями к Варшаве. Через минуту пришел доктор Jerzy на проводы, но брички уж след простыл. Правда, р. Magja уехала слишком рано, и вероятно, полчаса сидела на станции...

Сегодня ночью опять была ulewa^b, а вчера весь день что твоя Италия в дни sigosso^a. Перед ужином я пошел на горку, где было когда-то свидание «трех императоров» и встретил по дороге сенатора и полуслепую даму (она приехала после Вас!). Слепая дама несется как аэроплан, не видя канав и пней, я, наоборот, задыхаюсь, сенатор что-то лопочет и становится такой красный, что вот-вот снова хватит его удар. Сенатора² после долгих уговоров отправили домой, слепую даму, выволочив из канавы, сдал какой-то влюбленной паре, и сам удрал, кашляя и задыхаясь как испорченная шарманка. Сенатор был когда-то (по сравнению с вечностью очень недавно!) страшно умный. Полуслепая дама была, по-видимому, очень красива. Я тоже был не так чтобы очень глуп, и не так чтобы слишком уродлив. Но «du temps les irréparables outrages»[†] превратили нас троих в безмощных дураков. С отъездом р. Magji pan Liebkind меня замучил, т. к. я один остался ему на pastwę^a. В общем, все к лучшему, а здоровье мое поправляется.

Искренне Ваш
Д. Filosofov.

^a докторшей^b ливень^c сирокко — сухой южный ветер (итал.)^r непоправимое оскорбление течения времени (франц.) (см. п. 27, примеч. 3)^z я один остался его жертвой

16

Jaworze, 24 августа [19]30 г.

Дорогая и любимая Pani Marjo!

Я забыл вложить квитанцию в письмо к р. Stanisławowi. Шопенгауера еще не отнес, но Bog[enjok]¹ знает, что книга у меня.

Сегодня видел паню Фелицию, которая сегодня приехала. Вид у нее очень плохой. Приехала на 3 дня, т. к. не может оставить бабтю^a. Бабтя прогнала пелегнярку^b, уверяет, что она втыкает в нее иголки. Таким образом, бабтя это как бы powotwór^a, который изнуряет паню Фелицию. Как «техника» умирания до сих пор не усовершенствована! Как права была Уминьска, которая из жалости убила мужа!

Сегодня такой дивный день, что даже страшно! Я в первый раз брал Luftbad^r. За столом у меня два антипода. Добродетельный Либкинд, который из добродетели всех ругает: пилсудчиков², масонов³, покойного Познера, Недзялковского, Барлицкого⁴, Шапиро и т. д., и т. д. А pani Marta⁵ спрашивает, люблю ли я устрицы, какой лучший ресторан в Париже, и что ей ответить греческому посланнику. Два несовместимых мира, а сидят за одним столом. Вчера pani Marta ездила в Бельско на «шевролете» Лоренца. Перед отъездом ей упало на ногу ружье Ийойо⁶. Там нога так разболелась, что решила немедленно ехать назад. Но шевролет по середине улицы испортился и час слишком его чинили в присутствии городских и толпы народу. С Янком она поругалась, и он ее в Бельске бросил. Теперь лежит с опухшей ногой. Все это рассказал мне dr. Jerzy. Не человек она, а «оно» женское естество, без намека на личность!

Ну вот Вам, дорогая, наши «plotki»^a. Будьте добры, не откажите написать, что значит отставка Sławka⁷? Наверное pan Stanisław что-нибудь знает?

Целую Ваши маленькие добрые ручки.
Искренне Ваш
Д. Философов.

^а (babcia) бабушка

^б (pielęgniastkę) медсестру

^в опухоль

^г воздушная ванна

^д сплетни

17

Jaworze, 28 августа [19]30 г.

Большое спасибо, дорогая pani Małgo, за милое письмо, столь прекрасным русским языком написанное!

Вообще на письма не следует отвечать, это предрассудок. Отвечать надо лишь на письма с определенными вопросами т. е. на деловые. Иначе вся бы жизнь ушла на переписку. Следует писать письма, когда захочется, а не отвечать по долгу службы.

У нас стоят здесь такие нежные, целомудренные осенние дни, что я прямо растерялся. Хочется *wykorzystać^а* каждую минуту, а сил нет. Уже в 5 ч. утра, а иногда и в четыре, выскакиваю на балкон. Бывает и раньше. Посмотреть звезды перед заходом. А вечером, в 10 ч. уже никуда не годен, хотя тут-то звезды особенно великолепны. А после подвечорка хожу на горку посмотреть закат. И предаюсь романтической меланхолии, благодаря ассоциациям воспоминаний. Наш деревенский дом в селе Богдановском¹ был на холме. С более крутой юго-западной, стороны был въезд, после большой березовой аллеи, а с другой, северо-восточной, отлогой стороны, был парк, десятин в 15,20. Сначала прямые аллеи, стриженные липовые аллеи, шпалеры причудливо стриженных елок. Это старый, прадедовский парк в стиле Люд[о]вика XIV-го, эпохи Петра Вел[икого] и Елизаветы. Вторая половина уже в «новом вкусе», сентиментально-английском, начала XIX-го века, устроенный моим дедом. Грандиозный пруд (можно было податься под парусом!), искусственные острова, и наконец — «лес» без дорожек. Все это было окружено глубоким рвом, и высоким валом, обсажен-

ным некогда стриженными елками, в два ряда. Почему-то кусок вала со стороны въезда был без деревьев, в этом валу стояли скамейки, с которых принято было после обеда (тогда обед был ранний, часов в 6 веч.), смотреть на заход. Мама² это очень любила. Пространства были бесконечные. Сначала обработанные поля, потом таинственные «недоступные» дали, почти безлюдные, по которым тянулась жел[езная] дор[ога] из Петерб[урга] в Киев.

Мне Яворже нравится, потому что природа совсем не напоминает Богдановское. Никаких болот, перелесков, журавины, брусники. Но вчера я почувствовал острое сходство, во время заката. И по очень смешной причине. Усевшись на горке, вдруг вижу тонкий, новый месяц, а под ним начинающую мерцать Венеру. (По-моему это Венера!). Я подумал, неладно: с левой стороны! Но вдруг успокоился. Да ведь так должно быть! Это было так и в Богдановском! Смотришь на закат, и там, около «омшанника» (из дикого камня, странная постройка, для хранения зимою овощей и картофеля!), налево все ярче и ярче загорается месяц, сквозь ветви старой, «плакучей» березы. И Венера там загоралась. При ее появлении, кто-нибудь, бывало, затягивал даже «Звезда вечерняя моя» из Тангейзера!³ И сразу все стало напоминать детство. Казалось, что никаких «Каттовиц»⁴ нет, а вместо них бесконечные перелески, болота, клюква, брусника. Что это, *proszę państwa, nie ślask Cześć[ki]*⁶, а «новоржевский» уезд Псковск[ой] губ[ернии]. И в сумерки вырастали постройки. Ясно видел избу, в которой справа жил столяр Матвей, а слева старенькая пекарка, Евдокимовна. Евдокимовна родилась вместе с Victor Hugo, *quand le siècle avait deux ans*⁵. Но по странной случайности, они друг друга не знали. Старая *babcia* в *domu kobiet*⁷, любила в бессонные ночи воспоминания... Я их не люблю. Они меня обессиливают, влекут к смерти, к неделанию. Только глядя в будущее мы, эмигранты, можем жить и общаться с молодежью.

У нас здесь главным событием было появление *pani Korsakowej*⁸. Я думал, что приедет *starsza pani*, жена «*miarodajnego czynnika*»⁹. Оказалась же, — Грета Гарбо с примесью какого-то 1830. Я с ней еще не разговаривал. У меня ведь флирт с р. Мартой^{6!} За столом большая перемена. На месте р. Jerzego сидит рядом со мной р. Марта. С Вашим отъездом доктор переселился на противоположный конец, к великому удо-

вольствию всех тамошних чупирадл. Вчера он сел посередине, рядом с р. Korsakowa. Она сразу оживилась и я решил, что она chaud-froid^с, что она покрыта снегом как многие вулканы. Когда все разошлись, пришла pani Szorowa⁷ и стала меня благодарить, что я сумел оживить ее дочь. До меня она, мол, скучала, не сходила часто сверху, а теперь весела, смеется. Видите, какой я имею успех! Эта высказанная вслух благодарность напомнила ее слова о векселях. Помните? Liebkind «нуден»^с до остервенения. А главное, он вовсе не добрый. Но чтобы быть злым, надо быть чуть-чуть «художником», тогда złośliwość* прощается. У него абсолютный brak³ художественности.

Привет дорогому р. Stanisławowi.

Целую Ваши дорогие ручки

Ваш

Д. Философов.

^а воспользоваться

^б извольте господа, не чешская Силезия

^в Виктором Гюго, когда столетию всего два года было... (франц.)

^г старшая бабушка в доме женщин

^а старшая женщина, жена официального лица, имеющего достаточную власть

^с горячая-холодная (франц.)

^с скучный

^{*} гневливость

³ отсутствие

18

Jaworze, 12 августа [19]30 г.

Дорогая Pani Marjo!

Чапские писали мне о том, как Вы и р. Stan[isław] их радушно приняли и как мило они провели время в Вашей уютной квартире за вареньем. И мне захотелось вас обоих сердечно поблагодарить. Я считаю, что Чапские материал очень хороший и стоит над ним работать. В них есть большая доля наивности, но эта наивность порядка, так сказать, «гениального», а не от дефекта ума. Это наивность детской

доверчивости, вообще детской непосредственности. Они способны поехать убеждать папу римского, чтобы он переехал в Прушков¹, а Сталина, чтобы закрыл Г.П.У. Но ведь это проделывал Мицкевич, это же было у Жеромского, несмотря на всю его суровость. Их высокий внутренний аристократизм, их потрясающая бессребренность (живут как птицы небесные!), их свобода от «конвенциональностей» меня преисполняют к ним глубоким уважением. В них есть какая-то «серафичность» Франциска Ассизского. Я, как-никак, эмигрант, а им нужны поляки. А в Польше им очень трудно найти подходящих поляков. Недаром они прожили 5 лет в Париже²! И мне кажется, что Ваш дом для них, в этом отношении, особенно ценен.

В Варшаву я приезжаю не позже 22 сент. и тогда надеюсь с Вами поговорить. Я оглушел окончательно и заметил, что вопрос о том, будет ли завтра дождь или нет, меня больше занимает, нежели варшавские события. В этом (в смысле лечения!) хорошая сторона санатории. Опасность в том, что все больше и больше боишься нового погружения в реальную жизнь с ее повседневными заботами и огорчениями, боишься ощущения, столь знакомого, того страшного несоответствия, которое фатально существует между мечтаниями — и реальными возможностями, между надеждами и «сапогом действительности», как говорил Достоевский.

Я купил себе в Бельске «Zauberberg» Th. Манна³, издание в одном томе, на тонкой бумаге в 950 страниц!! Манн, по-моему, человек не особенно талантливый, страшный педант, который с немецкой холодной добросовестностью рассказывает для детей старшего возраста о тех проблемах, которые давно уже поставлены, и особенно в литературе русской. Но в данном случае чтение его пришлось мне по душе, т. к. все эти 950 страниц происходят в санатории и в книге рассеяно много интересных наблюдений. Кстати, там интересен тип иезуита, по фамилии Naphta, сына еврейского «кошерного» gzeźnika⁴ (не знаю, как по-русски?). Только что я поражаюсь, что ксендз носит фамилию Пудер⁴, а тут вдруг иезуит Нафта! Кроме этого чтения я ни на что не способен. По-прежнему с трудом читаю газеты, хотя вчерашние известия убедили меня, что газеты могут быть интересными. Кстати, как Вы думаете, не останусь ли я тут отрезанным от Варшавы?

Всего Вам доброго. Сажу у себя в комнате, при открытой на балкон двери, дождь льет беспощадно, сыро, холодно, но мне не холодно, ибо у меня открыт калорифер, или «калафифор», как я его называю. Вспоминаю, как мерзли Ваши дорогие ручки. Вот что значит успех техники, цивилизации и прогресса. С доктором очень дружим, что же касается Боренека, то может быть он хороший врач, но психологически он бездарен.

Дорогому р. Stanisław[awowi] привет.

Ваш
Д. Filosofov.

* мясника

19

31 января [19]31г.

Дорогие друзья,

Посылаю Вам несколько билетов на вечер Достоевского¹.
Позволяю себе это сделать по двум причинам:

1) места нумерованные.

2) поет митрополичий хор, и очень будет стараться.

Если не придете — я не обижусь. Главное, чтобы вы пришли не по принуждению.

Получила ли р. Małja и pan Stanisław книги от Марыни?
Она беспокоится.

Звонил к Вам, но каждый раз неудачно.

Искренно Ваш
Д. Filosofov.

Sienna 28
Tel. 256—26

20

Варшава, 10 июля [19]31г.

Нет, дорогой Panie Stanisławie, от моей газеты и ее чтения Вы уже не отделаетесь до самой моей смерти! Буду ее вам посылать неизменно. Часто пишешь и не знаешь, кто будет читать? А потом подумаешь: а pan Stanisław? Словом, от этой повинности Вас избавить не могу.

Само собой разумеется, что моя газета сплошное безумие. Разве это газета? Разве такая газета может окупаться? Все безнадежнее становится положение, все больше я запутываюсь, а все-таки продолжаю. Ибо чувствую, что она кому-то нужна, и нужна не старым, как я, а молодым. Последнее собрание в «Литер[атурном] Содружестве»¹ меня очень утешило. Я вижу, как прямо у меня на глазах подымается культурный и всяческий уровень всей этой страшной нищеты духовной и материальной. Все это «голытьба» и не будь у них «своего угла» — «Литер[атурного] Содр[ужест]ва» и, без ложного стыда скажу, — меня, они превратились бы в пыль. А теперь они чувствуют себя нужными, и это их подбодряет в их безнадежной жизни. Я Вам посылаю еще раз два номера «За Своб[оду]» с прениями «Содружества». Обратите внимание на номер от среды, 8-го июля. Там прения по моему докладу, и фельетон на тему «У кого мы в рабстве»². С газетной точки зрения такие номера — прямая глупость. А я радуюсь. Потому что вижу, что поднятые мною вопросы, здесь, в «провинциальной» газете волнуют лучшие элементы эмиграции.

На двенадцатый год своего существования моя газета пробила какую-то брешь, и живые элементы тянутся к ней как к единственному внутренне свободному органу.

Вот, дорогой, как я расхвастался, но я хочу Вам объяснить, почему я, как маньяк, трачу все свои силы на свое маленькое дело.

На счет Jaworze не преувеличиваете ли Вы? Ведь, кажется, в июле там всегда переполнено! Меня воистину огорчает, что Вы так рано возвращаетесь. Вам надо досидеть до более спокойного сезона. Правда — вопрос «gotówki!!»³. Я твердо убежден, что Ваша болезнь не чисто физическая. Сердце у Вас «болит» и психологически. Утешать Вас не буду и не вправе. Знаю только, что Вы многим нужны.

Уж, кажется, я в стороне от Ваших интересов, и круг у меня маленький. А вот Марыня каждый день мне телефонировала, нет ли известий от Вас. Приехал Маланюк³, о том же мне звонит. А госпожа Хирьякова⁴ тесно связала Вас со мною. Это ведь тот маленький мирок, который я знаю. А скольких я не знаю?

Посылаю Вам очень интересную книгу Daniel'я Halévy⁵ (кстати он приезжает в Польшу в авг.) «La décadence de la libe-

тё». Прочтите, дорогой. Он — культурный еврей с «премирной скукой», но внутренне свободный, хотя и под башмаком у жены. Сын Halévy «de la belle Hélepe». В виде курьеза посылаю Вам статью Вейссенхофа⁶ (Świat) о Чапских! Он хвалит стариков и недоволен молодыми.

Дорогой мой, ради Бога, не умирайте раньше меня! Вы для меня главное «сокровище», которое я нашел в Польше.

А я хотел бы умереть внезапно, за писанием статьи, или во время «прений» в «Содружестве».

Но...

Про Екатерину II-ю Пушкин писал:

...турецки флоты жгла,
и умерла, сидя на судне!

Бывает и так, ничего не поделаешь⁷.

О пани Марье не пишу специально, но она знает, с какой любовью и каким уважением я к ней отношусь.

Привет д[окто]ру Чопу. Скажите ему, что если соберусь, то только в сент. и окт., когда у него будет пусто, и когда деньги смогу заплатить вперед. Прошлый опыт показал, что нашему брату в кредит лечиться нелепо.

Душевно Ваш
Д. Filosofov.

* наличных денег

21

Понед[ельник], 25 апреля [19]32 г.

Szanowna, kochana i utalentowana Pani Marjo!^a

Не знаю, как и благодарить Вас за Ваше драгоценное для меня письмо.

Я твердо верю, что Боженька даст Вам сил окончить Ваше большое дело, Ваш роман.

Поймите, любимая и глубоко-чтимая, pani Marjo, что Ваш роман¹ уже Вам как бы не принадлежит. Вы его уже отдали читателям, которые доказали Вам, как Ваше дело им нужно и дорого. Ваше «Я», ваша личность уже претворилось в Ваше художественное творчество, Вы как бы обре- чены. Вы уже слуга Божий, Вы делаете дело как бы выше Вас стоящее, Вы служите самому Вашему святому, Вашему Богу. И в этом сознании должно быть Ваше великое страдание, но и великое утешение. Никакое большое дело не может быть крепким без больших страданий. Ведь Вы же не писатель, который пишет, как чистый ремесленник. Какое-то внутреннее откровение заставило Вас писать, помимо Вашей сознательной воли, вопреки Вашей личной жизни. Вы себя обрекли на самое большое мучение, на муки творчества. И этот внутренний долг, указанный Вам свыше, Вы должны исполнить. Ибо это Ваш долг не только перед собой, но и перед десятками тысяч читателей, т. е. живых и несчастных людей, для которых слова Ваши являются великим утешением и помощью. В успешном окончании нашего жизненного дела — наше спасение. Сделайте это, и все остальное приложится. Не падайте духом, ибо Вы добились самого главного, сознания, что Вы талантливы, и что Ваш талант нужен другим. Я Ваш простой читатель, но если бы Вы знали, какое утешение Вы даете хотя бы мне. Я честно, с открытой душой подошел к Польше, и получил за это много страданий; как от поляков (лицемерный москаль!) так и от своих (продался полякам!). Ваш роман объяснил мне, что я не побежден, что я победил, ибо Ваш роман объяснил мне, за что я люблю Польшу, и какую Польшу я люблю. Показал мне страдания старой Польши и ее право на место под солнцем.

Будьте за это благословенны.

Очень хотел бы Вас повидать.

С великой благодарностью и великим уважением целую Ваши руки.

Ваш Д. Ф.²

¹ Уважаемая, любимая и одаренная пани Мария!

22

19 июня [19]32 г.

Глубокочтимый и любимый Panie Stanisławie,

Я забыл Вам передать во вторник прилагаемое при сем письмо, а потому посылаю его Вам сейчас.

Радуюсь за Вас, что Вы едете на чистый воздух. Думаю, Ваш первый долг состоит сейчас в том, чтобы забыть хоть на месяц о всем внешнем, подумать наконец о себе, посмотреть на небо, на горы, деревья. А я вам буду посылать картинки. Всего Вам доброго.

Искренне Вас любящий и уважающий,
Д. Философов.

23

2 июля [19]32 г.

Дорогой Panie Stanisławie!

Хотя Вы на отдыхе, тем не менее обращаюсь к вам с просьбой по следующему делу. Вышел номер «Kobiety Współczesnej», посвященный Ожешковой¹. Я его только что внимательно прочел и хочу написать об Ожешковой, и вот почему.

У меня сложилось впечатление, что между нею и русскими «шестидесятниками» есть большая аналогия. Вы помните, что у нас были «кающиеся дворяне» и «разночинцы». Вы читали биографию моей матери². Меня поразило тожество психологии. Как наши «кающиеся дворяне» мечтали об «увенчании здания» и ненавидели самодержавие, так польские кающиеся дворяне ненавидели «заборцов» и мечтали о независимости. Мать моя спасала Веру Засулич³, есть легенда, что она причастна к бегству Кропоткина⁴, так, как Ожешкова возила Траугутга⁵. Затем, ее «realista»^a привез с запада увлечение Молешоттом и Бюхнером⁶, и она увлекалась сама естеств[енными] науками. Мать моя обиделась на Тургенева за карикатуру на молодежь (Базаров!). Ожешкова соединяла

веру в «клеточку» с практическим идеализмом и патриотизмом, и мать моя тоже. Верьте, что я беру мою мать не потому, что она моя мама, а потому что она очень яркий тип шестидесятницы из «кающихся дворян». Далее, под старость мать моя тоже чувствовала «холод» (как и мы с Вами сейчас!). Во-первых, «разночинцы» превратились в социал-демократов (большевиков и меньшевиков), которых политика мало интересовала и которые «кающихся дворян» считали такой же ненужной и вредной ветошью, как и дворян не кающихся. А во-вторых, появилось утомление от плохого тенденциозного искусства, появилась «штука для штуки». От этого страдала в конце жизни и Ожешкова. По-моему, беда Пшибышевского была вовсе не в том, что он исповедовал «штуку для штуки»⁶, а в том, что он был... только Пшибышевский⁷. Если бы он был Гете или Флобер, он был бы прав. Словом — вот тема моей статьи. Озаглавить я хочу ее: польская шестидесятница. У меня сейчас к шестидесятникам (из кающихся дворян!) хорошее, несколько сентиментальное отношение, как к рыцарям «Прекрасной Дамы», как к романтикам «Голубого Цветка»⁸.

Но для того, чтобы написать эту статью, мне надо знать несколько больше об Ожешковой. К сожалению, в статье Дрогошевскаго⁹ (очень ценной!) много умолчаний. Вот тут-то и прошу мне помочь.

1) Др[огошевский] пишет, что брак Ожешковой был несчастлив. Ожешко был сослан, а в 1868 году она получила развод (не для того, чтобы выйти замуж за Nahorskiego¹⁰, был кто-то другой, кто ее покинул). Вот мне и важно знать, что Ожешко вернулся в край до 1868 г. или развод был получен, когда он был еще в Сибири? И вообще, как был получен развод? Ведь брак был католический! Мне это важно не для сплетен в стиле Боя, а для понимания психологии Ожешковой т. е. не лежал ли этот развод на совести Ожешковой. Одно из двух. Или муж «покаялся» и вернулся раньше, чем другие, тогда она от него отвернулась не только потому, что полюбила другого, а потому что он был «zdrajca»⁹. Или она использовала его ссылку для облегчения развода. Тогда опять новая трагедия! Мне это надо знать даже не для печати, а для того, чтобы понять трагедию Ожешковой, ну, как трагедию Жеромского с сыном¹¹.

2) Отношение Ожешковой к Конопницкой¹². Кто такая Dulębianka¹³? Конопницкая тоже «икона». Но странно, что ее почти не вспоминают. Какова ее художественная величина вне политики? Что это был за человек? Вот два вопроса, на которые хотел бы получить ответ.

Есть еще сходства с нашими шестидесятниками: 1) Женский вопрос. 2) Księgarnia¹. У нас Трубникова¹⁴ устроила для вызволенных кобиет³ кооперативное издательство переводчиц. Они переводили Бокля, Лассаля и т. д.

Читали ли Вы мою вторую статью о Слонимском¹⁵? А «Молву»¹⁶ я хочу закрыть!! Денежно не под силу, а политически второе поколение не на высоте. Печатают описание юбилея попа Рогальского¹⁷, которого я ненавижу. Всю жизнь боролся с церковным черносотенством, а они меня под старость лет награждают Рогальским! Не знаю как смотреть в глаза Юзевскому¹⁸.

Прочтите это письмо дорогой р. Марье. Я и о ней думал, когда писал.

Душевно Ваш
Д. Filosofov.

¹² реалист (итал.)

¹³ искусство для искусства

¹⁴ предателем

¹⁵ библиотека

³ (wyzwolonych kobiet) для освобожденных женщин

16 марта [19]33 г.

Дорогой Panie Stanisławie,

Если у Вас есть возможность, одолжите мне на несколько дней 20 злотых. У меня сейчас страшно выпал тяжелый момент и сижу без гроша.

Если не можете, не волнуйтесь, а главное, не сердитесь на преданного Вам,

Д. Filosofova.

25

6 апреля [19]33 г.

Глубокоуважаемый panie Stanisławie!

Не сердитесь на меня, что с таким опозданием возвращаю Вам свой долг. Мне самому очень совестно.

Искренне Вас уважающий
Д. Философов.

26

1 sierpnia^a 1933 r.

Дорогой и любимый друг Pani Marjo!

Простите меня, если я отложу наше свидание до Вашего возвращения. У меня нет сил для общения с людьми. Слишком я сейчас переживаю ответственный момент, когда все рушится и кругом меня одни лишь развалины. Мне надо беречь силы. Надеюсь, что к осени я так или иначе «приспособлюсь», и буду более спокоен. Сейчас же я похож на скрипача, которому грозит ампутация руки.

Не сердитесь.

Привет p. Stanisławowi

Ваш Д. Философов.

^a августа

27

Варшава, 19 августа [19]33 г.

Получил вчера Ваше доброе письмо, досточтимые и любимые panie Stanisławie и pani Marjo! Радуюсь за Вас, думаю только, что pani Marja слишком рано принялась за работу, что может вредно отразиться не только на ее здоровье, но и на качестве работы.

Pani Marjo! Я видел в «G[azecie] P[olskiej]» статью о Вас, но начав читать — бросил. В Kurj[erze] Warsz[awskim]⁶ — не заметил. Вы, вероятно, правы: ругают также «не за то», как и «хвалят». С точки же зрения «издателя» очень хорошо, что Вас стали бранить. Обилие похвал не всегда полезно. Особенно этих похвал не любит молодежь. История же литературы нас учит, что суд современников не имеет никакого значения. Современники корыстны: на всё смотрят с точки зрения интересов сегодняшнего дня.

Я за последние месяцы как-то ушел от современной литературы. Читаю так называемый «Ветхий Завет», Монтеня, Паскаля и Расина.

В Ветхом завете на каждом шагу поразительные красоты. Остатки тех подлинных строк, которые не исказили жрецы-цензоры (евр.) и переводчики (христ.). Прочитав «Аталию» Расина — перечитал соотв[етствующие] главы «Книги Царств». И было страшно отраднo узнать, что знаменитое *des ans l'irréparable outrage*⁸ — пересказ в стиле Louis XIV поразительной сцены из 9-й гл. 4-й книги Царств¹. Расин, в тайне души своей, на стороне Иезавели! Страшно современен и Паскаль, особенно его внутренняя борьба с Монтенем. Словом, все вопросы поставлены уж тысячи лет тому назад, и нет на них ответа до сих пор. Вряд ли когда и будут.

Я нигде не бываю, никогда не выдаю, кроме обязательных, редакционных. В редакции — каждый день ждем: не то нас конфискуют, не то номер не выйдет из-за неплатежа за типограф[ию], наборщ[иков], бумагу и т. д.

Про себя могу сказать словами 101-го Псалма. «Я уподобился пеликану в пустыне. Я стал как филин, на развалинах. Сижу как одинокая птица на кровле...»² и пришел к выводу, что желать смерти такой же грех, как и бояться ее.

В некоторых псалмах сохранились следы природы. Природы горной, дикой, с соснами и горными потоками. В одном псалме говорится: «Бездна бездну призывает гласом водопадов Твоих...»³. Ведь хорошо сказано? Так и видишь одинокого, скрывающегося в горах человека, слушающего шум потоков! Я это веду к тому, что сокровища всемирной литературы — это именно «бездны», которые призывают друг друга гласом водопадов своих. Библия переключается с Расином, Монтень с Паскалем, Руссо с Толстым. И кто знает, не будет

ли автор «Руфи» перекликаться с Домбровской, так же как Флобер и Толстой.

Ваш
Д. Философов.

^a Польской Газете

^b Варшавском Курьере

^c непоправимое оскорбление течения времени (франц.)

28

25 августа [19]33 г.

Дорогой Panie Stanisławie!

Вы меня глубоко сконфузили Вашим переводом. Не знаю, как и благодарить Вас за такое доброе и снисходительное отношение к моим писаниям. Перевод — блестящий. Жалость берет, что Вы тратите время на перевод вещей незначительных. Вам бы облюбовать что-нибудь более серьезное и значительное. Я все хочу добраться до переводов Воуа¹, сверить какой-нибудь перевод с подлинником. Боюсь, что будут сюрпризы².

Итак, самый факт перевода меня уж поразил и преисполнил благодарностью. Значит, имеются два культурных читателя, которым статья моя показалась заслуживающей внимания. Но Вы хотели бы, чтобы она была напечатана, и р. Marja написала даже Wierzyńskiemu³.

Вот тут-то и начинаются мои «страдания»:

1) Статья не закончена. Просто не было ни сил, ни времени, ни места, и я окончил ее par une queue de passion^a, сославшись на Паскаля. Поэтому надо было бы сделать новый кончик. Вернуться к Вольтеру (Candide!).

2) Статья была напечатана, следовательно перевод не с оригинала. Grydzewski⁴, не раз мне предлагал сотрудничать в Wiad[omościach] Liter[ackich], т. е. давать статьи, но переводов он не помещает, насколько мне известно. Значит, чтобы сделать попытку и поместить перевод в «W[iadomościach] L[iterackich], надо к нему идти и с ним объясняться.

3) G[azeta] P[olska] хороша потому, что именно там была помещена статья Zielińskiego⁵. Но а) газета правительственная,

б) сейчас им неудобно напоминать о моем существов[ании],
в) литературным отделом заведует Каден⁶, с которым у меня отношения «сложные».

4) Если G[azeta] P[olska] слишком правительственная, то «Ерока»⁷ слишком «жидо-масонская» и защита Монтеня⁸ получит специфический смысл, нападок на Św. Kościół⁶.

5) Я так устал, так мало у меня физич[еских] сил, что проявлять в этом вопросе какую-либо энергию я не в состоянии. А потому я пошел по линии najmniejszego opogu⁹. Запечатал лестное письмо р. Marji и послал с переводом Вежинскому. (Фразу о госуд[арственном] принуждении вычеркнул!). Таким образом я тут не при чем, и мотивы отказа он будет объяснять р. Марии, а не мне.

6) Боюсь, дорогой р. Stanisławie, что в Вас сидит большой и подлинный барин: «Rohan je suis!»⁹

Вы не забыли до-военного отношения нашего к печати, и позволяете себе великую роскошь, доступную лишь «Роганам», игнорировать кулисы газетного театра, где воздух очень испорчен. А когда сквозняк — все рукописи летят по ветру.

Редакция «Молвы» превратилась в смертельно больное существо. Мы сидим у окна умирающего. Помочь не можем, даже валерьяновых капель нет. Надо бы больного отравить. Да никто не решается. Я бы, пожалуй, решился, да «дюти»⁷ не позволяют.

Искренне Ваш
Д. Философов.

⁹ приливом яростной энергии (франц.)

⁶ Св. Костел

⁹ наименьшего сопротивления

⁷ (duty) должность (англ.)

29

Warszawa, 30 августа [19]33 г.

Дорогая и любимая р. Marjo!

Только третьего дня принялись за чтение Вашей последней книги¹. Дочитал лишь до приезда в Kaliniec молодого P.P.S.

Sebastiana². А потому имею впечатление лишь о половине тома. Оно, однако, такое сильное, что захотелось Вам, дорогая р. Marjo, написать несколько строк.

Я считаю, что несостоявшийся визит Toli[boskiego], приезд Barbary в Serbinów, и в особенности описание свадьбы Felicji³ (да забыл о Janusze-Celinie!)⁴ — все это наивысшего сорта. Вырезано «на камне», чтобы люди не забыли. И то, что это происходит в момент «прилива» революции, когда вот-вот волны снесут весь Serbinów, а р. Barb[ara] «как будто» этого не замечает — свидетельствует о громадном мастерстве. Все больше и больше выделяется фон, т.е., этого эпоса: «приятие жизни», причем приятие положительное (беседа Barbary с Ceglarskim!)⁵.

Если р. Jurek прав, и творчество Berenta⁶ именно таково, как он о том пишет, то я этого Berenta паршивца и читать не буду! Его «acedja»⁷ мне отвратительна, потому что бесплодна. Нет ни борьбы, ни примирения, ни гнева, ни прощения. Постоянная изжога от обилия кислот. Притом еще изжога «стилизованная». Уж лучше плебейские wpmioty^{6!} Да, так будем говорить откровенно: Ваша эпопея останется. Никому нельзя будет ее «обойти». Berent, как и Пшибышевский, уже отошли. Их будут помнить и их читать лишь «les lettrés»⁸. Дорогой друг! Нечего себя обманывать. Вы положили на свои плечи задачу непосильную. Такой Атлас, который держит на себе земной шар. И в этом величие Вашего труда. Оправдываются юношеские слова Мицк[евича], что силы надо мерить па zamiary^{7!} Вы «дерзнули», и да будет Вам за то хвала. И да будут святы Ваши страдания, Ваша неуверенность, которые, по-моему, оттого и происходят, что перед Вами непрестанное сознание пропасти между маленькой, шуплой pani Marja и грандиозной эпопеей ЖИЗНИ, которая овладела ее детищем, прет из всех щелей, потому что ей тесно во всяких рамках, потому что она боится, когда накладывают космос на ее хаос. Она не любит дерзкого человека «le roseau pensant»⁷ Pascal'я⁸. А потому да не смущается сердце Ваше! Кончайте бесстрашно Ваш труд, как некое смиренное и вместе с тем героическое служение Польше и Человеку. Верьте, родная, что никто еще до сих пор, с начала литературы, не написал совершенного произведения. В сокровищницу литературы входят произведения не по при-

знаку совершенства, а по признаку меры «прозрения», проникновения в тайны жизни и человека и умения это «несказанное» выразить. Надо иметь громадное мужество, чтобы говорить о «несказанном» сдержанно и не косноязычно. Это то, что я в беседах с Вами называл «классическим». Это так трудно, так съедает и разъедает писателя, что «романтики» (по моей терминологии) впадают порою в косноязычие, бормотание, воображая иногда, что это подлинная «глоссолалия»⁹. Я люблю «юродство», когда чувствую за ним подлинное страдание и невозможность иначе высказаться. Вы сознательно этого избегаете, что достигается как бы «кружным путем» романа-реки (roman fleuve), т. е. теми «длиннотами», за которые Вас многие упрекают. Не смущайтесь, и плюйте им в морду! Если бы не было «длиннот», этого спокойного течения широкой реки, многое исказилось бы, потеряло бы свой внутренний смысл. Krótkie spięcie^a (так кажется?) Janusz-Celina превратилось бы в «модную» powieść, в тему для pani Melcer или Кжывицкой¹⁰! На фоне же Вашей плавной, широкой реки этот «инцидент» становится прекрасным. Видишь две веточки, которые закрутились, наткнувшись на камень, и видишь, как волна их разлучила. А потом берега сузились. Пороги, омуты. Чуется, что в конце концов река опять потечет плавно и спокойно, как Рейн после эпопеи с «Золотом Рейна»¹¹.

Я Вам пишу наскоро, под впечатлением. Но иначе не написал бы совсем. Некогда, да и сил нет. Но все-таки немножко пишу Вам и «sub specie aeternitatis»^e. Мечтаю о том, чтобы написать о Вас как следует. Вот что надо было бы напечатать в Wiad[omościach] Liter[ackich].

Да, еще одна важная тема: проблема традиций. У французов, наиболее традиционных писателей, традиции идут с 16-го века! У нас с Пушкина и Гоголя. У Вас пытались создать традицию из «wieszczów»*, но мне кажется, это не удалось. Традиция идет от Orzeszkowej, Prusa¹², Żeromskiego т. е. едва началась. Конечно важно здесь влияние и русское (Тургенев, Толстой) и западное: Диккенс и G. Sand¹³ на Orz[eszkową], Флобер¹⁴ — на Вас. Но, тем не менее, именно в Orz[eszkowej], Prus'e и Жеромск[ом] намечена, вернее, заложена подлинная польско-славянская традиция, которую Вы бесстрашно взяли в свои руки. Потому Вы и останетесь в польской литера-

туре, потому Вы и не «модерн» для столпов в Wiad[omości] Liter[ackich]. Они работают на сегодняшний день, им непонятна тяжелая работа над гранитом. Гораздо «эффектнее» склеить что-нибудь «из картона» и осветить «рефлектором» и сопроводить негритянской музыкой. Я вовсе не враг картонов с рефлекторами. Я только терпеть не могу, когда картон воображает, что он гранит.

Словом, дорогая, знайте: chroniczny malcontent³, старый филин, сидящий на развалинах, не только «не устал» от Вашего «длинного» романа, но как раз наоборот, все больше и больше ценит его значение, вчитывается в него и начинает его ощущать как нечто существующее помимо Вас. Помните рассказ Wells'a¹⁵ о том, как на необитаемом острове кто-то откопал громадное яйцо и из него вылупилась «допотопная» птица грандиозных размеров. Для Вас сейчас наступил, по-моему, самый трудный момент, когда Вам надо созданное Вами «детисце» опять посадить в клетку, принять меры, чтоб оно больше не росло. С другой стороны, надо наконец приплыть не к берегу, а к устью реки, дать ей слиться с вечным морем. Тут заложено основное противоречие, трагедия человека.

Попытка синтеза между мыслящим тростником и стихией океана.

Наболтал отчаянно, при этом неразборчиво, но pan Stanisław Вам поможет.

Душевно Ваш Д. Ф.

P. S. Ко мне звонил Wierzyński. Я ото всего отперся: ничего, мол, не знаю. Но все к лучшему. Каково-то мне было бы рядом с К. Радкием¹⁶!! Жаль только напрасного труда p. Stanisława, которому жму руку и шлю сердечный привет.

2 P. S. Ради Бога, во имя приятного отношения ко мне прочтите «Czy to jest powieść» Жмиховской¹⁷.

³ бездейственность

⁶ рвоты

⁸ ученые (франц.)

¹ мыслящий тростник (франц.)

² краткая перебранка

^с С точки зрения вечности (лат.)

^{*} бардов, предсказателей

³ хронически неудовлетворенный человек

30

18 сентября 1933 г.

Дорогие друзья Pani Marjo и Panie Stanisławie!

Так случилось, что вынужден опять беспокоить вас денежной просьбой. Если можно, пришлите пару грошей. Не указываю даже суммы, ибо всякий грош дорог. Предупреждаю только, что раньше конца месяца, когда получу ежемесячную помощь от моего друга Гомберга (он живет вне Варшавы), я вернуть не могу. В конце месяца верну наверно (25—27-го). Если не можете, не стесняйтесь. Только известите. Не сердитесь. Я сам не думал, что сегодня так случится.

Искренне Ваш
Д. Философов.

31

17 января [19]34 г.

Drogi panie Stanisławie!

Вы уже не раз меня выручали, и насколько мне помнится, я ни разу Вас не надул и честно возвращал свой долг.

Если у Вас есть фактическая возможность, верю, что и на этот раз поможете: «всякое даяние благо!»

Если Вы не сможете, ради Бога, не стесняйтесь!

Душевно Ваш,
Д. Философов.

32

20 марта [19]34 г.

Многоуважаемый и дорогой Panie Stanisławie!

Мне стало страшно трудно, прямо в физическом смысле, выступать публично, особенно когда душно. В субботу после

доклада чувствовал себя очень плохо, а в млечарне^а едва досидел до конца и был страшно рад, когда обеспокоенный Чапский¹ предложил мне довезти меня до дому.

Таким образом, лишь чисто внешние «физические» причины помешали мне как следует выразить Вам чувство моей бесконечной признательности за Ваше присутствие на докладе, за Ваше милое приглашение на ужин, за Ваше столь очаровавшее всех настроение за ужином. Мне не хотелось бы, чтобы благодаря моим немощам у Вас осталось впечатление, что я принимаю столь ценные для меня знаки признания как нечто должное и само собой разумеющееся!

Пишу эти строки в тишине, у себя дома, и прошу Вас прочесть их с полным доверием. Они куда лучше выражают мое чувство благодарности, нежели «конвенциональные» слова, сказанные после до крайности меня утомившего доклада.

Что касается pani Małgi — то ей я, при случае, напишу особо.

Искренне Ваш
Д. Философов.

^а (mleczarni) молочной

33

Варшава, 17 апреля [19]34 г.

Дорогой и искренне уважаемый Panie Stanisławie!

Я несколько задержался ответом. Простите. В воскресенье вечером мне сделалось нехорошо, и я вынужден был лечь и отложить просмотр материала до понедельника.

Мне очень трудно решить, стоит ли печатать мои статьи вообще. До такой степени они мне кажутся увядшими и празднично-болтливими. Может быть, когда-нибудь они и были «шампанским» (Абрау-Дюрсо!), но откупоренная бутылка слишком долго простояла, и вся «игра» выдохлась. Может быть, это субъективная точка зрения, а потому окончательного суда не выношу. Однако помещению двух статей решительно противопоставляю свое veto: 1) «Мицкевич в но-

вой одежде»¹ и 2) «Славянская душа»². Этих статей помещать в сборнике не следует, по крайней мере, при моей жизни. Почему я пришел к такому решению, объяснять на письме слишком долго. Поясню при свидании.

Материалу, мне кажется, и без того достаточно, а потому новых статей для перевода не указываю, тем более, что едва собрался с силами, чтобы прочесть уже переведенные статьи...

Перевод Марыни (Wysp[iański]³) надо исправить. В «Монтене»⁴ надо выкинуть евангельскую цитату о «спящих от печали». Она уже имеется в Выспанском. Это можно будет сделать в корректуре.

Не судите меня за «капризы», за сомнения, за отрицательное отношение ко всей затее. Я очень устал и переживаю период апатии, тесно связанный с общим недомоганием.

Искренне Вам благодарный
Д. Философов.

Р. S. А в воскресенье Вам следовало отдохнуть и не приходиться к Вечоркевичу.

34

28 июня [19]34 г.¹

Дорогая Pani Marjo!

Не хочу Вам звонить. У Вас болит горло, звонят к вам часто. Письмо же тише. Кроме того, оно не спешное и прочесть его вы можете, когда будете в настроении.

Дело вот в чем:

Если я держусь в стороне, не заявляю желаний вас повидать, то это вовсе не оттого, что я этого не хочу. Конечно, моя безмерная усталость и плохое здоровье — играют тут известную роль. Но это не главное. Главное в следующих двух обстоятельствах: 1) я плохо владею нервами, и стал «insortable» и «insupportable»^a. Поэтому у меня страх появляться в обществе. Вернувшись домой после моего последнего визита к Вам, я почувствовал себя плохо (в моральном смысле), т.к. несмот-

ря на данное себе слово, все-таки несколько раз выказал неуместное раздражение. Отчасти вина моя в том, что я ответил Вам неискренне на Ваш телефон, когда Вы меня спросили, имею ли я что-нибудь против приглашения Хирьяковой. Конечно, я не имею ничего против. Она отличный человек, и я очень ее люблю. Но ведь я ее вижу каждый день, в обстоятельствах очень утомительных. Она полна всяких «комплексов» и находится в непрестанном напряжении, что à la longue⁶, очень утомительно! Наконец, положение ее настолько трудное и морально и материально, что всякое Ваше приглашение для нее воистину праздник. Как мог я ее лишать этого праздника? Я предпочел лишиться этого праздника себя, нежели ее. Вышло же так, что она начала говорить «в надрыве» много лишнего о своих делах, р[anu] Stanisławie. А я не хочу огорчать р[ana] Stanisława. А с другой — всякий спор с ним приобретает характер борьбы за Вас. (Мне, по крайней мере, так кажется!). Я же совершенно убежден; что Вы смотрите на вещи куда глубже, но по свойственной Вам мягкости, не хотите никого «обижать».

В итоге, мои сношения с Вами становятся фальшивыми. У меня жажда говорить с Вами о rzeczach istotnych⁸, а приходится прибегать к «causerie»⁷. А тут еще «напряженная» Хирьякова, которая к «causerie» абсолютно неспособна.

Вот приблизительно sedno sprawu². Имейте в виду, что Вы для меня вовсе не только милая, добрая, очаровательная р. Маґја. Вы для меня, прежде всего, автор Ваших произведений. Я чую в них глубину, целомудренно спрятанную под «классической», по моей терминологии, формой. Моя мечта написать перед смертью о Вас, и сказать в ней то, что я о Вас, как о писателе, думаю, до конца. Я, без Вашего ведома, общаюсь с Вами. Фактически же лишен возможностей говорить с Вами.

Кончаю, потому что писать на эту тему можно бесконечно.

Искренне Вас любящий и уважающий
Д. Ф.

P.S. Получил я Verbum². Придаю ему большое значение. Статью о Жеромском — Гурского³, статью Фурманика⁴, статью

Винавской⁵ — и вообще всю проблему о «Предместии» — считаю очень важными. Если меня познакомите с Гурским — буду благодарен.

⁵ неподходящий и невыносимый (франц.)

⁶ с течением времени (франц.)

⁸ о важных делах

¹ болтовне (франц.)

² суть дела

35

10 сентября [19]34 г.

Droga pani Marjo!

Вернувшись вчера от Вас, нашел Ваш эпитаф из Экклезиаста и очень огорчился. Поэтому пишу Вам¹.

1) Этот эпитаф не соответствует главным героям романа, является по отношению к ним как бы «изменой». Он подошел бы для романа Céline, «Voyage au bout de la nuit»², но не для Вашего. Богумил отрицал «vanitas vanitatum»³, и тем более Мартин, Agnieszka, Orłowicz.

2) Поскольку Ваш роман «исторический», нельзя в него вкладывать настроения после-военные. Теперь, в 1934 году, Эккл[езиаст] звучит иначе, нежели в 1914. «Живые» поляки спешили тогда в Краков отнюдь не под знаком Эккл., не под знаком разложения, а созидания.

3) «Эккл.» продукт разложения. Недаром вплоть до 1-го века до Р.Х. еврейские раввины спорили о том, можно ли эту книгу ввести в канон. Любопытно и очень символично, что она была введена в канон вместе со свадебно-эротической «Песнью песней», и авторство того и другого было приписано Соломону. Таким образом, подчеркнуто было, что «Zwei Seelen, ach!, leben in meinem Brust»³. Песнь торжествующей любви рядом с vanitas vanitatum.

4) «Эккл.» — произведение эмигрантское. Его бы мог написать я⁴. Вероятно это написано в Александрии евреем, уже не знавшим еврейского языка, а следовательно, знакомым с Библией лишь по септуагинте⁴. Кроме того, автор был знаком с греческой философией. «Национального» Бога в Эккл. уже

нет. И не только потому, что сей эмигрант, пребывая в эллинистической диаспоре, примкнул к культуре греческого «империализма» Александра Макед., но и потому что он разочаровался в восстановлении давнего суверенного еврейского государства. Писал он свою книгу, вероятно, в эпоху Диадочов.

5) Таким образом, Эккл. должен по духу своему соответствовать мне, «культурному эмигранту», теряющему надежду на торжество правды, тем не менее, я остатки своих сил собираю на то, чтобы бороться с пессимизмом Эккл., утверждаю слова 84-го Псалма, 11—12. «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются...». Вам же это не пристало, да это и не соответствует Вашему «естеству». Это лишь временное настроение усталости. Тем более слова «Эккл.» ни в коем случае не соответствуют главным героям Вашего романа. Pani Barbara, вероятно, погибнет в одиночестве, вряд ли увидит даже Агнешку. И все-таки ее путь не в ночь (Céline'a), а в возрождение Польши. Она была спутницей Богумила с избитой и израненной в 1863 году грудью, и родила Агнешку, жену Мартина. Она соединила 1863 с 1918 годом. Она исчезла, исполнив свое предназначение.

6) Тех читателей (не из кофеен, а из толщи не испорченной польской интеллигенции), которые столь радостно и «благодарно встретили Ваш роман», Ваш новый эпиграф приведет в недоумение, даже в отчаяние. Они его не поймут и в ужасе отпрянут, оставшись рядом с Богумилом, Барбарой, Агнешкой, Мартином и Орловичем. Большевики же будут торжествовать. Они «оптимисты». Вместе с тем, вся задача момента в том, чтобы они стали пессимистами, а мы оптимистами.

7) Но есть и еще одно соображение, которое заставляет меня умолять Вас снять этот эпиграф. Это соображение чисто художественное. Vanitas vanitatum уже слишком «lieu commun»⁶, вроде «sic transit gloria mundi», «nil admirari»⁸ и т. п. Вас эта цитата поразила только потому, что Вы, должно быть, недавно лишь стали заглядывать в Библию. Ваш роман слишком высок по своему уровню, чтобы снабжать его таким затасканным эпиграфом, который похож на «здавкову монету»⁷ («стертый пяти-алтынный»).

8) И еще одно, последнее соображение. Я строил мое понимание Вашего романа, как романа «классического», а

не «романтического». Я считал, что благожелательный, мудрый автор себя «сдерживает», с любовью к своим героям о них рассказывает, стыдливо пряча свои личные настроения, свои надежды и разочарования. И вдруг — автор в самую последнюю минуту, когда уже все напечатано, не выдержал, и посылает вдогонку свое отчаяние. Я совершенно дезориентирован. Я продолжаю не верить этому эпиграфу, считаю его временной усталостью, настроением, а не Вашей последней правдой. Если Вы не оптимистка, то во всяком случае вы не продукт «еврейского эмигрантства». Вам ближе арийский стоицизм, «godność»^d стойка-гуманиста, нежели отчаяние Экклезиаста, доводящее его до потери чувства личности, чувства человеческого достоинства.

Итак, умоляю Вас, подумайте, прежде чем признать этот эпиграф «ne varietar»^e.

Искренне Вас любящий и уважающий
Д. Философов.

P. S. Мое письмо, может быть, «не вежливое», но Вы не сердитесь. Оно продиктовано большой любовью к Вам, и большим уважением к Вашему произведению.

Д. Ф.

* Подчеркнуто трижды (Ред.)

^a суета сует (лат.)

^b банальность (франц.)

^в «так проходит мирская слава», «ничему не удивляться» (лат.)

^г (zdarkowe monety) тривиальности

^d достоинство

^e без перемен (лат.)

Дорогой Panie Stanisławie!

Может быть, Вы великодушно меня простите, что я так долго не собрался вернуть Вам свой долг. Очень меня это самого огорчило, но утешаюсь тем, что лучше поздно, чем никогда.

Еще раз благодарю и простите.
Пишу так плохо, ибо опять болит рука.

Ваш
Д. Философов.

37

Warszawa, Sienna 28, 17 октября [19]34 г.

Droga Pani Marjo!

Вы, вероятно, уже получили от Pani Хирьяковой письмо с адресом, я же пишу Вам несколько слов, чтобы поблагодарить Вас за память. Почтувки^а из Венеции и Сорренто получил. Когда Вы едете в Югославию? С точки зрения dziennikarza^б — время там интересное, но для спокойного пребывания вряд ли подходящее. У нас, наконец, наступила осень. Ничего Вам интересного сообщить не могу, т.к. абсолютно никого не вижу.

Сердечно преданный
Д. Философов.

^а (pocztówki) почтовые карточки
^б журналиста

38

Письмо Д. Философова Ю. Тувиму¹.

Sienna 28, т. 21, 15 ноября [19]34 г.

Дорогой Panie Julianie!

Вчера прочел Вашу статью в «Wiad[omościach] Liter[ackich]»², и захотелось Вам написать несколько слов, чтобы поблагодарить Вас. В свое время прочел я Вашу статью о «заумном» языке и порадовался, что Вы начали писать на столь важные для современных писателей (из молодых!) темы, притом писать с таким умением, талантом и авторитетом.

Положение подрастающей молодежи довольно трагичное. С одной стороны — профессора «полонисты», которые играют в «костяшки», в якобы «научное» домино. Профессор Пигонь³ или Клейнер⁴ (первый, конечно, выше) высказывает свое мнение о том, в чем главная мысль «Пана Тадеуша». Проф. Ujejski⁵ высказывает свое мнение о мнении Пигоня о смысле «Р. Т.» Затем Конрад Гурский начнет говорить о мнении Уейского о мнении и т. д., и т. д., и т. д. Литературной молодежи абсолютно нечего делать с этими костяшками.

А рядом с этим нарастает культ «тандеты»^а. Решительно каждый позволяет себе быть писателем, решительно каждый позволяет себе быть переводчиком, не зная ни своего, ни чужого языка. К великому сожалению, «Wiad[omości] Literackie» во многом тут повинны. Не буду на эту тему распространяться, боюсь обидеть кого-нибудь...

И вот, на этом фоне, Ваши обе статьи прозвучали звонким, живым голосом человека, одинаково чуждого как схоластике китайских мандаринов, так и тандете неграмотной, но хлесткой дешевки. И мне кажется, что Вы делаете хорошее, воистину культурное дело.

Вы, конечно, поверите мне, что для меня лично, в затронутых Вами темах, мало нового. Тем не менее, я *jednym tchem*^б прочел обе Ваши статьи, настолько они меня утешили. Насколько же Ваше живое слово доходит до слушателей, я убедился на первом собрании «Домика в Коломне»^б. До сих пор еще Ваше краткое, но столь значительное выступление служит предметом обсуждений среди участников собрания.

Искренне Вам преданный
Д. Философов.

P.S. Пользуюсь случаем напомнить Вам, что в эту субботу (17.XI.) состоится второе собрание «Домика»⁷. Тема — Лермонтов. По секрету Вам скажу, что в качестве пушкиниста, я отношусь к Лермонтову довольно хладнокровно. Но в эмиграции нашей его акции стоят очень высоко. Д.Ф.

^а (tandety) дешёвки

^б одним залпом

19 февраля [19]35 г.

Дорогая Pani Marjo!

Посылаю Вам несколько вырезок, которые могут Вас заинтересовать. К сожалению, у меня нет «Naszego Przeglądu»¹, в Газете же Варшавской очень сокращено. Мне говорили, что Tuwim высказался и о Новачинском², заявил, что он с ним в хороших отношениях и считает его человеком талантливым.

В отдельном пакете — полемика Заводзинского³ с Яковским о Банке (Вақ!)⁴.

Сегодня я начал новый słoik⁵! Трускавки⁶ уже съедены! Слойки Вам своевременно верну. Таким образом, чай пью из Вашего стакана, а варенье ем из Вашего хозяйства.

Душевно ваш
Д. Философов.

¹ банку

⁶ клубника

6 июля [19]35 г.

Дорогая Pani Marjo!

Телефона от Вас не было, а потому пишу.

Прямо Вам скажу, что не имея от Вас никаких вестей, и это после моих двух столь неудачных посещений Полькой, я объяснил себе Ваше молчание как раз теми двумя причинами, о которых Вы мне написали.

Я сейчас переживаю глубокое оттолкновение от всех «zdawkowych» слов⁵, благодаря чему стал совсем insortable et insociable⁶.

Мне всё кажется, что жизнь так коротка, времени так мало, что не стоит играть в «слова». Лучше играть в бридж или теннис. По крайней мере невинно, не лживо и здорово. Особенно мне тяжела условная gadanina⁸ с людьми, которых люб-

лю и уважаю, напр[имер] с Вами. Кто-то сказал: «Блаженны молчащие, ибо их услышат в Царствии Небесном».

Очень мне грустно, что невозможность говорить, условности привели нас к такому внешнему разъединению. Утешаюсь тем, что эти отношения стали глубже. Предпочитаю молчаливую глубину. И вторую причину я хорошо чувствовал. Думаю, она ложная. Т. е. я более прав, нежели Вы думаете, и наверное более прав нежели Jerzyk. Последняя его брошюра (6 фельетонов из К. W.)¹ меня и огорчила и обидела. Хотя нового в ней ничего для меня не было. Все это он уже говорил «w Domku»¹, тем не менее его стиль, его изящная causerie»² без всякой ответственности и без всякой воли, его программа максимум: l'art pour l'art³ — меня глубоко огорчает, и скажу даже — возмущает. Борьба моя идет именно с ним, а следовательно, с Gide'om², Malraux³ etc. Julien Benda⁴ (совсем мне не близкий) занял очень правильную позицию на конгрессе большевизанов в Париже. Если сравнить его речь (целиком в «Nouvelles Litt.») с речью Gide'a (целиком в «Marianne»), то прямо сердце радуется, до такой степени он выше этого талмудиста и лицемера Gide'a, или Kierury⁵ — Malraux. Меня еще утешает, что Benda совершенно другими словами и аргументами защищает дорогую мне идею, что бытие от сознания, а не сознание от бытия. Считайтесь еще с тем, что психология эмигранта совсем другая, нежели нормального «гражданина» своего государства. А тут у меня большая зависть к «гражданам» и обида на них. Как это они не помогают своему государству и заняты чувством Schadenfreude⁶.

Смерть Пилс[удского] на меня произвела громадное впечатление. Она очень глубоко задела меня даже лично и подчеркнула мне, что моя «общественная» и «политическая» жизнь в Польше уже кончилась. А тут еще вскоре после него скончалась мой давний друг Амалия Фундаминская-Бунакова⁶. Ее смерть, ее похороны, письма ее мужа и его революционного друга — очень поучительны и поразительны. Leon Wasilewski⁷ (книга которого бездарна и возмутительна) таких людей никогда не увидит. У него глаза крота. Сейчас пытаюсь писать о Пил[судском] (воспоминания)⁸ и об Amalii. Но просто нет физических сил, ничего не выходит.

Ваш
Д. Ф.

P. S. А еще Аскеназы умер⁹. Он был один из первых, ко-го я увидел в Польше в апреле 1920 года. У него я познакомился с Венявой¹⁰, Каденом¹¹, Бекком¹²!! Похороны были в страшную жару. Я ограничился тем что поднялся на квартиру, поговорил со вдовой и дочерью, которые были со мною прямо нежны. А затем проводил гроб всего несколько шагов. Встретил на похоронах Jerzyka. Он сказал, что хотел бы меня повидать. Я ему ответил: «Сегодня вторник. Выберите день, среду, четв[ерг], пятн[ицу], субб[оту], воскр[есенье] — и повидаемся». Оказалось, что он решить не может, обещал позвонить. Телефона жду до сих пор. И такой человек пишет против «szupa»*! Все равно, что глухой писал бы против музыки. Не сердитесь на мою złośliwość³. Д. Ф.

2 P. S. Не знаю, как быть с Вашим письмом. Оно мне очень дорого, но хотел бы его вернуть. Я сейчас делаю порядок у себя. Половину уничтожаю, а половину возвращаю авторам. Не хотел бы, чтобы после моей смерти в ценные для меня письма завертывали селедки.

Д. Ф.

Пришлите оттиск Вашей статьи в Marcholt'e¹³!

^a (zdawkowe monety) банальные слова

^b неудобно и невыносимо (франц.)

^c говорильня

^d на Домике (в Коломне)

^e болтовня (франц.)

^f искусство ради искусства (франц.)

^g злорадство (нем.)

* подвига

¹ гневность

22 июля [19]35 г.

Дорогая pani Marjo!

Не знаю, как ответить на Ваше благородное, мужественное и столь теплое письмо от 19.VII. Не хотелось бы мне впасть в rozczulenie^a: по опыту знаю, что дешевое rozczulenie, как дешевые духи, слишком скоро выдыхаются. А потому верьте

мне, что я понимаю Ваше состояние, поскольку в силах один человек понять другого, и если не пишу «жалких слов», то именно потому, что Вы, в моем представлении, от меня таких слов не ждете и не хотите. Ограничусь тем, что мысленно пошму Вашу руку с подлинным уважением и искренней признательностью.

Я звонил на Florę¹. Jerzyk² уехал в Друскеники, при телефоне была р. Wichuна³. Она мне очень толково и хорошо сообщила все, что могла. Мне эта kobieta нравится. Подлинная *zyczliwość*⁴ к людям, при большой сдержанности. Буду с нею в контакте, а потому, любимая моя pani Mařjo, забудьте обо мне и не трудитесь писать. Знаю, что Вам не до того.

Относительно же наших разногласий вообще и моих с Jerzykiem, в частности, надо откровенно признать, что они скорее психологического характера, нежели чисто идейного. У нас разная психология, потому что у каждого из нас «болит другое». Неврологические пункты разные. Конечные же и самые существенные мысли в конце концов одинаковые. Уж очень времена необычные, и трудно сообразить, как реагировать и что делать. Думаю, что Jerzyk (которого я искренне люблю, и это не фраза!) преуменьшает глубину того идейного, морального и психологического кризиса, который, может быть, даже помимо своей воли переживает ныне человечество. Всё новое рождается в страданиях и грязи.

Искренне Вас любящий и уважающий
Д. Философов.

¹ эмоциональность

² женщина

³ благожелательность

18 августа [19]35 г.

Дорогая, любимая и досточтимая pani Mařjo!

Ваше письмо принесло мне большую радость. Опять показатель Вашей «мудрости»: Вы поняли, что какова бы ни была внешняя форма выступления моего, бурного и неожидан-

ного (даже для меня), оно продиктовано было большой заботой о Вас (пусть непрошенной или нелепой, это другой вопрос).

«Кулисы» моего выступления следующие: я, пользуясь праздником и тишиной, прочел Вашу статью и был целиком под впечатлением ее и того ответа, который я обдумывал и собирался послать Вам. И вдруг у Anieli¹ встречаю Вас. Я даже как-то растерялся, ибо для меня это была *piespodzianka*^a, было каким-то «*choć mogal*»^b. И я вместо того, чтобы «написать письмо», все выболтал со страстью, с напряжением.

Поэтому письмо Ваше меня успокоило и дает мне возможность написать Вам выше упомянутое письмо спокойно и более логично и последовательно. Это, так сказать, заметки «*na marginesie*»^c Вашей статьи.

При сем прилагаю следующие газетные вырезки:

1) M. Dąbr[owska] o zawodzie liter[ackim](Czas 12 Мая 35) отклик на доклад.

2) Kaz[imierz] Wyka: Rozmowa o «N[ocach] i dniach» (Czas 5.VIII.35).

3) An[ieła] Bielatowicz «Rzeczposp[olita] Krytyków» (Warsz[awski] Dziennik Narod[owy] 18.VIII.35.).

4) Wielbicielka Gorgonowej — Elga Kern (Wiecz[ór] Warsz[awy] 18.VIII.35).

5) W. Gombrowicz «Lit[erackie] wyroby ludowe» (Kurj[er] Pozn[añski] 13.VIII.35).

6) Le Journal des Goncourt (Gringoire) (посылается только для места, подчеркнутого красным карандашом)².

Искренне Ваш
Д. Философов.

P. S. Я не успею окончить свое «*na marginesie*»³. Сил у меня уже мало и трудно писать. Пришлю, как только кончу, надеюсь, на днях.

Ваш Д. Ф.

^a сюрприз

^b хоть мораль

^c на полях страницы

20 августа [19]35 г.

Дорогая Pani Marjo!

Посылаю Вам свой элаборат, написанный наскоро и не проработанный. Под конец я устал и скомкал. Но все-таки посылаю его, как доказательство, что я старался быть добросовестным и что я отнесся к Вашей статье с волнением, не формально. Вряд ли кто другой Вам написал такое длинное письмо по поводу Вашего доклада.

Смушает меня мой неразборчивый почерк. Но надеюсь, что кто-нибудь Вам поможет его разобрать.

Душевно Ваш
Д. Ф.

Письмо Д. Filosofova Марии Домбровской

18—20 августа 1935 г.

Na Marginesie^a
I. Вступление

Чтобы взять быка за рога, скажу, что я выступил против Вашей статьи¹ потому, что ее стиль, ее метод, ее язык чужд М. Домбровской, творцу «Ночей и Дней». Точно Вы пишете на не родном для Вас языке. Точно «Лермонтов» пишет «купчую крепость» на продажу Чичикову своего имения. «Купчие крепости» должны писать (и куда лучше Лермонтова!) — Чичиковы. У Вас, как у художника, интуитивная мудрость. А Вы на лицо художника надели маску прилежного студента, слушателя «Татаркевича»².

В рецензии André Billy (Journal des Goncourt), (посланной Вам 19.VIII), это противоположение выражено очень ясно. (См. место, подчеркнутое красными чернилами). Он очень просто, но убедительно показывает, как перед интуицией, инстинктом художника, самый высокий «интеллект» оста-

ется безоружным. Перед живым и иррациональным он оказывается тупым³.

В сущности это тезис Bergson'a. Но я, может быть по старости лет, остаюсь верным Бергсону, с которым ознакомился в зрелых годах (мне было 34 года, когда я прочел только что вышедшую «Evolution créatrice»⁴).

Все школьные «теории познания» вещь очень полезная и почтенная, но это всё лишь «рабочие гипотезы», «правила игры», чтобы как-нибудь приступить к «упорядочению» окружающего нас непознанного и непознаваемого хаоса. В конце концов из «Критики чистого разума» не выбьешься. Если же и есть переход от феноменального познания к познанию более глубокому (вряд ли можно сказать «нуменальному»), то он возможен лишь интуитивно, подсознательно, иррационально. Здесь — знаменитый пример Бергсона о «кино». Какое бы количество фильмовых снимков ни было сделано в 1 секунду, все равно каждый из них даст отпечаток статический, а не кинетический. «Жизнь» же и ее тайна как раз между двумя статическими снимками фильма. Здесь квадратура круга. Сколько бы ни было знаков у «П», все равно точности не достигнешь.

Насколько я Вас понял, Вы бергсонианка, хотя и не непосредственно, а через Абрамовского⁵. Почему же Вы тогда изменили Бергсону? Почему Вы отказались от привычного Вам оружия и начали сражаться как адвокат на гражданском процессе. Вам надо писать и говорить для присяжных, а не для «гражданского истца». По отношению к вывертам «гражданских истцов» и «доцентов» университета, Вы — не вооружены.

II. Проблема Толстого

Статья Толстого «Что такое искусство» — чудовищна. Это памфлет фанатика или человека, желающего быть таковым.

Поэтому спорить с ним бесполезно. Спорить с ним, как с Фомой Аквинатом, может лишь правоверный толстовец в пределах «поправок», ибо существо вопроса в основных предпосылках его мирозерцания, а не в той или иной оценке «Шекспира». Скажите св. Терезе (не новой молодой, а той старой XVI-го в.!)⁶, что мистического познания Бога

нет. Она Вам ответит, что просто Вы не были «на седьмом небе», как Апостол Павел или она сама. А не были потому, что это Вам не дано. Если бы Толстой прочел Абрамовского, он не услышал бы его, прошел мимо него, так же как Абрамовский, по-моему, не услышал Толстого.

Я читал «Что такое искусство» сто лет тому назад, поэтому говорю лишь по давним воспоминаниям. Постараюсь статью его достать. Начинается она с описания репетиции (или спектакля?) дурацкой бездарной оперы Ант. Рубинштейна «Фераморс»⁷. Толстой пишет по тому методу, в котором он такой мастер, т.е. прикидывается, что не знает «правил игры». (Так же в «Христ[ианстве] и патр[иотизме]»⁸ он описывает литургию. «Из золоченой двери вышел бородатый мужик, с большим брюхом, в золотом мешке» и т. д.).

Затем он нанизывает несколько страниц цитат из профессорских «теорий эстетики» и оглуляет несчастных Татаркевичей «всех стран» до беспредельности.

Далее он отказывается от искусства вообще, сжигает почти все свои произведения и превозносит историю продажи Иосифа братьями (Библия) и крестьянские рассказы какого-то сентиментального немецкого народника (забыл фамилию)⁹. Когда Вы такому Савонароле, который сжигал на кострах гениальнейшие произведения флорент. искусства, возражаете, что «эстетика все-таки полезна» и защищаете Шумана, Вагнера, Бетховена, Гюйсманса, Бодлера (стр. 16), защищаете «лирику», которая не вредит «братству людей» (по Вашему мнению), Вы бьете мимо, бьете мечом по морю. И это потому, что Вы исключили из Вашей статьи и теории проблему эротики и пола, которая в ту пору особенно занимала этого гениального безумца.

Без «Крейцеровой сонаты» — непонятна, вернее, бессмысленна статья «Что такое искусство».

В «послесловии» к «Крейцер. сонате» он говорит: (опять привожу по памяти, читал ее 40 лет тому назад!):

«Мне возражают, что если моя проповедь абсолютного полового воздержания станет действительностью, род людской прекратится. Ну, и пусть прекратится!».

Так же он возразил бы и Вам: «Ну, и пусть лирическая поэзия прекратится! Что такое любовные стихи Каз. Вержинского¹⁰ по сравнению с тем блудом, который они распространя-

ют!» Такого страшного «индекса» не только церковь, но даже большевики не придумали, как придумал Толстой. Доказать же, в противовес Толстому, что музыка Вагнера и Бетховена не эротична, задача не легкая. Думаю, что и Абрамовск[ому] она была бы не под силу.

Значит, борясь со взглядом Толстого на искусство, выраженном им в памфлете, имеющем значение лишь биографическое, вернее, как документ в его идейной эволюции, надо было взять в круг обследования и «Крейцерову сонату». Недаром проповедь абсолютного полового воздержания он ведет под флагом «Крейцеровой сонаты», которую он обожал и которой испугался, как только что посвященный молодой монах.

Но в круг Вашей статьи надо было ввести и третью его книгу — «Христианство и патриотизм». Я утверждаю, что церковь по-своему была совершенно права. Книга эта полна кощунств куда более опасных, ибо высокохудожественных, нежели антирелигиозная пропаганда большевиков, тупая и безобразная.

Добавляю, и это очень важно. Все три поименованные сочинения сами по себе и для Толстого относительны. Это всё его «Чертогон», его «изрыгания» дьявола, с которым он упорно продолжал вести знакомство.

1) «Крейцера соната» писалась в то время, когда Софья Андреевна была брюхата сыном Иваном. Где-то она вспоминает, что ей стыдно было ходить брюхатой перед старшими, уже взрослыми детьми (может быть этот Ваничка только что родился, но это не меняет дела. Умер он в раннем детстве)¹¹.

Итак, вот реальная поправка на проповедь полного воздержания.

2) После «Что такое искусство» вышел Хаджи-Мурат (как ни в чем не бывало!) Одна из самых плотских вещей, напоминающая «Казаков».

Это реальная поправка на тот «индекс», в который Толстой включил все свои произведения.

3) После «Христианства и патр[иотизма]», после отлучения, перед самым уходом из Ясной Поляны Толстой пошел в Козельский(?) монастырь к своей любимой сестре, игуменье этого женского монастыря¹².

А потому, не принимая во внимание этих поправок, не до-
полняя «Что такое иск.» «Крейцеровой Сонатой» и «Христи-
анством и патриотизмом», бесполезно спорить с Толстым об
искусстве и эстетике. На «эстетику» он, как все крупные ху-
дожники, начиная с Расина и Шекспира и кончая Конрадом,
просто плевал. Что же касается его взглядов на «искусство»,
то он стал его отрицать, когда ему захотелось «уйти» в свой
собственный монастырь.

Сдается что Абрамовский и не знал, и не понимал Толсто-
го. Точно он исправляет «синтаксические» ошибки Толстого
(этих ошибок у Толстого много!), не чувствуя своеобразия его
языка.

Кроме того, не надо забывать, что Толстой, как большин-
ство крупных художников, был хищником. Это «драпежный»
коршун, а не травоядный кролик. Морковкой его не накормишь.
Став «толстовцем», он начал глотать собственную печенку,
безжалостно и жестоко. И мстил самому себе, сделав
жене (престарелой Сарре) ребенка, написав «Хаджи-Мурата»,
слушая чуть ли не ежедневно замечательного пианиста Голь-
денвейзера, посещая сестру игуменью. *Zwei Seelen, ach, leben
in meinem Brust*^{6!}

И еще одно: все три сочинения Толстого, посвященные
проблеме искусства, пола, религии и государства, написаны
без измены своему стилю, темпераменту и способу мышления.
Не «по Татаркевичу». В этом сила и обаятельность этих неле-
пых, с точки зрения здравого смысла (а тем более с точки зре-
ния школьной «эрудиции!»), сочинений.

По-моему, Абрамовский отнесся к статье Толстого ба-
нально и не глубоко. Принял ее всерьез, как продукт «дис-
курсивного мышления», в то время, как это был памфлет,
месть громадного художника, преисполненного эротизма и
любовью к плоти вообще (отношение его к природе!). Это
очень верно отметил Мережковский еще до революции
1905 г. в своей книге о Толстом и Достоевском. Он его на-
звал «провидцем плоти».

А если так, то я вправе не доверять интуиции Абрамовско-
го вообще при оценке художественных произведений, не толь-
ко при школьных спорах на тему о понятии «прекрасного».

Для меня тут не играет роли, что это именно Толстой, и
не в Толстом тут дело. Дело в методе Абрам[овского], методе,

который дал трещину при серьезном его испытании, и в том что Вы Абр[амовско]му, к несчастью, в данном случае повели.

III. «Индекс».

Итак, индекс Льва Толстого, который он устанавливает в своей статье — куда более жесток (по существу), нежели индексы церквей. И заметьте, его индекс основан отнюдь не на критерии эстетическом, а на критерии «толстовской секты». Для членов этой секты индекс учителя был столь же суров, как для правоверного католика индекс церкви.

Можно возразить, что свой индекс Толстой опирал на своем личном авторитете, а церковь опирает его и на полицию. Но это уже аргумент исторический и политический, а отнюдь не логический и идейный. Тем более, что сейчас во Франции, например, где «Les misérables»¹³ были под индексом, полиция в эти дела не вмешивается. «Мизераблей» можно купить в каждой лавочке, а проблема индекса остается, тем не менее, попрежнему во всей своей силе.

Добавлю, что пример с Misérables для меня совсем не показателен и не убедителен.

а) Исторически и политически это был, вероятно, акт политической вежливости по отношению к Наполеону III, который защищал Рим против Савойской династии. Ватикан хотел угодить Напол[еону] III, сократив тираж этой книги, написанной личным врагом Наполеона.

б) по существу же «Les misérables» давно уже находятся под индексом видных историков литературы всех направлений. Мизерабли из первых рядов «театра» давно уже пересажены в «парадиз» вместе с «Les mystères de Paris» E. Sue, «Les trois mousquetaires» Dumas, или «Quo Vadis» Сенкевича¹⁴. Я уже лет сорок слежу довольно внимательно за литературными спорами во Франции и категорически утверждаю, что если спорить еще о Викторе Гюго, то вне Мизераблей. О Мизераблях установилось общее мнение, что это произведение стоит почти вне литературы! Я лично к этой оценке присоединяюсь и утверждаю, что если произведение Гюго «полезно», ибо пробуждает добрые чувства, то «прекрасным» его отнюдь нельзя назвать. Не надо, кроме того, забывать, что успех «Misérables» объяс-

няется отчасти и биографией самого V. Hugo, «изгнанника и страдальца», а также воспоминаниями о революции 1848 г.

В сущности вся борьба культурных людей, борьба идейная и творческая, сводится к борьбе с существующими «индексами». Или эта борьба кончается поражением (сколько талантов согнулось, погибло, не выдержав натиска существующего индекса!), или носитель новых ценностей побеждает. Тогда устанавливается новый индекс. И вот здесь у Вас есть в статье «двойственность», которая затемняет ее смысл и лишает ее убедительности.

IV. Свобода творчества и установление критерия

Дело в том, что Вы (по-видимому, не замечая этого!) идете сразу по двум путям: Вы защищаете свободу писательского творчества и вместе с тем устанавливаете критерий красоты. Две совершенно разные задачи, насколько мне кажется, даже глубоко противоречащие друг другу.

Поверьте, дорогой друг, что мне, совершенно так же, как и Вам, дорога свобода художественного творчества. С этой точки зрения «индекс» католической церкви, приговоры суда Наполеона III-го о Флобере и Бодлере — найдут во мне всегда противника¹⁵. Но дальше мы с Вами глубоко расходимся. Вы считаете установление «критерия прекрасного» охраной писательской свободы, я же считаю такое установление порою еще более страшным для писателя, нежели приговор суда и приговор церкви. При этом, приговоры «профессоров эстетики» мне кажутся куда отвратительнее, нежели приговоры суда или инквизиции. Полиция и инквизиция на то и созданы, чтобы «сажать и не пущать». Эстетический же трибунал Kleinerów¹⁶, Kidlów¹⁷, Матеек¹⁸, Карловичей¹⁹ очень страшен, потому что на него некуда апеллировать. И если молодой талант не успел окрепнуть, не нашел поддержки, он после приговора эстетического трибунала может сломаться, пойти по линии наименьшего сопротивления, не в житейском смысле (просьба о помиловании после приговора суда!), а в смысле творческом. (Талантливый художник начинает писать под Матейку!)

Вы начинаете свою статью с защиты свободного творца «против полиции». Тема не новая, но всегда «актуальная». И

тут Ваши аргументы о В. Пюго или Сократе вполне допустимы. Но потом Вы переходите к установлению критерия прекрасного, не пояснив, что это совсем другая тема, вне «полиции». Что для этой темы понятие «индекса» получает совсем другой смысл, ибо установление критерия есть такое же установление индекса.

Как устанавливаете Вы этот критерий? Здесь мы впадаем в большой туман. Но не буду придираться. Признаю Ваш метод правильным. Основанием критерия является «интуиция».

1) Лишь подлинная красота оправдывает данное произведение, скажем, «Гамлета» или 9-ю симфонию.

2) Подлинно прекрасное произведение всегда общественно.

Тезисы, на мой взгляд, правильные. Готов даже пойти дальше, признать, что «красота» данного произведения определяется не логикой, а интуицией.

Но позвольте же спросить, чьей интуицией? Боя или Клейнера? Буркгардта или Тэна? Винкельмана или Васари? Мориака или Тьерри-Молнье²⁰?

Искусство началось не вчера, и вся его многовековая история показывает, что безошибочного критерия нет. Ярким примером могут служить картинные галереи. В серьезных и больших музеях все время одни картины сдаются в кладовую, другие берутся из кладовой. «Le salon carré»⁸ вещь непостоянная. Из Вашей же статьи выходит, как будто Вы верите в постоянный критерий, в «нуменальное» понятие «красоты». Историки искусства (а не теоретики прекрасного) признали «прекрасным» и Парфенон и мозаики в Равенне и Палермо. Включив в историю искусства такие взаимно исключаящие красоты, они предоставили эстетикам профессорам распутывать это противоречие. В недавно изданной Артцом «Истории искусства» Гаманна²¹ автор прямо говорит, что каждая эпоха имеет свою красоту, и нельзя ставить одну выше другой. Поэтому если формально единственным критерием для исследования и оценки произведений искусства является критерий красоты, то по существу этот критерий сплошная фикция, ибо *communis opinio*⁷ определить красоту не в состоянии, индивидуальные же мнения о ней не обязательны. Вы чувствуете, что под Вами нет твердого грунта, делаете оговорки (см. стр. 19). Но тогда зачем же выставяать критерий, в который

Вы сами не верите? В статьях дискурсивных, «профессорских» совершенно недопустимо говорить о том, что в концепции Абрамовского содержится «jakaś sug[estyczna] prawda»^d (стр. 23) и что художник должен служить автентичной правде, которая «w jakiś sposób»^e существует (стр.26).

На эту тему можно написать сто страниц, потому умолкаю. Замечу лишь, что с непонятной для меня жестокостью по отношению к «братьям писателям» Вы их мнению об искусстве не отвели особого места, а свалили их в «общую могилу» Татаркевичей «всех стран». Эта жестокость не обоснована ни психологически, ни методологически. Все показания на эту тему писателей по существу автобиографичны. Они обнажают свою творческую душу, не боятся эксгибиции.

Мнения же Тэнов и Гуйо²² — есть лабораторный опыт in anima vili^e.

Самой же значительной, самой ныне влиятельной теории Вы почему-то не коснулись вовсе. Как будто исторического материализма (марксизма) не существует вовсе.

V. Проблема Абрамовского

По-видимому, Вы особенно настаиваете на несправедливости моего отношения к Абрамовскому.

Спорить с Вами не буду, так как понятия об Абр[амовском] не имею. Честно объясню лишь, как сложилось мое о нем мнение.

Когда в Вашей статье «Rozmyślanie na czasio»* Вы коснулись будущих кооперативов и артелей как панацеи для создания нормального социального строя (не называя Абрамовского!) — я уже удивленно насторожился. Идеи эти были дороги поколению шестидесятых годов прошлого века и как раз *pięknoducham*³. Из статьи Czapińskiego в Robotniku²³ я узнал, что в данном случае Вы следуете теориям Абр[амов]ского. Мне показалось, что Чапинский прав, когда подчеркнул сентиментальную нереальность этих благородных мечтаний хорошего человека.

В новой статье Вы прилагаете кооперативные идеи Абр[амов]ского к проблеме искусства. И опять меня «покоробило».

Об этом Вы говорите на стр. 28—29 своей статьи, как раз защищая Абр[амовского] от возможного упрека в прекрасно-

душии. Однако результат получается прямо противоположный, особенно еще потому, что Вы разрешение проблемы переносите в будущее. (Единственное место в Вашей статье, где Вы предаетесь мечтам о будущем!). При кооперативном-коммунистическом строе все, мол, будет в порядке.

Но это уже вопрос веры и позвольте мне сказать, что если уже верить, так лучше по пророку Исайе, что «лев ляжет рядом с ягненком и мечи будут перекованы на орала», нежели верить в кооперативный коммунизм. «Колхозы» большевиков и есть артельный коммунизм! Если он не удался, почему удастся арт.-ком. Абрамовского? Или это надо было пояснить, или этого не касаться. Иначе выходит очень печальное недо-разумение.

Вы пишете, что Абр. пришел к своим выводам на несколько лет раньше Бергсона. Но сколько же ему было в таком случае лет? Первая значительная книга Бергсона вышла в 1889 году, а наиболее существенная «*Matière et Mé-
toïte*» в 1896 году.

Я охотно Вам верю, что сам Абр. лично был выдающимся человеком. Но те его утверждения, которые Вы приводите, очевидно, не выражают его подлинного облика. Мысли эти банальные и давно уже оставленные. В жизни все время приходится «разрывать», «пересматривать». Если в личных отношениях такие пересмотры нежелательны (и то!), то в идейных отношениях это обязательно. А также в эстетических. Ведь вот единственно за что я благодарен статье Толстого «Что такое искусство», это за то, что он снял «табу» с Шекспира. И почему мысли Абр-го должны быть «табу»?

Как бы там ни было, ввиду того, что Абрам. неизвестен даже полякам, думаю, его взгляды следовало бы излагать более обстоятельно и не предполагать, что они читателю известны...

Конец — делу венец.

^a на полях страницы

^b Ах, две души живут в моей груди! (нем.) (см. п. 35, примеч. 2)

^c квадратный салон (франц.)

^d общее мнение (лат.)

^e какая-то правда, которая вызывает мысли

^f каким-то способом

€ над животным (лат.)

* Заблаговременное размышление

¹ прекраснoдушным эстетам

45

26 августа [19]35 г.

Droga Pani Marjo!

«Не вели казнить —
Вели слово вымолвить!»

Отлично, прекратим дальнейшие разговоры на эту тему, если это Вас раздражает. Я готов даже сдать все свои позиции, если это Вас утешит...

Однако, кроме одной. Эти «окопы св.Троицы» я буду защищать до последнего издыхания.

А именно:

Я утверждал, утверждаю и буду утверждать, что статьи Вам надо писать как художник, а не как «профессор».

Ваш метод — художественная интуиция, а не логическое мышление. Вы должны заражать а не убеждать, говорить своим голосом, а не голосом Татаркевича. Лев Толстой, Conrad¹, Бой² и многие другие художники пишут статьи своим, свойственным им голосом, благодаря чему они не нуждаются в точных цитатах и во внешних знаниях. Вы же «предаете» свой талант, свое непосредственное дарование и, приступая к статье, стараетесь ее написать по Татаркевичу, что бесполезно, ибо Татаркевич Вас всегда перешеголяет своими внешними знаниями, своей внешней начитанностью.

В этом, собственно, весь смысл моего предыдущего письма. Всё остальное куда менее существенно. Не соглашайтесь со мною, это полное Ваше право, но поймите, что только этот тезис мне дорог. Вы же его даже не услышали, а потому и спор наш получил характер полемики.

Позвольте мне, однако, надеяться, что когда-нибудь впоследствии, вспоминая на *zimno*³ о нашем споре, Вы почувствуете, что я совершенно бескорыстно защищал интересы дорогого мне художника Домбровской против вредного на нее влияния «доцента» Домбровской.

Само собой разумеется, что впредь я этого делать не буду, т. к. слишком дорожу нашими добрыми отношениями.

Искренне Вас уважающий и любящий
Д. Философов.

^a холодно

46

*Otwock, Pensjonat «Wiktorówka», 3, ul. Dąbrowskiego,
22 апреля [19]36 г.*

Дорогая Pani Marjo!

Не знаю даже, как благодарить Вас за Ваше внимание и ласку. Верьте, что Ваша милая забота обо мне была мне страшно ценна, и если я не писал и не звал к себе, то потому, что совершенно не было сил.

Здесь я буквально как на «реколекции»^a, тем более, что просил своих друзей меня сейчас не посещать. В общем, я доволен, как раз то, что мне надо, хотя слишком дорого. Конечно, если бы я был здоров, я бы никогда в жизни не поехал в Otwock. Лучше «Włochy»^b под Варшавой.

Pensjonat этот тот самый, где столь долгое время жил Стахевич² (Biuro historyczne!)^a. Для него, кажется, он и был устроен, т.к. владельница его, докторша (очень милая) его близкая родственница.

Режим чисто санаторный и самый подходящий для такой ёраве^c как я.

«Чахотных» тут нет, все больше реконвалесценты^a. Впрочем, я ем у себя и кроме сношений с прислугой, и р. Добровольской³ (влад.) никаких иных не имею.

Сердечный привет дорогому и любимому panu Stanisławowi.

Ваш
Д. Философов.

P. S. Моя «tekoлекcja»^a кончается в субб. 25-го. Не смею настаивать, но Вы сами понимаете, какое удовольствие было бы

для меня Ваше посещение! Е.С. Хир[ьякова] Вам сообщит наиболее удобную технику и час приезда.

^a говенье

^b «Италия»

^c кабинет, имеющий историческое значение

^d бездомный, заблудившийся (франц.)

^e «пере-выздоровливающие»

47

*Otwock, Pensjonat «Wiktorówka», Dąbrowskiego 3, 22 мая
[19]36 г.*

Вчера получил Ваше милое письмо, droga Pani Marjo, и очень утешился, что Вы благополучно доехали и довольны своим прекрасным островом со столь странным названием. На почтовом штемпеле название двойное: не то Rab-Sobak, не то Rab-Susak. Но откуда этот раб? Как будто это не славянский корень, а турецкий¹.

Я этого побережья не знаю, но представляю я его себе хорошо, тем более, что лет 40 тому назад был в окрестностях Триеста, тогда австрийского. Помню меня, мальчишку, поразила язык деревенского населения. Я отлично понимал, что говорили словинцы.

У нас тут еще не отцвела сирень. Погода очень капризная. Каждую неделю (tydzień)^a я не выхожу из комнаты два-три дня: то холод собачий с восточным ветром, то дождь. Ночи очень холодные, потеют окна! Правда, я под старость стал очень зябким, всё мне холодно.

Одичал я за эти 3 месяца страшно. Общение с людьми стало для меня очень трудным. Мне всё кажется, что они говорят «не о том», и это нарочно, т. е. сознательно «здавковые»^b слова, мысли, интересы. И кроме того, почти все люди придерживаются слов поэта:

«Утешь, пожалей, обмани...»²

Когда начнешь их утешать, жалеть и обманывать — они расцветают. Думают, что и меня надо утешать и жалеть. Особенно мучительно это было, когда я беспомощно лежал в кровати и не имел сил «протестовать» как надлежало. Скажу

однако, что все-таки «протестовал», хоть и не так, как следует, но все же...

Видел одну из Ваших статей, спор с коммунистами в «Об[iczych] Dnia»³. Признаться, подивился Вам. Как можно «психологически» рассуждать с коммунистами, да еще при свидетелях? Ведь вся их «философия» в корне отрицает индивидуальную психологию, считает ее упадочничеством. И мне кажется, что ответ они Вам дали правильный (со своей точки зрения). Психология — дело «господское». «Коллектив» не любит и не понимает «нюансов». Ему надо «да» или «нет», а не нюансы. Поэтому и борьба с коммунистами идет столь нецелесообразно, поэтому они и побеждают. Гитлер и Муссолини куда лучше знают и понимают комм[унистов], нежели мы с Вами. Они сражаются одинаковым с коммунистами оружием. Интеллигенты же вместо шрапнели стреляют «лепестками роз».

Видел «Studio» г. Кучинского⁴ и не утешился. Ну, да меня все труднее и труднее становится утешить. Сердечно жму руку дорогому р. Stanisławowi.

Преданный Вам
Д. Философов.

P. S. Если будете мне писать, пишите на Sienna, я на днях возвращаюсь в Варшаву⁵.

³ неделя

⁶ (zdawkowe) банальные

Otwock, «Wiktorówka» 3, Dąbrowskiego, 14 октября [19]36 г.

Droga Pani Marjo!

Моя «Pani Doktor»^a получила в конце сентября отпуск, а тем самым возможность уехать из Оtwocka и Варшавы, где у нее больной отец, дней на 10.

Я ей порекомендовал Jaworze.

На днях получил от нее прилагаемую открытку. И пахнуло на меня далеким-далеким прошлым! Это «прошлое» тесно связано с Вами. И мне страшно захотелось Вам написать хотя бы несколько слов, чтобы напомнить Вам, что было время, когда мы дружески общались, когда не было какой-то «стеклянной стены» между нами.

Я не протестую. Во-первых, нет ничего бесплоднее, как играть вальс «Невозвратное время», а во-вторых, то что было — не теряет своей ценности оттого, что оно уже прошло и стало «невозвратным».

Весною будет 17 лет, что я в Польше. Понятно, что накопились «геологические пласты» и в личных отношениях, и в общественных.

Сейчас я не имею ни личной ни общественной жизни,веду образ жизни чисто созерцательный, а потому естественно, что воспоминания развивают свой длинный список. Процесс моего угасания несколько замедлен, но благодаря этому ослабилась до-нельзя мое желание вернуться в мир. Поездка в Варшаву мне представляется столь же сложной, как в Нью-Йорк. Не теряю, однако, надежды, что мы с Вами еще увидимся.

Сердечный привет дорогому panu Stanisławowi.

Искренне благодарю Вас за «эпоху» Явожа, а особенно за «Ночи и Дни», которые сыграли эпоху в моей биографии духовной.

Ваш
Д. Filosofov.

* пани докторша

Droga i czcigodna Pani Marjo!^a

Сегодня прочел в «*Naszym Przegl[ądzie] (żyd[owskim])*»⁶ Вашу статью «*Doroczny wstyd*»¹ (перепечатано из «*Dz[iennika]*»)

Pop[ularnego]») и хочется, не откладывая, сердечно поблагодарить. В моей довольно-таки невеселой жизни статья Ваша явилась большим утешением. Особенно мне пришлось по душе вторая часть. Да, *jesteśmy winni wszyscy*⁶. Пассивность польского общества меня страшно поражает. Чем объяснить это — не знаю. Parandowski² называет то гонение, которое сейчас происходит в Польше, «gzekomut»⁷ (см. «Wiad[omości] Liter[ackie]» пг. 49). По странной случайности Ваша статья дошла до меня вместе с сообщением о ликвидации «блокады» в Варш. университете³. Слава Богу, что есть еще полиция и она прекратила это безобразие...

Жму Вашу мужественную руку и с дружеским приветом целую ее.

Д. Философов.

⁴ дорогая и почтенная пани Мария

⁶ еврейском

⁸ мы все виноваты

¹ подложным, воображаемым

50

Понедельник, 25 апреля [19]38 г.

Дорогая и глубокочтимая Pani Magjo!

Мысленно, наяву и во сне пишу Вам ответ с самого дня получения Вашего драгоценного письма, т.е с 14. IV. Но слишком плохи были эти недели и слишком трудно мне писать. До сих пор не могу совладеть с чернилами.

Я привык Вам верить и ценить Вашу правдивость. А потому принимаю Ваше слишком для меня лестное начало письма Вашего за искреннее чувство. Это меня тронуло до слез, хотя отлично понимаю, что драгоценные для меня слова Ваши были продиктованы расположением ко мне и доброжелательством, а не строгой объективностью.

Конец же Вашего письма меня утешил и порадовал. «Syn marnotrawny»⁸ возвращается в дом отчий т.е к литературному

художественному творчеству. Радуюсь за Вас и за польскую литературу. Ожешкова наговорила и написала много вздору, но она была на правильном пути, будучи писательницей, она все время служила своему народу. В ней была правда, к сожалению, плохо выраженная, ибо у нее не было достаточно таланту для художественного выполнения намеченной цели. Jeź¹ (первые два тома воспоминаний) был, конечно, талантливее ее.

Думаю что Ваша «wycieczka»⁶ в области политики не повредила Вашему таланту. Вы поездили за это время по Польше, видели близко и «власть имущих» и «малых сих». Словом, поле наблюдений над человеком и его жизнью у Вас расширилось.

Этими краткими словами радости и благодарности должен пока ограничиться. Намерения у меня были совсем другие, но... суждены нам благие порывы, свершить ничего не дано². Может быть, впрочем, соберусь еще с силами. Будет еще тепло и солнце.

Уж очень я устал и очень мне хочется не переживать новой зимы.

Из «Меча»³ я ушел окончательно. Не то что я поссорился, я их люблю по-прежнему. Но просто я человек «парусного флота» и сегодняшние настроения не чужды. Болезнь же помогла мне отойти с полным спокойствием и не теряя связей с ними. Им ведь тоже нелегко.

Сердечный привет дорогому p. Stanisławowi.

Ваш старый-старый друг
Д. Ф.

¹ «Блудный сын»

⁶ «загородная прогулка»

Drogi czcigodny^a Panie Stanisławie!

Вчера узнал из Kurj[era] Warsz[awskiego] о смерти д-ра Poncet¹ (25.IV). Он исполнил уж те трудные «обряды», кото-

рые необходимы для ухода из мира сего. И невольно ему завидуешь. Давно его не видел, но сохранил самые добрые воспоминания об этом милом человеке.

Странно, что как раз эти последние дни мучительно припоминал его фамилию, которую забыл, как и полагается серьезно больным, потихоньку впадающим в рамолисмент...

Когда Ponscet жил на Siennej, мы часто встречались на улице. Кроме хорошего, я ничего не видел от этого, на мой взгляд, незамысловатого человека. Вспоминаю его с любовью, и почему-то захотелось написать о нем именно Вам.

Здоровье мое плохо.

Всего Вам доброго.

Искренне преданный Вам Д. Ф.

* почтенный

52

[Отвоцк, б. д.]

Посылаю два неоконченные письма, нашел их случайно — Д. Ф.

7 мая [19]38 г.

Получил Ваше письмо, droga Pani Marjo, от Z.V., и захотелось Вам написать. Ваши милые письма (а также дорогого pana Stanisława!) меня очень утешают. Да, Bogumił Korn¹, со времен Словацкого! Конечно, это «случайность», но случайность весьма знаменательная! (от слова «знамение», символ).

Ну, конечно, я помню нашу встречу. Особенно, как Вы вкусно и уютно мазали хлеб и клали на него сыр. А р. Stan[isław] лежал — и сразу создавался подходящий, хороший «климат».

Про свои приключения в майские дни мне рассказывал с величайшим увлечением сам Ponscet. С ним вместе возвращался откуда-то наш Митрополит².

Пан Stanisław написал мне гениальное письмо о покойном. Поразительная визия. Его письмо меня порадовало как нечто мне близкое. Люди радио и «междумястовых»^а телефо-

нов окончательно утратили смысл и значение писания как чего-то живого и в конце концов «литературного». Нынче — всем «некогда» и письмо пишется или «между прочим», или по делу.

Теперь о другом.

Мне за последнее время начинает все больше казаться, что все страны должны пережить все равно какую, фашистскую или анти-фашистскую революцию.

Otwock, Willa «Wiktorówka», 25 июня [19]38 г.

Дорогие друзья!

Очень мне было радостно получить весточку не только о вас, но и от вас. Несколько дней как я вздохнул. Снял повязку с ноги и стало теплее. Сейчас (4 ч. дня) сижу у себя совершенно один, в пижаме. Открыта дверь на балкон, температура на солнце 32°, в комнате 26°!! Но мои старые кости отдыхают, а главное кашель не так мучает. Кроме того, перепадают дожди, так что сердце не слишком замирает. А главное, хоть на несколько часов в день я избавляюсь от

* (międzymiastowych) междугородных

53

Otwock, 27 июня [19]38 г.

Письмо Ваше, дорогие и искренне уважаемые Pani Małgo i Panie Stanisławie, меня очень тронуло и порадовало. Про себя скажу, что все «*dotatki nadzwyczajne*»^a narazie^b преодолены. Ногу мне разбинтовали, оставили лишь маленькую нашлепку. Таким образом, я вернулся к исходной точке, к «*status quo ante*»^a, т. е. никуда не годному сердцу и к никуда не годным легким. Имею право ходить, но когда пальчиком махнешь, то уж от слабости бросает в пот. Но как бы там ни было, я «завоевал» право одиночества хотя бы на несколько часов в день. Как школьник пользуюсь отсутствием Pani Doktor^c (святой человек!), я прогоняю опостылевшего мне дурака *pielęgniarka*^a и «танцую» от радости. Вообще, *co tu gadać*^c, положение тяже-

ло больного, прошедшего через «Омегу», донельзя напоминает положение тяжкого преступника под следствием. Тебя ни минуты не оставляют одного, и как в тюрьмах, в дверях «глазок». Как только получил право передвижения, пошел самостоятельно «кой-куда». Но «всевидящее око» и тут за мной шпионило! А вдруг мне сделается дурно, а вдруг умру в ubikacji^е (Екатерина II, по словам Пушкина, «турецки флоты жгла, и умерла сидя на судне»)¹. И что тут такого страшного? Слава Богу, что умер! Но скоро умирать не полагается, а потому тебя ни на минуту не оставляют одного. Вообще я пришел к заключению, что серьезно лечиться может лишь вполне здоровый человек, такой негр-боксер Louis² (даже Штекер не выдержал бы!), с истинно негритянскими нервами, или bandyta*, убивший пять старух и двух полициантов. Ну, вот Вам полная реляция о моем здравии, вернее нездравии. Не могу сказать, чтобы моему состоянию помогала погода. То я жарюсь, как карась на сковороде (как известно, караси это любят!), то мерзну (мерзни, мерзни, волчий хвост!). Вы на днях у себя топили. Я до такого унижения еще не дошел, но в Ваше утешение сообщу Вам, что 28 июня 1674 (czegwca) Mme de Sévigné писала из Парижа своей дочери: «Il fait un froid horrible. Nous nous chauffons, et vous aussi (в Aix!!), ce qui est une grande merveille!»³. Правда, люди тогда были глупые и не знали, что это от «солнечных пятен». К сожалению, нам объясняют одно неизвестное через другое неизвестное. И большинство на этом успокаивается. Здешняя горничная Marysia с гордостью мне сообщила, что холод от солнечных пятен! (прочла в I.K.C.)⁴.

Кстати: Та же Mme de Sévigné сообщала дочери (письмо от 20.X.1679), что «Madame de Lafayette (страдала от камней в почках!) prends des bouillons de vipères, qui lui redonnent une âme et des forces à vue de l'oeuil!»³. Вероятно и о наших zastrykach^и и патентов[анных] средствах наши правнуки будут говорить с такой же улыбкой. Во всяком случае бульен с гадюк не помешал Mme de Lafayette (любовница знаменитого Larocheffoucault)⁵ написать весьма замечательный роман «La princesse de Clèves» и притом для нас очень современный. Это, по крайней мере, одна из моих любимых вещей! Жизнь и смерть, любовь и ревность, преходящее и вечное, страсть и рассудок, разум и смирение, личность и общест-

во — таковы темы всякой серьезной литературы. А все остальное — разлетается в пыль. Во всяком случае, именно вечная литература показывает всю тщету «прогресса», показывает страшную силу иррационального!...

У нас в Отвоцке христиане такая же редкость, как райские птицы. Те же христиане, которые имеются, или больные, или жулики. А Вы, *panie Stanisławie*, жалуетесь на *Truskawiec*?! Там хоть кругом подлинные «тубыльцы»⁸. А здесь кругом песок, сосна и воришки. Вообще нет ничего ужаснее на свете, нежели этот проклятый Богом и людьми клочек земли, именуемый *uzdrowiskiem i letniskiem*⁸ с «климатической таксой» и «избранным народом».

Вы, вероятно, знаете, что Марыня в... «Убежище Монрепо». Она, бедняжка, понятия не имеет о Щедрине и о том, что как раз «*Mon heros*» Николая[?] дало повод Щедрину написать свой гениальный памфлет⁸. Она там все принимает всерьез, и «...*oncle Meyendorff*»⁹, который пишет биографию своего покойного *cousin*⁹ Столыпина⁹, и какую-то племянницу Вырубовой¹⁰, живущую в том же Монрепо, и гр[афа] Палена, женатого на «Hitler»овне...¹¹ Спит под громадным портретом Александра II, называет Выборг *Vipurgi*¹² и спрашивает мое мнение о *Vilami*, т. е. о Коневце и Валааме. Финляндия сыграла большую роль в моей биографии. Много разных неприятностей перенес я из-за моих симпатий к ней. Но если даже Александр Макендонский великий человек, зачем же стулья ломать¹³?

1-го июля начинается в Викторувке серьезный ремонт. Гости постепенно выгоняются, новые же принимаются до 1-го авг. Наивная *Pani Doktor* воображает, что «согласно договору» все будет кончено 21 июля. Это в Отвоцке-то! Из старых клиентов остаются лишь две «недвижимости»: «*Pan Prezes*»¹⁴ (род. в 1859 г.) и я (род. в 1872 г.). Я переезжаю вниз, и буду менять комнаты в зависимости от хода ремонта. При таких условиях мне было бы трудно принять вас, мои дорогие, в начале июля. Когда вернетесь из Дании — милости просим.

Искренне Ваш
Д. Ф.

- ^a специальный выпуск (газеты)
- ^b покамест
- ^c «к прежнему состоянию дел» (лат.)
- ^d пани докторша (т. е. Зофия Добровольска)
- ^e медбрата
- ^f о чем болтать
- ^g туалет
- ^h вор
- ⁱ «Мадам де Лафайет пьет бульон из гадюк, который очевидно ее одушевляет и подкрепляет»
- ^j инъекция, лечение
- ^k (tuby/cy) туземцы
- ^l курорт и дачное место
- ^m дядя Мейендорф (франц.)
- ⁿ кузена (франц.)
- ^o господин президент

54

Otwock, 15 июля [19]38 г.

Droga Pani Marjo!

Я имел от Вас 2 письма из Трускавца. На одно ответил, а на другое не успел, т. к. прихворнул. Сейчас получил 1-е письмо из Морска¹. Да, я люблю обстоятельные письма «по географии и истории». Сразу взял маленькую карту Польши и справился в подручных словарях. Все нашел. Картину имею (по возможности!) ясную. Вот только прошу дополнительных сведений по следующим, весьма важным (!!)-вопросам. Что такое cis^a, ежели не по-русски, то хотя бы по-немецки. В словарях моих как-то niewyrażnie^b. Не лиственница (пихта)? Спросите всезнающего pana Stanisława. А второе это Chetłmno^c, по-немецки Kulm. Какой это был кульмский крест (орден)? Битва при Наполеоне?

Я рад, что Вы не поехали в Данию. Эта поездка могла очень плохо отозваться на здоровье p. Stanisława. Ему хорошо тихо сидеть в «долине», у воды. Конечно, по сравнению со мной он атлет, может состязаться с Louis, победившим Schmellinga². Но все-таки лучше поосторожней. Я окончательно превратился в nieguchomość³, сдается что и Варшаву уже не увижу, разве при собственном отпевании, из гроба, в шелочку. Вот уже третий год я тут сижу (а теперь уже лежу) и жду

«исполнения приговора». Но современные врачи, как адвокаты: апелляция, кассация, глядишь, и умирать некогда. А если (не дай Боже!) еще проживу год, то непременно перейду в юдейство, ибо за годы моего пребывания здесь, курациуше, христиане исчезли. Одни только евреи! В газетах я все время читаю об их поражении, а в Отвоцке вижу их торжество. На всякий случай опускаю «пейсы». В случае необходимости их можно будет сбрить.

Из убежища Монрепо получены известия, что знаменитая женщина-историк, pani Marja Czapska, покидает Vippuri и вообще Суоми числа 15-го — 16-го. Посещение Vilomo произошло в грозу и бурю, зато восход (или заход?) солнца где-то не то в Okolokakele, не то в Kakalaokolo, был блестящ, и удивленные народы не знали, что им делать, ложиться спать или вставать. Приезд женщины-историка в Варшаву ожидается 18—19—20 июля. Редакция Wiad[omości] Liter[ackich] будет увешана национальными флагами (польско-сионцскими). Очень меня порадовала ее статья о Годлевском³. Понятие не имел, что он такой bohater⁴. Как Иосиф Прекрасный отверг «клеяноты» жены Потифара. И если бы не краковский теософ и астролог, то бедная вдова Потифара осталась бы при пиковом интересе⁴. Говоря же серьезно, вновь испеченный женщиной-историком «Bohater» глуповат: в одном письме — стоит горой за Бжозовского⁵, который «зарезал» Сенкевича. А в другом от 1905 года заикается от страха и предсказывает, что начнется опять 1846 и галицийская резня⁶. Все это на ногах не стоит! Бжозовский был социал-демократ, а вовсе не «либерал-помещик», чего Годлевский и не заметил. Возвращаясь же к Ожешковой должен сказать следующее. Много было всяческих недостатков у покойной. Но из этого не следует, что можно ее высмеивать публично во славу какого-то молодого человека приятной наружности.

Что касается ремонта, то конечно, он и не начался. Откладывают со дня на день. Да и «варпо»^с, как всем известно, страшно подорожало.

Душевно Ваш и ваш
Д. Ф.

³ тисовое дерево

⁶ невразумительно

- " Хелмно
 † неподвижность
 ‡ герой
 ° известь

Otwock, Понед[ельник], 18 июля [19]38 г.

Дорогой и досточтимый Panie Stanisławie

Хочу знать Ваше компетентное мнение по одному, может быть, и ничтожному, но для меня психологически важному вопросу. Боюсь только, что Вы будете надо мною, старым рамолисментом, смеяться.

Речь идет о недавно скончавшемся Францишке Годлевском и статье о нем Марыни (см. Wiad[omości] Liter[ackie] от 17.VII). Я наскоро написал об этом Pani Marji, при том шутливо. Но номера «Wiad[omości] Lit[erackich]» у меня не было под руками, и я допустил много неточностей. Вчера я прочел вновь статью и вижу, что я ошибся, сделав из Antoniego G[odlewskiego] отца Францишка, повстанца 1863 г., когда он был повстанцем 1830 г., porucznikiem в 1831 г., т. е. еще в войске. Вся статья написана со слов «Мыши» т. е. второй жены Godl[ewskiego] (приятельницы Anieli)¹. И следовательно Мышь сообщила Марыне, что этот самый Antoni был «emisariuszem»² перед самым повстаньем 1863. Далее мы узнаем, что он был арестован, а затем «osiadł na roli». «Jako żołnierz z krwi i kości»³ выбрал для сына военную карьеру «aby, gdy czas nadejdzie był obeznany z bronią»⁴. В результате в 1890 г. в Пермском полку, расквартированном в Гродне, появляется молодой человек приятной наружности, Franciszek.

Или я — старый идиот, или все это введение об Антоне Godl. — сплошные «banialuki»⁵. Я могу быть некомпетентным в делах польской конспирации, но считаю себя вправе рассуждать о русском чиновнике и русском жандарме. Эмисариуш была должность очень опасная, но и почетная. Посылались, насколько я знаю, люди не старые (Годлевскому было в 1860—1862 г.) — под 60! (porucznik² в 1831), и ныне они все наперечет и более или менее хорошо известны. Почему же тогда Мар[ыня]-Мышь дают о нем такие туманные, а главным

образом глупые данные? И неужели же повстанец 1831 г. и эмиссариуш перед 1863 мог спокойно осесть «на roli»^с (где? в каком положении: аренда, администр. или ziemiańin?^е) «без искупительных жертв»? Не верю! И не было ли отдания Franciszka в корпус и юнкерское училище — доказательством «лояльности»? А если перейти к 1890 г., т. е. к сыну-офицеру, то ведь это было время Гурки², Апухтина³ и, главное, Александра III-го! Не верю, чтобы в «Гродненской губернии» виновный в повстании 1863 г. мог служить в местном полку (квартирующем в Гродне и на предмет подавления восстаний!) сын эмиссара, повстанца 1831 г., если он не был благонадежен. Отсюда можно сделать целый ряд выводов, весьма неблагоприятных для молодого офицера, которых делать не хочу, пока Вы, дорогой, не разъясните всю эту чепуху. Во всяком случае то обстоятельство, что Ожешкова в 95—96 гг. пригрела этого болтуна, было ему с руки и дало возможность «русскому» офицеру себя реабилитировать в польском о[бщест]ве.

Этим пока ограничиваюсь, т.к иначе пришлось бы писать 50 страниц. Очень мне досадно, что никто из толковых людей не прочел статьи Марыни до ее публикации, а еще досаднее, что она так грубо обошлась с Ожешковой.

Простите.

Ваш Д. Философов.

^а эмиссар

^б «осел в деревне. Как солдат до мозга костей»

^в в своё время он научился бы обращаться с оружием.

^г выдумки

^д поручик

^е в деревне

^ж дворянин

Письмо Станислава Стемповского Д. В. Философову¹

22 июля [19]38 г.

Дорогой Д[митрий] Вл[адимирович],

Только что вернулся с трехдневной прогулки по польскому морю и застал Ваше письмо. К сожалению, вряд ли

смогу сказать Вам что-либо путное на Ваши вопросы, в-первых, потому, что я не читал статьи Марыни о Годлевском и об Ожешковой; а во-вторых, потому, что о Годлевских (отце и сыне) я никогда не слышал, ничего не читал и книги Францишка об Ожешковой тоже не читал². (Вы, конечно, тоже никогда бы не интересовались всеми «героями», если бы не впуталась во всю эту «эпопею» наша добрая и неуклюжая Марыня).

Ограничусь пока общими замечаниями по поводу Вашего интересного письма. Почему тревожат Вас подобные вопросы? Почему беспокоит Вас писательство Марыни?

Кажется, у Н. К. Михайловского я впервые встретил в дни моей молодости формулы: правда-истина и правда-справедливость, и с тех пор мне казалось, что вокруг этих двух правд идет веками бой за человеческое достоинство и за человеческое счастье. Бой этот ведут воители обеих этих правд против всего прочего, и без них, без их непреклонности и мужества, жизнь человечества была бы сплошною пустыней, наполненной чавканием *zjadanego chleba*^a, плеском воды от умывающих руки Пилатов и хищным криком дельцов.

Вас я причисляю к одному из видов воителя правды-истины. Вы терпеть не можете неточности, поверхностности, *ogólników*^b, нас возвышающего обмана³. Около завравшегося господина Вы не можете пройти Пилатом, но хватаете карающее перо на Клейнеров⁴ и «самососуших» коров (задам фамилию покойного редактора В. Португалова⁵). Теперь, когда Вы перестали писать *coram publico*^b, Вы изживаете тот же душевный процесс в себе и в беседах с друзьями. Не здесь ли кроется тайна *dosiękliwości*^c Ваших писем? Но Вы к тому же и художник слова, трудного слова (эквивалента словесного Правды-Истины). Вы негодуете, когда люди употребляют слова и выражения избитые, выпренные, пошлые, а уж прямо страдаете, когда это делают люди близкие. Очень могло случиться, что наша добрая Мар[ыня] изменила правде-истине и не послушалась присущего ей несомненно художественного чутья меры — поддалась, по доброте своей, желанию сделать приятное своей подруге и наивно пересказала переданные ей подозрительные факты. И на меня приведенные в Вашем письме выражения произвели впечатление заговаривания пусто-го, если не стыдливого, места в биографии 2-х «рыцарей».

Если мы с Вами, по стариковской мнительности, и ошибаемся по существу, то все-таки допущена здесь некоторая литературная *gaucherie*^a. А этот *emisaŗjusz*^c напоминает мне отца Терезы Генерт (из романа Налковской), который однажды за утренним кофе узнал, что был в 1863 г. повстанцем^b. По возвращении в Варш[аву] непременно прочту всю эту литературу и напишу Вам. Стараюсь чистописать, дабы Вам удобнее было читать, потому что п. Марья жалуется, что не может разобрать моего почерка. Кстати она просит передать Вам, что *cis* — *Taxus baccata*, а *brekinia* — *Pyrus terminalis*⁷.

Сердечно жму Вашу руку
С. Ст.

^a съеденного хлеба

^b обобщений

^c публично (лат.)

⁷ пронизательности

^a неловкость, неуклюжесть (франц.)

^c эмиссар

24 июля [19]38 г.

Милая и любимая Pani Marjo!

Вчера получил Ваше обстоятельное письмо об Ожешковой-Годлевском-Марыне и прежде всего бью себя в грудь и воплю: *mea culpa, mea maxima culpa*^a! Я, благодаря своим болячкам, не сообразил, что Вы вовсе не обязаны иметь *Wiad[omości] Lit[erackie]*, особенно пребывая на лоне природы, *obok «cisowych»*^b рошей. На этот счет наш проплеванный, Богом забытый Отвоцк — сама цивилизация. Люди бредут по пескам как верблюды, путаясь в жидовских халатах, воды нет, канализации нет, грандиозное, но неприлично-уродливое Казино являет собою образец «мерзости запустения» (*abominatio desolationis, brzydkość spustoszenia*)^c, а *Wiad[omości] Liter[ackich]* сколько хочешь! Это, можно сказать, хлеб насущный здешней интеллигенции. А засим хочу устранить одно недоразумение. Я очень бережно отношусь к

эротическим осложнениям, ко всяким «amitiés amoureuses»^г, и отношения Ожешковой в этой области для меня воистину «священны». Поэтому все, что Вы написали мне на эту тему, я принимаю «как свое». Вместе с тем я стою за «odbrązowanie»¹. Но понимаю его не как самоцель, а как очеловечение великих людей, которые нам стали чужды и опротивели благодаря казенным ореолам. В этом смысле я на стороне Воу'а². А благодаря тому, что Воу большой художник, я ему прощаю некоторый пересол. Совсем другое дело Марыня. Моя мечта была сделать из нее полезную пчелу-работницу. Для этого ей надо было отказаться от «поэзии» (всегда в стиле Родзевичувны)³, от якобы «научной» возни с plotkami⁴, и вообще от претензии на высокую «науку». Ее претензии (по наивности) недопустимы. Она искренне думает, что она научно подходит к «историческому» материалу, письмам Годлевского и к bzduram^с Мыши. (Статью ее при сем посылаю). Из статьи видно, сколько у Мар[ыни] ненужных многоточий (намек на то, чего не видит никто!) подмигиваний etc... И главное, все это ей несвойственно! Не буду распространяться, Вы сами увидите, какой нехороший запах идет от ее статьи. И сколько в ней (в статье) невежества!

По странной случайности, вчера, кроме Вашего письма, я имел визит Марыни, совершенно для меня неожиданный. На столе лежало Ваше письмо, еще не продуманное мною, а рядом — Марыня с Юзей. Приехали вместе. Она вернулась в четверг вечером, а в субб[оту] приехала в гости к Юзе, к[о]т[о]рый «живет и работает» неподалеку, в Włotach(!!)⁴. Она выглядит хорошо (Юзя — еще похудел!) и полна впечатлениями от «Монрепо»⁵. Полна Финляндией, через очки de l'oncle Meyendorff^е, а потому я ее рассказы всячески останавливал. О ее статьях, о Вашем письме, вообще о чем-либо серьезном не говорили.

Ремонт начнется, кажется, завтра. Когда кончится, неизвестно. Это удовольствие не сулит много наслаждений.

Книгу Короленки читал только в выдержках. Ведь мать его была полькой. Я его не высоко ставлю ни как писателя, ни как человека. Как писатель — ниже среднего, а как человек не то чиновник, не то народник. Преклоняюсь перед его тюрьмами и ссылками. Но «изюминки» в нем никакой не

было: ни художественной (ну как его сравнивать с Львом Толстым!), ни политической. А в общем вполне честный и порядочный человек. Я был близок с двумя людьми, близко его знавшими и любившими: с С. Я. Елпатьевским⁶ (познакомился в 1893 г.!!) и с родной племянницей Короленки Т. А. Богданович⁷. Чуть ли она и рожденная-то Короленко! Поразительно, что мужа ее звали Ангел (sic!), Петрович или Иваныч уже не помню, был эс-деком и работал в «Мире Божьем» (не правда ли, подходящее название для эс-деков!), сама же она тяготела к «Русскому Богатству» народников. Конечно, благодаря дяде. Она рано овдовела и благодаря влиянию дяди (друга Раковского!)⁸ осталась в России. Звали Короленку Владимир Галактионович (никогда такого отчества не слышал). Может быть, впрочем, я и неправ. Он честно сеял «разумное, доброе, вечное», бесчеловечно за это пострадал и скончался при большевиках, когда они еще были большевиками, а не какой-то шушерой, как ныне. Впрочем, он лет на 20 старше меня⁹. Когда я стал «мыслящим тростником» (1905 год!), ему было уже не то 50, не то 60 лет. По поводу мыслящего тростника вспоминаю другой классический афоризм Паскаля: «L'homme n'est ni un ange, ni bête»*. Этот афоризм очень подходит к теме Ожешковой — Годл[евскаго] и «амуров»³ вообще. P. Stanisław называет это «свинством» (bête), а бронзовики¹⁰ делают «ангела». Правда? увы! посередине «между божественным и свинским» как писал Буренин¹¹, не подозревая, что это есть подлинно человеческий удел, и что сформулировал эту истину еще Pascal? раньше его, Буренина, лет на 250.

Надеюсь, что письмо это застанет Вас и pana Stanisława еще в Морске.

Любящий Вас

Д. Ф.

Жду с нетерпением письма p. Stanisława. Сердечный ему привет.

* моя вина, моя вина, моя вина (лат.)

⁶ около тисовых

³ мерзость запустения (лат.)

¹ любовным связям дружбы (франц.)

² со сплетнями

^с вздору

€ дяди Мейендорфа (франц.)

* Человек — он не ни ангел ни зверь (франц.)

† любовных связей (франц.)

Отrock, 26 июля [19]38 г.

Дорогой Panie Stanisławie!

I). Только что получил Ваше письмо. На почтовом штемпеле (станции Św. p/w.^а) стоит 25.VII. А Вы сами пометили свое письмо 22.VII. Таким образом, письмо шло 4 дня. Меня это смущает, потому что, пожалуй, мое настоящее письмо до Вас уже не дойдет. Пишу на «авось» без вдохновения, как бы до Jegozolimy przez Babylon^б. Адресую на имя pani Małji. Насколько я понял, она остается в Морске больше Вас.

II). Видите ли, милый мой panie Stanisławie. Вы требуете от меня того, что я не в силах исполнить.

В мое время, в петерб[ургском] У[ниверсите]те был профессор Энциклопедии Права некий Бершадский. Кажется, еврей откуда-то с Литвы. Безобидный человек, но бездарный и шалый. Читал он на первом курсе, м[о]локос[о]сам. Так вот как-то в увлечении он начал доказывать мальчишкам первого курса, что «афазия скептиков» и «аттараксия киников» недопустимы, или наоборот, похвальны, уж не помню. С тех пор афазия и аттараксия вошли в обиход в кругу моих ближайших товарищей. Вы от меня требуете такой афазии и аттараксии. Но я на это неспособен. Для этого надо быть не Францишком Годлевским (а тем более Потоцким), а Францишком подлинным¹, да и то!!!... Хочу «таракснуть», да и все тут. Что же касается неуклюжей Марыни, то я от нее многого не требую, о чем подробно писал вчера р. Марье. Я хочу лишь, чтоб она наконец сядилась в трамвай и ехала. Говоря же «вообще», думаю что в Польше работники очень нужны, но нужно, чтоб они были фаховцами^в, а не болтунами.

Понимаю все дружеские услуги литератора. Известно, что из-за поминания даже жид повесился. Но нельзя же ради воз-

вышения покойного (второго!) мужа милейшей Мыши, во-первых, умопомрачительно лгать, а во-вторых, высмеивать очень почтенную (хотя, может быть, и грешную) Ожешкову. И Вы, дорогой, меня не переубедили. Очень хочу сказать: да будет все так, как есть. Знаю, что это мудро, но не могу. До конца жизни буду несносен, буду требовать от молодых поляков, чтоб они не сидели в «убежище Монрепо»² и не соглашались со всеми: сегодня со мною, а завтра с oncle Meyendorff. Il faut choisir³.

Ну, вот. Обнимаю Вас, дорогой, и сердечно благодарю.

Ваш
Д. Filosofov
Rani Марье низенький поклон.

¹ Св. Н[е]р[азборчиво]

² в Иерусалим через Вавилон

³ (fachowcati) профессионалами

⁴ с дядей Мейендорфом. Надо выбирать. (франц.)

20 августа [19]38 г.

Дорогой мой Станислав Януариевич!

(Вот я какой стал «zuchwały»⁴! Но, в конце концов, чем я хуже «милейшего» и «симпатичнейшего» исправника или винницкаго предвод[ителя] дворянства, которые, наверное, Вас так величали «по батюшке»). Еще 28. VII из Морска получил я Ваше письмо с поразительной страницей об Ожешковой и собирался тогда же Вам написать. 8. VIII. получил милое письмо от rani Марьи. Опять собирался ответить. Но уж такова моя нынешняя жизнь. Как только хочу что-нибудь сделать, не связанное с так называемым «лечением» — как сейчас же «мордой об стол». Эту неделю, только что оправившись от припадка печени, опять пролежал три дня и буквально не выходил из своей душевной комнатухи. За каждую минуту человеческого препровождения времени приходится жестоко расплачи-

ваться. Но... *revenons à nos moutons*⁶. Мне хотелось побеседовать с Вами о Ваших письмах, а еще более узко, о характеристике, которую Вы дали Ожешковой. Видите ли, дорогой мой Станислав Януариевич, когда я получаю Ваше письмо, то я прежде всего радуюсь «художественно», вне содержания письма. Радуюсь стилю, культурному уровню, юмору, остроумию, гневу, поразительной (пусть субъективной!) визии⁸. Теперь пишем таких не пишут. «Фирсы»¹, умевшие сушить вишню, вымирают. Да и незачем писать. К чему такая роскошь, когда есть телефон и почтутка (особенно теперь любят иллюстрир[ованные] почтутки⁷, где места для писания «кот заплакал»!) Да, я сморкаюсь в бумажные (*bawełna*¹²) платки и покупаю башмаки у «Бати» из «пергамонда»⁵. Но неужели нельзя хотя бы помечтать о «батистовом» платке и настоящей кожанной «тэчке»⁹? Так и с письмами...

Но насколько подымается ценность Вашего письма, когда, кроме художественного наслаждения самой высокой марки, получаешь от них чувство морального удовлетворения и преисполняешься благодарностью «высшего порядка»?! Ваше последнее письмо утешило меня с самых разнообразных точек зрения: очаровало «эстетически», помогло пояснить милую Элизу², которую я принимаю «*en bloc*»* и которой прощаю не только ее грехи «влюбчивости» (пусть платонической!), но, (что гораздо еще важнее), грехи ее творчества. (Боже, что за ужас ее «Ad Astra»!¹³) Но вот написала же «Nad Niemnem»⁴ и за это стоит ей простить «Ad Astra». Вообще, совершенство на свете не существует. Все живое с червоточинкой. «Кто Богу не грешен, а царю не виноват?» Всем надо прощать, лишь было бы за что, лишь была бы «луковка» (см. «Братья Карамазовы»). У Ожешковой таких «луковок» было много. Ну как же ей не простить? Правда, на днях я где-то прочел, что она была (*hoggr...ibile dictu!!!*)¹³ масонкой! но я и это ей прощаю, особенно прочитав в «Газете Польской» от 20-го VIII фельетон «про-масонский» г-на S.M!

Но кроме художеств[енного] наслаждения, кроме чудесной характеристики Ожешковой, я Вам от всего сердца благодарен за Вашу беседу с Марыней. При Вашем больном сердце, при наличии всех пакостей, которые Вам приходится переживать, Вы нашли в себе силы и почувствовали своей обязанностью сделать Марыне серьезный выговор и пре-

достережение. Удовольствия в этом мало, а сил уходит много. Я это страшно ценю, и хотя моя благодарность тут не при чем, позвольте, все-таки, из-за «потребности души» еще и еще раз поблагодарить Вас. Несмотря ни на что, я очень люблю неудачливую и неуклюжую (как Вы сказали!) Марыню. Материал хороший и честный. Но... все-таки она «верба», и «грушки» на ней не вырастут! Она не хочет понять, что подлинная верба для нас, северян, святая прекрасна и связана с детством. А те «грушки», на которые она притягивает, — кислы и без «прививки» ни черта не стоят! Лишь бы она сумела использовать Вашу просвященную доброту, и Ваш бескорыстный гнев. К сожалению, я в этом сомневаюсь, и в этом мое большое горе. Кается она всегда искренне, со слезами! (Мама! никогда больше не буду в штанишки «сюсю» делать!). Но слишком скоро все забывает. Кстати, сообщите рапі Марье, что я написал Марыне доброе письмо (о при-скорбном инциденте — ни гу-гу!). Начал также длинное письмо для рапі Марьи. Но не окончил. Ну вот. Пока все. Всего не напишешь.

Всего Вам доброго. Искренне Вас уважающий
Д. Ф.

Р. S. Несносный характер имеет свою хорошую сторону. Меня здесь все «боятся», и когда на днях я появился в саду, обитатели Викторувки кинулись врассыпную и бежали от меня, как от чумы. А я-то боялся выходить в сад, чтобы не слышать: «Pan świetnie wygłąda!»^а и в свою очередь не спрашивать о здоровье.

^а несносный

^б Вернемся к своим делам (франц.) (Из «Кандида» Вольтера).

^в (wizji) зрению, точке зрения

^г почтовые карточки

^д хлопковые

^е т. е. «пергамента»

^ж (teczce) портфеле

^з в целом (франц.)

^и страшно сказать (лат.)

^к Вы прекрасно выглядите!

Письмо Станислава Стемповского Д. В. Философову¹.

25 августа [19]38 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович,

Письмо Ваше я получил как раз в тот день, когда печень моя подгуляла и пришлось слечь в кровать. Поэтому пишу Вам карандашом и на тему, свойственную людям, удрученным болью и пребывающим в горизонтальном положении.

Ваша «*zuchwáłość*» в обращении по батюшке² взбудоражило во мне забытый мир воспоминаний, от которых в одиночестве болезни не отделаюсь, не поделившись с Вами. Относятся они к русским людям довоенного времени и может быть Вас заинтересуют. Так вот, слушайте. Был действительно, как Вы угадали, милейший предводитель дворянства, отставной полковник лейб-гвардии, Алексей Николаевич Львов, который величал меня Станислав Гумбертовичем, вероятно в честь итальянского короля Гумберто. Львов был недалекого ума, но джентльмен. Любимая его поговорка была — «ничего не понимаю», которую он часто вставлял даже в свои официальные речи, и за эту свою простоту он был мне симпатичен. Погиб он как и жил — из-за пустяка: убит был в дороге не знавшими его большевиками за то только, что нашли в кармане его штатского пальто пару полковничьих эполет, спрятанных на память (ах, эти «*ramiãteczki*»⁶, это ведь сродни цветочкам нашей пани Элизы!). Был еще и сосед, похитрее Львова, барон Мейендорф, тоже гвардейский офицер на действ[ительной] службе, племянник лидера октябристов в Государственной Думе, женатый на очень милой гр[афине] Голенищевой-Кутузовой. Мейендорф приезжал иногда ко мне посоветоваться в делах сельского хозяйства, в которых ни аза не смыслил. А «фанаберии» были у него баронские. В имении своем Комаровцах воздвигнул он громадный дворец с куполом в стиле потемкинском — и это на голой, глинистой горе, дабы всему свету видно было. Проект составлял архитектор Академии Художеств и в проекте было, как это и полагалось по стилю, что дворец отражается в пруде или бассейне с бьющим фонтаном (как в

Łazienkach)². Но на горе не было воды, ни даже поблизости колодца, и надо было качать воду из далекого пруда дневно и ночью, так как она быстро уходила в землю и испарялась из неглубокого бассейна (это было в роде иллюстрации к задачку Малинина и Буренина³: в бассейне проведены три трубы, если открыть и т. д.). Помню умильную сцену с Мейендорфом летом 1918 г. Он успел удрать с семейством до разгрома имения. Когда пришли жестокие венгерцы и «гетман» Скоропадский⁴ из бывших русских урядников и полиции составил «Украинску Державну варту», то помещики, особенно русские (явился и Мейендорф), сидя по уездным городишкам, основали «союз хліборобов!» и совещались, как *mapa militari*⁵ выколотить из крестьян понесенные в погромах «протори и убытки». Я жил тогда в губернском городе и по какому то делу, захав в свой уездный Литин, зашел из любопытства посмотреть такое совещание. За длинным столом — это было в зале воинс[кого] присутствия, на котором когда-то красовалось зеркало (зеленое сукно пошло на френчи товарищам), сидели помещики и из публики выходили группы крестьян из разных сел, приближались к столу, кланялись в пояс своему господину и приглашали возвратиться в имение. Когда я вошел в зал, как раз крестьяне с Комаровец стояли перед Мейендорфом. В подтверждение искренности своего заявления крестьяне сказали: «дівчата вже цілий тиждень мастят палац» (девушки уже неделю как мажут глиной дворец). Это потемкинский-то дворец! Но Мейендорф был тронут.

Встает еще в моей памяти целая вереница земцев, помещиков, сановников и чиновников, которых отчества знал, а некоторых до сих пор помню. Всех постигла судьба того дела, которому служили — Мир их праху!

Но не только люди случайные или равнодушные величали меня русским обычаем. Были у меня и русские-друзья, к[о]т[о]рых вспоминаю как людей мне близких и дорогих, о к[ото]рых думаю словами Мицкевича — *Wy, czy mnie wspominać? Ja ilekroć marzę — o mych przyjaciół śmierciach, wygnaniach — I o was myślę. Wasze cudzoziemskie twarze — Mają obywatelskie prawo w mych marzeniach*⁵. Всех их я встретил на своей дороге в дни молодости, которая так жаждет дружбы. Это был цвет русской молодежи, выгнанной из всех универ-

ситетов за беспорядки и собравшейся в немецком еще и либеральном, потому что захолустном, Дерпте между 1887—1892 годами. Среди них были и пожилые каторжане, как Костинька Шамарин (43 летний!), известный своим неудавшимся побегом с Бардиной из Сибири через Китай (это из процесса 193)⁶. Все это были люди сильные, с характером, натуры одаренные, биографии живописные. Друзьями моими были: красавец Стратонов, мой шеф по типографии (народовольч.) и инструктор по конспирации (застрелился); Николай Феодор. Омиров, сын подольского вице-губернатора, вечный студент (ботаники), из тюрьмы и ссылки лишь временно (по протекции родных) выходявший на свет затем, чтобы озарить его своей неизмеримой добротой и всепрощением — о глупых и злых людях он говорил «странные»; называли его Христос — я был при его смерти от чахотки в больнице; Николай Александрович Приселков из Кавказа, умница и чудесный певец; Семен Кондр. Шарый, навещавший меня потом в Варшаве еще в 1904 г. народоволец рассказчик; Ив. Ив. Енохин, но что же их перечислять, когда о всяком надо бы исписать листы. Был и один, к[ото]рого я считал и считаю братом, товарищ еще по гимназии, Тит[ус] Александрович (фамилия двойная русская, не назову из осторожности, т. к. он живет еще по ту сторону), к[ото]рый дом моих родителей считал своим домом, проводил у нас не одно лето сам, а потом с женой-эсеркой. Но о нем расскажу когда-нибудь особо — это целая повесть⁷.

Устал писать и Вас, может быть, утомил, но времени не отнял, т.к у нас, больных, его достаточно. Так не бойтесь, дорогой Д. Вл., что, величая меня впредь русским обычаем, можете очутиться среди «милейших» и «симпатичнейших». Как видите, есть у меня для Вас иная категория русских — и жажда дружбы, как оказывается, не только молодости свойственна, но и «старости недужным годам» (выражение Жемчужникова⁸, кажется, Вашего родственника?).

Наконец у меня к Вам просьба. Теперь часто, особенно ночью, когда не спится, припоминаются мне обрывки читанных давно стихов — иногда вспоминается только ритм, а слов не хватает — заменяю их своими догадками, мучаюсь напрасной работой в роде восстановления рук Венеры Милосской. Вот и rogatujcie⁹, пожалуйста: кто написал (не Тютчев-ли) «Ты... не

буди, хаос под ними шевелится». Чего не буди? Под чем шевелится? Под ними или под нею?»

Весь Ваш
Ст. Ст.

Пани Мария третьего дня только вернулась со своей поездки в Гдыню и на взморье — вернулась после 8-дневн[ого] там пребывания, влюбленная в море. Вероятно, сама Вам скоро напишет, как только *urogasie*⁴ с накопившимися за ее отсутствием делами.

Читал ей Ваше письмо — она смеялась, что Вы меня раззадорили и я сам себя превосхожу в писании по-русски — лучше, чем по-польски.

* отчество-то у меня действительно экзотичное, но отца моего звали не Януарием, а Губертом — Hubert

² наглость

³ сувениры

⁴ военной силой (лат.)

⁵ спасите

⁶ управляется

61

Orłock, «Wiktorówka», 26 августа [19]38 г. Вечером¹.

Drogi Panie Stanisławie!

Вот я и влопался! Что называется, сел в калошу. Понадеялся на свою память, забыв, что ныне моя память ни черта не стоит, что могу Вас назвать Panem Mieczysławem, а письмо датировать «мартобрем», как гоголевский сумасшедший...²

Что касается «цитаты», то она из Тютчева:

«Ты бурь уснувших не буди,

Под ними хаос шевелится!»³

С Тютчевым я не расстаюсь, но сейчас его у меня нет под рукой, уложен в «скшиню»⁴, ввиду постоянных переездов из комнаты в комнату.

Процесс 193 помню лишь по рассказам мамы. К Бардиной⁴ она относилась с большим уважением, принимала уча-

стие в организации защиты (можно сказать, что все лучшие адвокаты стремились «защищать»), и в деревне у нас были и легальные и нелегальные отчеты о процессе. Но это все времена «очаковские и покорения Крыма»⁵. Процесс Веры Засулич уже по-своему «переживал». Мне, кажется, было лет шесть. Особенно меня занимало, что вот у этого генерала⁶, который устроил нам, детям, когда нас зимою неожиданно выслали в Петергоф (дома умерла сестра от дифтерита)⁷, «громадную» гору, чтобы скатываться на санках, — в животе пуля и он с ней ходит.

28 августа. Воскресение.

Вот и перерыв из-за разных «болестей, печалей и воздыханий». А в этот перерыв приезжает не умный, но, Боже, какой славный Бранд⁸, который проявляет недостижимую для меня моральную высоту. Приехал он после похорон одного нашего давнего (17 лет работал вместе, а фамилия его Dańrowski⁹, внук повстанца 1863 г., но, конечно, не такой «bohater»⁶ как Godlewski!¹⁰) сотрудника. Осталось после него 7 человек детей и никаких средств. Вчера с Брандом мы плакали, а вечером, неожиданно, погасло электричество. Сидел в темноте, при одной свечке. «Ни писать, ни читать, только... по полу скакать», как поется в одной детской песенке. Но я, увы, уже не скакун. Пришлось коротать вечер как «Меньшиков в Березове» (была такая картина на «передвижной» выставке)¹¹. Если придется жить в этой юдоли еще год — два, то доживу до того момента, когда между «uzdrowiskiem i letniskiem»⁸ под Варшавой и доисторическим поселением в Бискупине¹² не будет никакой разницы.

Письмо Ваше меня, признаться, огорчило. И до чего мне знакомо писание «карандашем», прекращение письма от усталости и вместе с тем потребность что-то сказать. Сколько «писем» я Вам написал ночью, когда лежал с рукою в железной сетке и «терпеливо ждал конца».

Представьте себе, кто у меня на днях был! «Jetez votre langue aux chiens!»^г (см. письма Mme de Sévigné) не отгадаете! Петро Певный¹³. Я его принял по недоразумению, ибо «служанца» сказала, что меня желает видеть р. Poseł Perl(!?)^а. Но не раскаялся!... Жив Гоголь! Жив Чичиков, который «несправедливо пострадал» и «немел перед законом».... Если когда-

нибудь Бог даст свидеться — расскажу. В общем, «Скучно на свете, господа!» (Гоголь), или «Скучно! Тушите огни!» (Толстой), или «Воды дошли до души моей» (Псалмы Давида).

Но pani Marja как-то мудро мне написала, что она одновременно чувствует себя счастливейшим и несчастнейшим человеком на свете. Все, что я написал сейчас «na szagpie»^e можно написать и «na biaŕe»^g. С одной стороны, «что пройдет, то будет мило». Поэтому завладевает жажда воспоминаний. А с другой стороны, «Ihr naht euch wieder schwankende Gestalten»¹⁴, и не так легко их конкретизировать, стабилизировать их колеблемость. Отсюда не только желание вспомнить то, что помнится, но и вспомнить то что забыл или что тебе неясно. Устал. «Кончаю, страшно перечесть»¹⁵.

Ваш
Д. Ф.

^a (skrzynia) сундук

^b герой

^c курортом и дачным местом

^d «Бросьте собакам Ваш язык!» (франц.)

^e Посол Перл

^f начерно

^g набело

62

Отrock, 29 августа [19]38 г.

Droga Pani Marjo!

Еще 12-го VIII начал длинное письмо к Вам. Но вскоре Pani Doktor сообщила мне, что Вы уезжаете на море и посылаете мне привет. И я писать прекратил. Подумал: время терпит! А потом оно осталось незаконченным. Перечел его на днях (оно от 12. VIII!) — и порадовался, что не отправил. Такое оно хаотичное, торопливое, столько неясностей и столько лишних слов. Недаром я полюбил скульптуру даже не из мрамора (слишком мягкий!), а из «базальта», «порфира» и «гранита». Недаром Моисей написал свои скрижали завета на камне. Теперь, когда благодаря «вечному перу» можно писать когда, где и как угодно, словом, когда налицо все удобства, дар писания писем положительно исчез. А ко-

гда каждое слово было высечено из камня — слова становились вечными. Словом, вместо нужных, скупых слов — я увидел в своем письме какую-то хаотическую «меледу». (Вот сколько наболтал на тему: «Болтать не следует!»).

Но один кусок в своем письме я считаю актуальным и нужным. А потому переписываю его здесь в сокращенном и исправленном виде. Не забывайте только, что это было написано 12. VIII.

Я уже давно собирался Вас спросить о том, начали ли вы Вашу работу, но не решался. По опыту знаю, как писатели этого не любят вообще, а в начале своей работы в особенности. Но Ваше, если можно так выразиться, «официальное» сообщение (в последнем письме) дает мне право высказать Вам мою радость. Если «визия» стала Вас преследовать, если Вы, хотя еще и не отчетливо, видите Ваших героев, то начало положено, и начало не случайное, а внутренне необходимое. «Ребенок» уже родился, или вот-вот родится. А родившись, потребует забот матери, которая своего ребенка не оставит и прекратит свою опеку только тогда, когда почувствует, что ее детище пошло своей дорогой (Drogi nieuniknione!)^a, и что мать не в силах эту дорогу изменить. А потому от нового своего романа Вы уже не уйдете. Я в это твердо верю!

Хотя я бываю иногда беспощадным, жестоким, грубым и вообще несносным, по существу я человек все-таки «деликатный», а потому приставать к Вам с вопросами о ходе работы не буду. Захотите — сами сообщите, что найдете нужным. Главное, что блудный сын вернулся в отчий дом. И это большая для меня радость!

Ну вот и все.

Прилагаемое письмо передается panu Stanisławowi. Нас может многое разделять. Но по-разному мы печемся «об одном». Общение с ним для меня великая отрада. Мне кажется, что я с полуслова его понимаю. И молчание его слышу. А физические его страдания — испытываю, точно свои, тем более, что и болести наши почти одинаковые.

Нежно Вас, дорогая, обнимаю,
Ваш Д. Ф.

^a неизбежные/неминуемые дороги

Otwock, 3, Dąbrowskiego, 15 сентября [19]38 г.¹

Дорогая Pani Marjo!

Ваше милое письмо от 6.IX своевременно получил, о чем Вы, вероятно, знаете от Марыни или от Жени. Теперь я в курсе дела (более или менее!) о советах Bernsteina², и хотел бы, как это ни нахально и ни глупо, дать Вам несколько «советов бабушки». В январе, если доживу, будет 3 года, что я слег, и у меня накопился некоторый опыт и относительно больных и относительно врачей. У Папа же Stanisława болезнь во многом похожая на мою. По счастью, у него легкие еще в порядке, и вообще общий «stan zdrowia»³ куда лучше. Тем не менее, его болезнь все-таки сродни моей. Первый мой тезис следующий: в нашем возрасте болезнь сердца неизлечима (надо же от чего-ниб. умереть). Можно лишь при разумном лечении и при разумном поведении больного задержать на неопределенно долгое время ее успехи.

Поэтому, излишние wysiłki⁶, изменения, ruchliwość⁵ — вредны. В Трускавец ехать не следовало, оттуда в Варшаву, потом в Морск, в Гдыню — все это, по-моему, ошибочно. Надо сидеть на месте и не рыпаться. Конечно

(письмо не окончено)

² состояние здоровья

⁶ усилия

⁵ передвижение

Otwock, 30 сентября [19]38 г.¹

Дорогой друг, Pani Mario!

Ваше письмо, по существу, очень печальное, доставило мне чувство утешения, и как это ни покажется странным, принесло большую радость. Думаю, и говорю это со всей ответственностью, что я Вас понимаю вполне. Хотелось бы сейчас же *zagażować*^a — но это довольно трудно, уже чисто

внешне, физически. А кроме того, мне трудно быть объективным. Слишком не люблю я чехов вообще, а Бенеша² и Осуского³ (есть и такой, причем до последнего времени был в Париже столь же влиятелен, как и Бенеш), в частности! Не забудьте, что я Россиянин, а поведение чехов во время Колчака — было гнусно, опускаю. Нынешний их премьер-генерал — один из главных воров. Боже, сколько золота и всякого добра они вывезли из Сибири! И до чего противно, что именно легионисты привезли в Триест, на своих судах (!!) кучу всякого добра, что у них в Праге свой Legio-Bank и т. д. (А какая поганая морда у этого одноглазого генерала!⁴). Во время существования Романовых чехи наводнили царские гимназии в качестве преподавателей древних языков. Жулики и подхалимы. А теперь большевизанствуют, будучи по натуре лавочниками, и нахальничают в старых австрийских дворцах-барокко. Ну, да не в том дело, черт с ними. И поверьте, никакого мира в «разборе Чехосл.» не будет. Политическая же дальновидность г-на Бенеша заключалась в том, что он о Германии не думал, а боялся Габсбургов. Ясно, что дурна. Но не надо забывать и французов, которые министрами иностранных дел всегда назначали таких болванов как Briand⁵, Herriot⁶ или Paul Boncour⁷, для того, чтобы такой «демон» как Филипп Бертелло мог делать, что хочет. Недавно скончался Mr. Eugène Petit, мой большой приятель, близкий человек у Милльерана⁸. Как он ненавидел этого Berthelot. А Осуский у него состоял «подручником». Я бы много мог рассказать об этой клоаке. Итак, дорогая, пожайте чехов, но не слишком. Не стоит.

А хотелось бы мне поговорить сегодня о двух вещах: о демократии и о «западничестве». (Pan Stanisław, дорогой, лучше меня расскажет Вам о русских «западниках» или «европейцах»).

Наша вина с p. Stanisławem (Вы, лично, принадлежите к более молодому поколению!), что мы смотрели на демократию (любили ее и мечтали о ней) сверху как «кающиеся дворяне», а не как «разночинцы». Разночинцы же о «демократии» и не думают, и никакие кооперативы (мелко-буржуазные) им не нужны. Разночинцы вообще не признают «октроированных» благ, они признают лишь метод добывания при физическом уничтожении врага. «Кооперативы» же

им не нужны, потому что на кой черт они при «торжестве» социализма? У нас страшно развивались перед войной кооперативы (не чета кооперативам, выросшим под опекой Гражальского). Сбыт масла за границу был грандиозный, а большевики все это уничтожили, справедливо почувствовав в них «приспособление» социалистов к буржуазному режиму, т. е. постепенность Бернштейна (не Вашего доктора, а другого! О докторе же Вы напрасно мне писали. В Отвоцке он царь и Бог! Знающий, опытный врач, но шарлатан, умеющий выколачивать деньги! Я бы мог много Вам о нем рассказать, так как он у нас в пансионе лечил одного папа Czarnowskiego⁶. Они с женой молились на Бернштейна.

(письмо не окончено)

^a отреагировать

⁶ пана Чарновского

65

22 августа [19]39 г.¹

Спасибо, дорогая Pani Marjo, за милое письмо из Цехотинка². Я у Вас в долгу, не ответил на Ваше и р. Stanisław[awa] письма из Jaworza. Но это к лучшему. Я тогда был очень возбужден внутренне, а внешне рука болела, да и сил никаких. Сейчас, несмотря на «Африку», мне легче в том смысле, что замолчали артриты, ревматизмы, кашли. Умираю три раза в день и шесть раз ночью от сердца, но потом, как встрепанный.

Вполне Вас понимаю, что в эти «грозные»³ во всех смыслах дни, Вы, что называется, «места себе не находите», и постарались переменить «otoczenie»^a. Но на основании опыта людей более мудрых, нежели я, скажу, что это ошибка. От себя не убежишь. Искать иного «otoczenia» есть признак великой слабости. Еще «Pascal» сказал: «tout le malheur des hommes vient d'une seule chose, qui est de ne savoir pas demeurer en repos, dans une chambre»⁶. Сейчас как раз время для «тишины» (перед бурей) а не «автокаров», и «вытечек»^a. Сейчас время «реколекций», «розрахунков сумения»^г, а не суеты и крикливых слов на тему: «Германия, не забывайся!»⁴ Я это

говоря не в осуждение, а по опыту. Раз упомянул о Паскале, то очень Вас прошу, передайте дорогому и любимому Panu Stan[isławowi], что я абсолютно не согласен с его «успокоительными» словами: Ils naquirent, ils vécurent, ils moururent^a (из France'a). Я человек, который по слову того же Паскаля — «ni ange, ni bête»^c. Да, животные это могут про себя сказать. По слову Ап[остола] Павла «вся тварь совокупно стенает». Но человек — ni ange, ni bête. Я был человеком, и останусь им. Словечки и остроумие этого паршивца Анатоля Франса — меня не касаются. Вот. И зачем р. Stan[isław] себя обманывает? Ведь он того же мнения? что и я. Ведь и он прежде всего человек, не только homo sapiens^e, но и «roseau pensant»^{*.} И я думаю, что нам незачем меняться. «Человек» по настоящему любит свою родину, гордится ею, любит ее «лик», скорбит, когда он искажен. «La bête»¹ сейчас в моде, но она очень ненадежна. Les anges² из «родины» выпадают.

Цехотинек во мне возбуждает отвращение. Я там никогда не был, но знаю его, ибо там уже десятки лет имеет пансион pani Sawicka, z domu Żelechowska³, мать генерала Савицк[ого], и вдовы Стахевича, сестра pani Добровольской, матери pani Doktor. Словом, je n'en sais rien, mais j'en suis sûr^k. Не сердитесь на меня. Думаю, что Вы в этих «вытечках» только потратили силы, а не приобрели. Еще больше расшатали свои нервы...

Одно время мне «Wiad[omości] Liter[ackie]» до такой степени опротивели, что я перестал их читать, так же как и «Prosto z Mostu»⁵. Ныне, благодаря Вам, (мне захотелось прочесть 1-й акт), я стал W[iadomości] L[iterackie] покупать, и просто диву даюсь, сколько в них за короткое время произошло перемен! Еще не успели читатели износить башмаков, как совершилось чудо: лев лег рядом с ягненком, и стал жевать... сено. Еще, можно сказать, у всех в ушах звенит окрик Волошовск[ого]⁶ по адресу Слон[имского]⁷: молчи, żydziaku! Sine qua — Wop!^m А ныне, исправл[ения] и дополн[ения] «Quo Vadis» печатаются в W.L., а Слоним[ский] настроен воинственно и кричит, что он будет воевать до «ostatniej kropli krwi»...польского солдата, а Wittlin⁸ фотографирует себя под готическими сводами монастыря. Ни Nałkowska⁹, ни Dąbrowska не достигли такого успеха во Франции, как

этот «патриот» и «rdzenny»⁹ поляк. И все это сделал Грюцхендлер¹⁰, который по гениальной интуиции решил, что время торговать «dewocjonaliami»ⁿ, а не «Лигой Наций», и «живым товаром». Все сгинет, но Grudz[ewski] останется! Он вечен!

Хочу также сказать «na marginesie»^p Вашей драмы, несколько слов по ее поводу¹¹. О художеств. стороне ее — молчу. Это моя гноящаяся рана. Здесь вижу я «зраду стана». Вы не только убегаете от себя в разные Цехотинки и Бискупины, но даже убегаете от своего громадного таланта, который я так люблю и высоко ценю! Остановились перед Рубиконом не то конвенансов, не то житейских соображений. Бог Вам судья. Мне остается только плакать! Буду говорить о стороне исторической.

Владислав не Ягелончик, а Стюарт¹²

Стюарты не услышали глагола времен и долгое время лезли назад на англ[ийский] трон, не заметив, что англ[ийская] душа уже католицизма не приемлет. То же самое произошло с сыном Зыгмунта III¹³, этого заядлого католика, принесшего Польше, на мой взгляд, много зла. Сын (с точки зрения государств.), не многим выше отца. Он, как человек серый, не услышал голоса истории ни на Западе (30-л[етняя]. война, конец феодализма, начало государства как такового), ни на Востоке (об этом ниже). Для него Польша была лишь «Lebensraum»^c, необходимый для возвр[ращения] в Швецию. Что он абсолютно не понимал происходящего, видно из его отношения к 30-летн[ей] войне, которую он не понял (Да, да!). И все свалил на шляхту. Она, мол, виновата! Но позвольте! Разве положение Ришелье¹⁴ было лучше? Он вступил в бой с фрондой¹ (1-ой). Немудрый, больной Люд[овик] XIII, ему поверил и помогал ему, а наряду с этим он вел 30-летнюю войну. Его здоровье не выдержало, он умер, так же как и король. Наступила II-я фронда. Люд[овик] XIV помнил ее ужасы с детства, умный жулик Мазарин¹⁵ должен был несколько раз удирать, однако фронда была сломлена, так же как Австрия. С Вестфальского мира¹⁶ 1648 начинается то международное право, которое окончилось в 1919, в Версале, а с 1577 (дата появления книги Бодина¹⁷ о государств[енном] управлении) началась идея государства как такового, т. е. идейное уничтожение феодализма.

Владислав со своей фрондой не справился, и всю вину свалил на шляхту. Не так действовал Пилсудский!

Конечно, эту тему надо развить, но для этого нужны сила и время. Если бы Вы так долго и так упорно меня не избегали, я бы мог Вам развить мою тему, но теперь уже поздно. Я чувствую, насколько я «не ко двору». Во всяком случае, от всей души благодарю Вас за все хорошее, что я от Вас видел, а главное, за «Ночи и Дни». Моя любовь, к сожалению, требовательная. Не люблю букетов, фимиамов, вообще танкеты. Но ведь каждый любит по-своему. И я горюю не оттого, что Вы меня избегаете, и посылаете письма-цукиерки, как старичку, впавшему в детство, а оттого, что Вы потеряли себя...

Казаки

Мне кажется, что Вы, дорогая, имеете несколько фантастическое понятие о казаках, конкретных и реальных украинских. Их можно сравнить с «*légion étrangère*»^у давешнего времени, т. е. до великой войны. Они все 1) беглые, 2) *non-conformistes*^ф, 3) энергичные, т. е. элемент анархичный, но очень способный. Ермак Тимофеевич — крестьянин «именитых купцов» Строгановых — завоевал всю Сибирь, и наводнил Россию «соболями и горностаями», т. е. пушниной. Богдан Хмельницкий был ему «сродни». Разница та, что воевавшие с ним поляки были другой веры, т. е. не свои. Благодаря этому, бунт Хмельницкого превратился из социального — в политический. Богдан торжественно перешел на сторону Алексея Михайловича; царь его принял с распростертыми объятиями и его не боялся, потому что ненависть (не столько к полякам, сколько к католикам), была общая. А вот лет через 10 произошел бунт другого Богдана Хмельницкого — Степана Тимофеевича (Разина). Бунт чисто социальный. И как царь его испугался!! Эпопея Стеньки страшно поучительна, и с худож[ественной] точки зрения обаятельна. Начал он с того, что в Архангельске¹⁸ сбросил с колокольни бояр-воевод. Потом «гулял» и грабил по Волге. (Все казаки были «ушкунниками»). Ладья была покрыта персидскими коврами и на ней возлежала «персидская принцесса». Но откуда низовье Волги? Астрахань, расположен-

ная неподалеку давней Золотой Орды? От Иоанна Грозного. Он окончательно освободился от татар, благодаря своему походу на Казань. От него идет Нижний, от него идет доступ к Каспийскому морю, доступ в Персию. Иоанн Грозный был совсем не такой, как его изображают (увы! до сих пор) поляки! Во-первых, он уничтожил у себя феодалов. Курбский бежал в Польшу, можновладцы его очень оценили. Что и говорить, умный и образованный был человек. Но прав-то был все-таки Иоанн Грозный! Поэтому и православные низы его оценили, и простили ему его жестокость, которая отражалась лишь на «можновладцах». Во-вторых, освободил Россию от татар, а вы с ними возились ой как долго! В-третьих, благодаря Ермаку приобрел Сибирь, а потом, разбив татар — доступ к Касп[ийскому] морю и Ближнему Востоку.

Особенно много «казаков» расплодилось после отмены «Юрьева дня». А поляки как раз стремились их «прикрепить к земле». Понятно, что они не давались. Если они не хотели быть крепостными у своего, православного царя, зачем они пойдут в крепостные к католикам или татарам? Пограбить же можно тех и других. С нашим удовольствием!

Религия играет до сих [пор] большую роль! А Вы этот фактор игнорируете. Ведь вот гданьские патриции, которые до войны жили на своих богатых и безвкусных виллах под Гданьском. Они прежде всего лютеране. Гитлер на то и Гитлер, чтобы гнуть и католиков, и жидов, и лютеран. Ну, а в Польше как? Вот гданьский номер W[iadomości] L[iterskich] вышел. И даже не разберешь, какой веры рыбаки кашубы и жители Гданьска. И гданьским патрициям предоставляется выбор — или идти к Гитлеру и тебя ограбят, или идти к полякам, и ты превращаешься в подозрительного еретика.

Смутное время

С прекращением норманской династии Рюриковичей началось на Руси т. н. Смутное Время. Типичное «бескруловие»^х в Польше. Почему ты король, а не я, Шуйский. Кончилось это избранием новой династии (не короля!). Причем социально ее основы изменились. Мелкое дворянство (помещики) и мешанство восторжествовало.

Кончаю. Приехала Марыня, запечатываю письмо, чтобы не посылать по почте.

Искренно Ваш любящий
Д. Ф.

- а. обстоятельство
- б. вся беда человечества заключается в том, что оно не умеет жить спокойно в одной комнате (франц.).
- в. (wycieczek) прогулок за городом
- г. говение и очищение совести
- д. Они родились, они жили, они умерли (Из А. Франса) (франц.).
- е. «ни ангел, ни зверь» (франц.)
- ё. человек разумный (лат.)
- ж. мыслящий тростник (франц.)
- з. зверь (франц.)
- и. ангелы (франц.)
- й. пани Савицка, рожд. Зелеховска...
- к. ничего не знаю, но я уверен в этом (франц.).
- л. (wycieczek) прогулок
- м. Еврейчик! Единственно условие — вон отсюда! (польск., лат.).
- н. «до последней капли крови»
- о. подлинный, коренной
- п. благочестивыми словами и обрядами
- р. на полях страны
- с. «жизненное пространство» (нем.)
- т. политическая коалиция (франц.)
- у. иностранный легион (франц.)
- ф. диссиденты (франц.)
- х. (bezkrólewie) междуцарствие

66

Письмо Станислава Стемповского Д. В. Философону
(фрагмент)¹

28 июля [19]38 г.

«...а теперь, прочитавши статью под претенциозным заглавием, даже я, страдающий «афазией скептиков», возопил внутренно. Действительно чепуха. И поразил меня бесцеремонный стиль. Как скоро М[арыня] приспособилась к нашей завравшейся эпохе! И что такое «człowiek postyczniowy»^{a?2} Эка невидаль, ведь родившихся после январского восстания сейчас хоть отбавляй — чем же они интересны? А чтобы «buć obeznanym z bronią»^{б)3}, разве непременно надо было идти в

кадетский корпус! (Ни один из позднейших легионистов^а там не был) и т. д. — что ни фраза, то чушь. Смехотворны страдания и подвиги этих «борцов» — отец эмигрантский эмиссар «osiadł na roli i oddał syna»^г в кадеты. Сын в пермском полку «łagodził ciosy surowego prawa»^д, а в 1905 г. боялся галицийской резни^е, ораторствовал на похоронах униатов, стоял за Вжозовского против Сенкевича^з, ему одинаково мешали (bruzdzili)^с социалисты как и жандармы — и за все это он попал на целых три месяца на офицерскую гауптвахту, т. е. там, где теперь «Komenda miasta»^е против Европейской гостиницы. Оттуда он никоим образом не мог видеть «z okien swego pokoju słynny X-ty pawilon i miejsce, gdzie były wykonywane wyroki śmierci»^ж — ведь остался же он жив и здоров. Зачем же нас пугать этими «widokami»^з. Не хорошо, Maryniu!." Это ее curriculum vitae^а обоих героев напоминает мне злой пасквиль Гейне о двух поляках, которые боролись gegen moskowiter Tyrannei^к —

Fochten tapfer und entkammen

Endlich glücklich nach Paris

Leben bleiben, wie das Sterben

Für das Vaterland ist suß^б. — Не хорошо.

И противная же физиономия у этого Францишка как в 1890 так и в 1930 году. Хорош Adonis!^в

Но Бог с ним. Вернусь к Марыне. Поразила меня коварная (как у старой девы) подозрительность и бесцеремонность к Ожешковой. Ожешкова имела одну болезненную черту, которая в ней болезненно развилась благодаря холодному, а то и прямо враждебному отношению к ней и ее писаниям т. наз. польского общества rdzennego^м (для Галиции и Познани она не существовала), симпатии Варшавы с Królestwem Polskim^н не могла себе снискать: не была католическая, интересовалась такими zagadnieniami как patriotyzm, kosmopolityzm, emancypacja kobiet, socjalizm i nihilizm^о, кариеризм поляков в России, якшалась с żydami i moskalami^п, была ugodowa^р и «непатриотична» (здесь надо, может быть, искать источники ее письма к Conrad-у)^с. Она болезненно чувствовала свою отчужденность от польской opinii^с (имею на это и личные доказательства). Поэтому каждое обращение к ней кого-либо из поляков rdzennysh^г она преувеличенно ценила и так как была дама благовоспитанная, и к тому же писательница

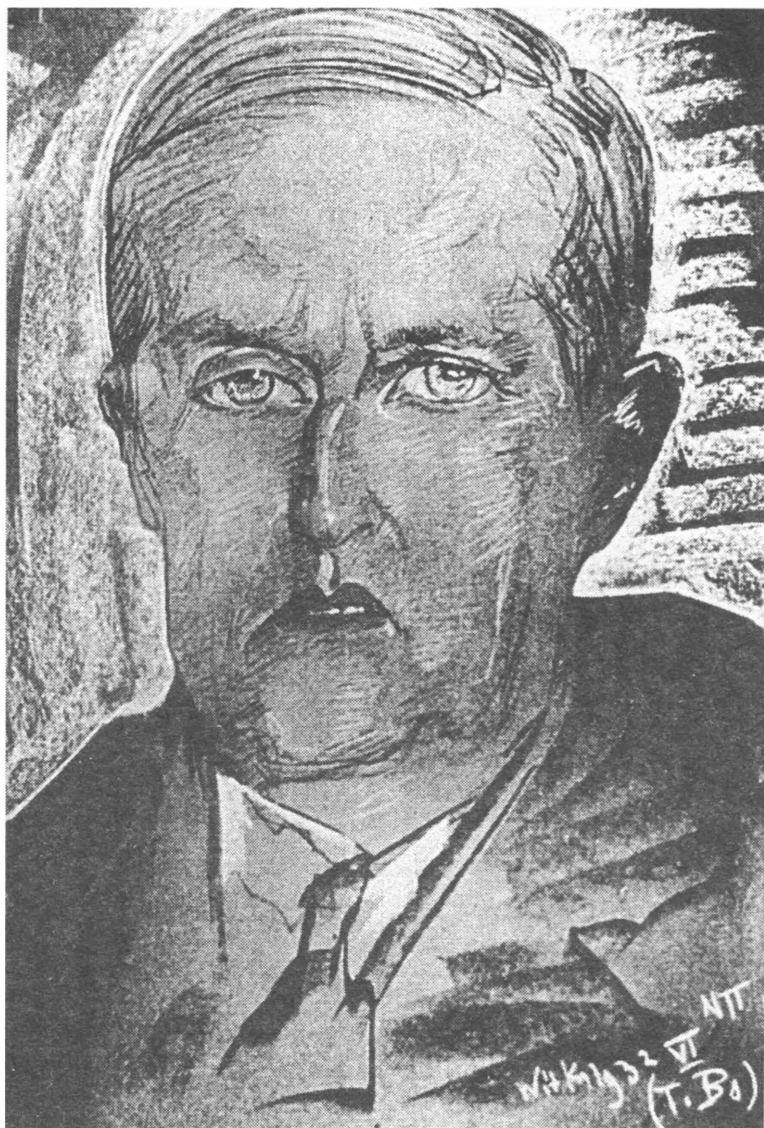
словообильная, то отвечала всегда языком гиперболическим и неосторожно сердечным. Надо вчитаться в ее письма ко всем, чтобы эту черту подметить. Но это не дает права считать каждого корреспондента за любовника. Бестактно сопоставлять такую хронологию, как: в 1896 умер второй супруг Нахорский⁹ и в том же году явился молодой поручик пермского полка! А цветы и кольца — ведь такое было время и такой стиль Ожешковой, в письмах посылались цветы. (Из этих цветов выросла чудесная Ася Тургенева). Да Вы уж и нашли формулу для этой части статьи Марыни — высмеивать очень почтенную Ожешкову.

Кстати 1) Нове Ожешковой «Oficer»^y вошла в сборник «Gloria victis»^ф¹¹ и посвящена Траугутту, без этого объяснения сегодняшний читатель не захочет знать Ожешковой, может подумать, что офицер — это pan Franciszek!^x 2) «Аргонавты»¹² изображают поляков, делающих карьеру в России, не служат ли моделью для таких карьеристов — а тут вдруг намеки в стиле старой девицы и niepocieszzonej wdowy!^ц

- а. послеянварского человека
- б. научился бы обращаться с оружием
- в. легионеров
- г. осел в деревне и отдал сына...
- д. смягчал удары жестокого закона
- е. мешали
- ё. главный штаб жандармерии
- ж. из своего окна известный X-ый павильон и место где совершались смертные казни
- з. видами
- и. Марынью
- й. краткая биография (лат.)
- к. против московской тирании (нем.)
- л. Адонис (лат.)
- м. туземное, коренное [общество]
- н. Польским Королевством [основанным на конгрессе Вены в 1815 г.]
- о. загадками как патриотизм, космополитизм, эмансипация женщин, социализм, нигилизм
- п. евреями и москалями
- р. примирительная
- с. общественного мнения, настроения общественности
- т. коренных туземных поляков
- у. офицер
- ф. Слава Победившим (лат.)
- х. Францишек
- ц. безутешной вдовы

Д. Философов. Фото. 1890-е гг.

С. Виткевич (псевдоним Виткаци). Портрет Д. В. Filosofoвa.
Июнь 1932 г. Публикуется впервые.

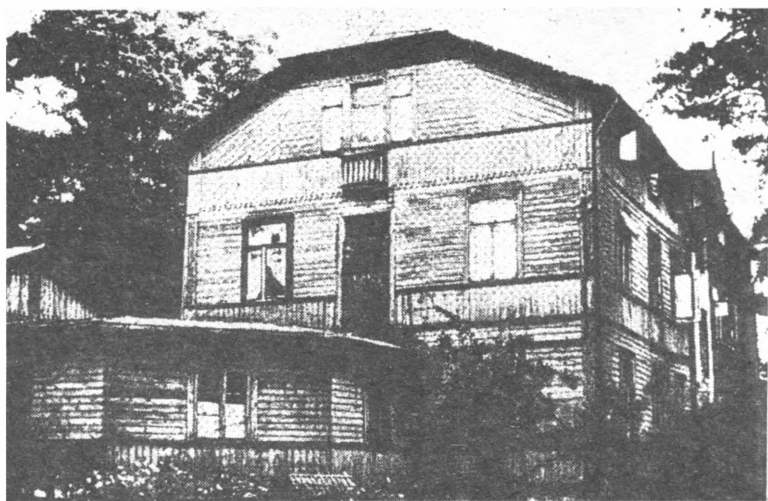
Слева направо: 1-й ряд — неизв., М. Домбровска , С. Стемповский, неизв.
2-й ряд: Д. В. Философов, неизв., К. Шмяровска, Е. Чоп, Е. Шмяровский, неизв.

Собрание Литературного Содружества в Варшаве. Июнь 1933 г. Слева направо: 1-й ряд — неизв., А. М. Хирьяков, Л. Гомолицкий, Е. Гомолицка, С. Стемповский, Е. Шевченко, К. Вежинский, М. Чапска, М. Ковнацка, неизв., М. Домбровска (стоит). 2-й ряд — Г. Соколов, Е. Стемповский, Е. Вебер-Хирьякова, М. Хороманьский, Е. Гессен, А. Кондратьев, А. Бем, С. Киндякова, Д. Философов, В. Бранд, Р. Блют, В. Слободник.

Д. Философов среди польских писателей встречает К. Бальмонта в Варшаве. Апрель 1927 г. Слева направо: 1-й ряд — А. Слонимский, М^{ме} Бальмонт, К. Бальмонт, Г. Гэтел; 2-й ряд — Т. Бой-Желенский, В. Банк, Ю. Тувим, А. Собанский, К. Вежинский; 3-й ряд — Я. Ивашкевич, Д. В. Философов.

Отвоцк. Пансионат д-ра Домбровского.

Д. Философов на собрании Русского Общественного комитета в Варшаве. 1927 г. Рядом с ним: Е. Шевченко, Е. Вебер-Хирьякова.

Д. В. Философов. Конец 1930-х гг.

Д. В. Filosofov. Конец 1930-х гг.

Храм св. Иоанна Климана (Варшава),
где происходило отпевание Д. В. Философова

Могила Д. В. Философова

Примечания

1

1. Доктор Собеслав Понцет де Сандон (Sobiesław Poncet de Sandom; 1866—1937). Врач и общественный деятель. Закончил медицинский институт в Дерпте. Работал в Киеве. После эмиграции открыл практику в Варшаве, где он проживал по соседству со Станиславом Стемповским. Был частым гостем в доме у Домбровской и на квартире Философова.

2. Ежи Стемповский (Jerzy Stempowski; 1894—1969), псевдоним — Павел Хостовец (Paweł Hostowiec) — сын Станислава Стемповского, писатель и литературный критик. Изучал гуманитарные науки в Ягеллонском Университете Кракова, а также в Мюнхене и Цюрихе. Одаренный блестящим воображением и уникальным литературным стилем Ежи Стемповский — мастер польского литературного эссе в период между двумя войнами. Близкий друг Тадеуша Бой-Желенского (Tadeusz Boy-Żeleński) и Болеслава Мицинского (Bolesław Miciński). Философов отзывался о Е. Стемповском с необычайной теплотой. Ежи Стемповский до конца своей жизни сохранил подарок Дмитририя Владимировича (кольцо с выгравированным на нем посвящением) как символ их близких взаимоотношений. В Польше Е. Стемповский находился в тесной связи с отцом и его масонским окружением. В 1940 эмигрировал в Швейцарию, где продолжил литературную деятельность, работая с Юзефом Чапским в Парижском Литературном Институте. Начиная с 1954 публикует цикл эссе в ежемесячнике «Культура» под названием «Notatnik nieśpiesznego przechodnia» («Записки неспешного проходящего»). Сборник воспоминаний «Dzieci Warszawy w początkach XX stulecia» («Дети Варшавы в начале XX столетия»), а также «Wronia i Sienna» («Улицы Вроня и Сиенна») имеют непосредственное отношение к годам, проведенным вместе с Д. В. Философовым.

3. Андрей Семенович Лебезятников — персонаж из «Преступления и наказания» (ч. 5, гл. 1) Ф. М. Достоевского, молодой человек с прогрессивными идеями.

4. Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1825).

5. Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) был знаком с родителями Философова и время от времени посещал их имение. Философов часто цитировал стихи Фета, причисляя его к кругу наиболее одаренных русских поэтов XIX столетия. В дневниках и письмах Философов обычно упоминает его, пользуясь двойной фамилией: Фет-Шеншин.

6. Письмо, на которое ссылается Философов, не вошло в состав Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

7. Эдуард Эррио (Eduard Herriot; 1872—1957) — французский писатель и политический деятель, лидер партии радикальных социалистов, президент Палаты Депутатов (1936—1940), президент Национального Собрания (1947—1954). Философов подверг Э. Эррио резкой критике, после того как в октябре 1924 его кабинет официально признал статус СССР.

2

1. Написано на бланке газеты «За Свободу» (Warsawa, ul. Długa 50, Pasaż Simonsa).

2. В ноябре 1927 Философов начал работу над статьей, в которой он попытался проанализировать значение парижского судебного процесса над Ш. Шварцбардом. В ней он противопоставил русское и английское восприятие империализма, критически оценил настроения ложного ощущения непричастности и самодовольства, царившие в среде русской эмиграции, а также взаимопроверочащие позиции различных политических собраний и партий в отношении процесса над Шварцбардом. Статья была опубликована в газете «За Свободу» 13 ноября 1927 под названием «При особом мнении».

3. Процесс над Шаломом Шварцбардом, арестованным по обвинению в убийстве С. В. Петлюры 26 мая 1926, немедленно приобрел статус сенсации в Европе и особенно в Польше. Воспоминания о сотрудничестве и последующем подписании договоренности о сотрудничестве между Петлюрой и правительством Пилсудского были еще свежи в сознании польских и украинских националистов; более того, поскольку Петлюра находился в Польше вплоть до 1923, процесс Шварцбарда и обвинения в адрес Петлюры возобновили доселе затихшие противоречия. Шалом Шварцбард застрелил свою жертву на Парижской улице в отместку за еврейские погромы, которые Петлюра санкционировал на территории Украины. Предположение о том, что Шварцбард действовал от имени и по поручению советских спецслужб, вызвало противоречивую реакцию, решение которой, по мнению Философова, имело далеко идущие последствия для политического облика молодого советского режима в Европе. М. Горький должен был выступить в качестве свидетеля.

ля, но позже заменил свое присутствие на процессе письмом от 30 октября 1927, в котором он привел свои показания. Процесс начался 18 октября 1927, и проходил на протяжении 10 дней во Дворце Правосудия (Palais de Justice) в Париже. По окончании процесса Шварцбард, интересы которого отстаивал знаменитый французский адвокат Анри Торресом (Henri Torres), был оправдан. Вопрос о причастности советской разведки к действиям Шварцбарда по сей день остается неразрешенным. Известно, однако, что Шварцбарду был предложен выбор политического убежища в Палестине, а также на территории Крыма.

4. Даниил Самойлович Пасманик (1869—1930) — врач, журналист, политический деятель. Его радикальное мировоззрение отразилось в его широких политических интересах и разнообразных приверженностях: участник еврейского национального движения, правый кадет и сторонник генерала Деникина. Близкий сотрудник Filosofova, Д.С.Пасманик неоднократно поставлял материал для его газеты «За Свободу». В течение определенного периода Д.С.Пасманик выступал в качестве главного редактора периодического печатного органа «Общее Дело». Среди его наиболее известных публикаций — книга «Революционные годы в Крыму» (Париж, 1926), а также мемуары, напечатанные в эмигрантском журнале «На чужой стороне» (1923—1925). Статья Пасманика «Оправдание Шварцбарда», на которую здесь ссылается Filosofov, появилась в «За Свободу» 9 ноября 1927.

5. Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956) — историк, публицист, редактор журнала «Голос минувшего» (1913—1923). Эмигрировав в 1923, он работал в тесной связи с парижским журналом «Борьба за Россию», оставаясь в то же время активным участником различных эмигрантских изданий; время от времени предоставлял свои статьи в газету Filosofova. Статья Мельгунова «Публицистическая неправда» напечатана в «За Свободу» 9 ноября 1927.

6. Имеется в виду Ежи Стемповский, который часто редактировал и переводил статьи для Filosofova. Предположительно эссе, о котором здесь идет речь («О деле Шварцбарда»), было написано Ежи Стемповским и позже напечатано в «За Свободу» 11 ноября 1927.

7. Filosofov упоминает своих близких друзей — Чапских. Мария Чапска (Małja Czapska; 1894—1981) — писательница, переводчица, критик и литературовед. После войны жила в эмиграции в Париже. Она особенно интересовалась эпохой романтизма. В 1931 Мария Чапска издала книгу «La vie de Mickiewicz» («Жизнь Мицкевича»), а в 1938 «Ludwika Śniadecka» (Лудвика Снядецка) и «Szkice Mickiewiczowskie» («Эскизы о Мицкевиче»).

Юзеф Чапский (1896—1993; Józef Hutten-Czapski) — художник, критик и публицист. Провел свое детство в семейной усадьбе в Белоруссии и, позже, в Санкт-Петербурге, где получил образование в

элитном Пажеском Корпусе (Corps de Pages). Чапский познакомился с Мережковскими и Философовым в Петербурге еще до революции. Философов часто встречался с Чапскими в Варшаве и Кракове; судя по заметкам Философова, Чапские оказали большое влияние на его решение остаться в Польше а также на его постепенное обращение интересов и мировоззрения в про-польском направлении. Во время войны Чапский был офицером в польской армии генерала Сикорского. В послевоенные годы эмигрировал в Париж, где работал главным редактором журнала «Kultura». Его эссе были изданы в двух антологиях — «Czytając» («Читая», 1990) и «Patrzac» («Смотря», 1983), а также *Tumult i widma* (1981) в котором помещена статья, посвященная Д. В. Философову — «Les montaignes russes» («Русские горы»).

3

1. Написано на бланке газеты «За Свободу» (Warszawa, ul. Długa 50, Pasaż Simonsa).

2. Явоже (Jaworze) — деревня, курорт недалеко от городка Бельско-Бьялой в Бескидах на юго-западе Польши. Здоровый климат Явоже а также медицинское обслуживание в санатории под наблюдением докторов, отца и сына, Зигмунда и Ежи Чопа сделали Явоже одним из излюбленных уголков в окружении Философова; там с 1927 и вплоть до конца 30-х годов Мария Домбровска и Станислав и Ежи Стемповские время от времени укрывались от суматохи непредсказуемой Варшавы.

4

1. 5 июля 1928 статья Философова «Рыцари светлого и печального образа» была напечатана в «За Свободу». В ней Философов обозревает историческое развитие ордена Мальтийского Креста, а также говорит о постепенном искажении его значения в интерпретации современных аристократических католических организаций (которые в конечном итоге превратили Орден в общество взаимообогащения, исказив, таким образом, истинный дух самоотвержения и жертвоприношения, который отличал Мальтийский Орден с момента его основания). Цитата — из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829). Интересно отметить, что одним из псевдонимов Философова был А. М. Д.

2. Мария Домбровска написала серию заметок («Статьи о Явоже»), посвященных этому городку и окружающей его местности, для нескольких польских газет и журналов. Философов ссылается здесь на одну из первых статей, напечатанную в журнале «Tygodnik

Pustrowany» (1927. № 45) — чрезвычайно популярном и престижном варшавском издании, выходявшем с 1859 по 1939.

3. София Викторовна, сестра Бориса Савинкова. Вышла замуж за одного из польских дворян — Turczypowicz-Suszycki, жила в Варшаве и работала в тесной связи с Filosofovym.

4. В своих письмах и дневниках Filosofov любил использовать оригинальные прозвища. Так, своего любимого доктора Ежи Чопа Filosofov упоминает не иначе как доктор *Apiół* или *Apiótek* (Ангел, Ангелок).

5. Filosofov имеет в виду маршала Юзефа Пилсудского (1867—1935), которого называли популярным прозвищем главы польского государства *Dziadek* — дедушка. Как главнокомандующий Польскими Вооруженными силами Пилсудский являлся главой польского правительства с 1918 года по 1922, впоследствии продолжая активно участвовать в политических событиях того времени. В мае 1926 части, верные Пилсудскому, вошли в Варшаву и вынудили коалиционное правительство уйти в отставку. Пилсудский отказался принять пост президента Польши, предпочтя вместо этого портфель министра обороны и премьер-министра, занимал эту должность вплоть до своей смерти. На момент написания этого письма Пилсудский выступал в роли озабоченного Дядька, обозревая деятельность политических партий и социальных органов страны. Filosofov продолжал поддерживать тесные взаимоотношения с Пилсудским вплоть до его кончины.

6. Симон Аскеназы (*Symon Askenazy*; 1866—1935) — историк, дипломат. Профессор университета в Львове, служил в рядах Польской Армии. С 1920 по 1923 был первым польским полномоченным министром при Лиге Наций. В 1924 Аскеназы вернулся в Варшаву, где посвятил себя историческим исследованиям межнациональных взаимоотношений, русско-польских исторических связей и истории масонства. Аскеназы поддерживал тесные связи с французскими масонами; его труд о Лукасинском, известном польском масоне — способствовал воскрешению движения масонства в Польше. Через свои знакомства среди масонов был приближен к Пилсудскому и Стемповскому. Filosofov считал Ш.Аскеназы своим близким другом, высоко ценил его книгу «*Rosja-Polska 1815—1830*» (Lwów, 1907) а также разделял его интересы в Ордене Русских Рыцарей и Русском масонстве.

7. Бельведер — резиденция главы польского правительства. Расположена в Варшаве на Аллеях Уяздовских.

8. Стефан Жеромский (*Stefan Żeromski*; 1864—1925) — крупнейший польский прозаик. Filosofov познакомился с Жеромским вскоре после своего приезда в Варшаву. Filosofova особенно интересовала книга Жеромского «*Na probostwie w Wyszkwowie*» (1920), в которой тот осудил большевиков как врагов русского народа и общечеловеческой этики.

9. Катовице (Katowice) — промышленный город в Силезии.

10. Станислав Познер (Stanisław Posner; 1868—1930) — публицист, мелкопоместный дворянин, масон, член Польской социалистической партии. Влиятельный сенатор, вице-маршал польского Сейма. Познер был близким другом Ст. Стемповского.

11. Статья Философова «Старая Курица» была напечатана в газете «За Свободу» 27 июня 1928. Статья была посвящена XXVI Конгрессу Мира, проходившему в Варшаве с 23 по 26 июня 1928, на котором были выражены поддержка и одобрение политики молодого советского государства. Философов саркастически высмеивает сенатора Познера, исполнившего роль генерального секретаря конгресса и символически отозвавшегося о Конгрессе как о голубе Нового Мира. Философов предупреждает, что то, что Познер называет «голубем», на самом деле есть ни что иное как «старая курица».

12. Дудек — Пан Дудек и его жена были смотрителями за лечебными ваннами в санатории Явоже.

13. Иван Огиенко (1882 — 1972) — православный митрополит, историк, педагог. Был членом Украинской партии социал-федералистов. В совете министров Украинской национальной республики служил министром образования а затем министром по религиозным делам. В 1920 обосновался в диаспоре гетмана Петлюры в Тарнове, а позже переехал в Варшаву, где преподавал церковно-славянский язык и палеографию на кафедре православной теологии при Варшавском университете. Крайне украинская националистическая позиция Огиенко была хорошо известна Философову, который не мог удержаться от саркастического тона, описывая честолюбие, претенциозность и гордыню Огиенко. В октябре 1940 Огиенко был помазан и возведен в сан епископа Холмского и Волынского. После войны через Австрию и Швейцарию Огиенко перебрался в Канаду, где вскоре был избран митрополитом Украинской Православной Церкви Канады.

14. Доктор А. Речинский — активный деятель в украинских национальных кругах. Профессор Варшавской православной академии. В интервью от 5 июля 1928, данном после того, как его кандидатура была предложена в состав Совещательного Совета Митрополии, Речинский высказался за расширение связей с украинскими организациями, в то время как митрополит Дионисий налаживал взаимоотношения с Архиерейским Синодом Русской Зарубежной Церкви. С точки зрения Философова, подобные заявления не увязывались с прежними пожеланиями Огиенко за укрепление влияния митрополита Дионисия.

15. Митрополит Дионисий (в миру Константин Николаевич Валединский; 1876—1960) — был близким другом, советником и духовным наставником Философова. В 1896 окончил Уфимскую Духовную семинарию В 1900 году иеромонах Дионисий посвятил себя

развитию миссионерского дела среди иноверческого населения России. В 1902 занял должность инспектора Холмской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1913 стал епископом Кременецким. После революции прибыл в Варшаву, а после кончины митрополита Георгия в 1923 принял на себя права и обязанности митрополита православной церкви Польши.

6

1. Przeróbaczka (Перепелочка) — прозвище Марии Домбровской, которое Filosofov позаимствовал из книги С. Жеромского «Перепелочка» («Uciekła mi przeróbaczka», 1928).

2. Suzia, Suzio (Сузя, Суся) — горничная в санатории в Явоже.

3. Фраза из речи Достоевского о Пушкине: «...подсказывается русское решение вопроса, „проклятого вопроса“, о народной вере и правде: „Смирись, гордый человек и прежде всего сломи свою гордость...“» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 139).

4. Фелиция Моравска, двоюродная сестра Станислава Стемповского из Кракова.

5. Евгений Шмяровский (Śmiarowski; 1878—1932) и его жена часто бывали в курорте в Явоже, где Filosofov познакомился с ними. Е. Шмяровский — адвокат, политик; с 1919 по 1920 — польский вице-министр юстиции.

6. Лоренц — друг Стемповского, Домбровской и Filosofova, проживал поблизости от Явоже.

7

1. Заречье (Zarzecze) — маленький городок близ польского Владимира. Станислав Стемповский восстанавливал там свое расшатанное серьезным сердечным недугом здоровье.

2. Марыся (Marysia) — горничная в санатории в Явоже.

3. Крулевска Гута (Królewska Huta, раньше Chorzów) — городок на юге Польши, в верхней Силезии.

4. Имеется в виду ежедневная русская газета «За Свободу», которую Filosofov редактировал с ноября 1921 по апрель 1932.

5. Город Луцк до 1939 находился на территории Польши.

6. Граф Владимир Александрович Соллогуб (1813—1882) — русский прозаик, поэт, драматург.

7. Thomasz — либо Ян Томаш Гожеховский (генерал, муж Зофьи Налковской в 1922—1929 гг., частый посетитель санатория), либо Томаш Витковский (Witkowski), родом из села Бренное, санитар при санатории, (упоминается ниже в п. 11).

1. «Пан Тадеуш» («Pan Tadeusz», 1834) — эпическая поэма Адама Мицкевича.

2. Польский титул адвоката. Имеется в виду Е. Шмяровский. (См. п. 6, примеч. 5)

3. Пат и Паташон (Pat i Pataszon) — известные варшавские комедианты того периода. Пат — толстый и приземистый, а Паташон худощавый и высокий.

4. Философов получил книгу С. Жеромского «Дума о Гетмане» («Duma o Hetmanie», 1908) от М. Домбровской по почте 11 августа.

5. Роман известной польской писательницы Элизы Ожешко (1841—1910) «Меир Езофович» (1878). В своем дневнике за август 1928 г. Философов отметил знакомство с этим произведением. Главный герой романа — активный сторонник преобразований, выступает против закостенелости традиционной еврейской общины своего города.

6. Krzywda (Кживда) — название имения Шульца-Холницкого (зять Марыси Ковнацкой, детской писательницы и знакомой Философова). Krzywda значит по-польски «обида»; а название имения Чапских Mordy означает «морды». В своем дневнике Мария Домбровска пишет, что приехала в Krzywda 10 августа 1928. (M. Dąbrowska. Dzienniki. St. Czytelnik. Warszawa, 1988. T. I. S. 261).

1. Согласно дневнику, Философов имеет в виду статью, появившуюся в «Kurjer Poranny» 14 августа 1928, в которой рассматривался судебный процесс над Георгием (Ежи) Войцеховским, который вместе с другими был обвинен в попытке покушения на жизнь А. Лизарева, секретаря по делам торговли при посольстве СССР в Варшаве в марте 1927 года. Двадцатитрехлетний Войцеховский иммигрировал в Варшаву из Киева, стал студентом Варшавского университета и членом Союза Русских Студентов. Вместе с Георгием Войцеховским были арестованы его брат Сергей, М. И. Маршеев и еще тринадцать известных членов русских организаций в Варшаве. Прокурор постановил выслать подсудимых из Польши ввиду их монархических настроений и террористической деятельности.

2. Виктор Вениаминович Португалов (1873—1930) — врач, публицист, соратник Савинкова и Философова. Член Русского Политического Комитета во время первых лет польской иммиграции. В Варшаве В.В.Португалов — член редколлегии «За Свободу», до конца своей жизни оставался другом и коллегой Философова.

3. Павел Николаевич Милюков (1859—1943) — лидер Конституционно-Демократической партии, член третьей и четвертой Государ-

ственной Думы, министр иностранных дел в кабинете Временного правительства (март—май 1917 г.); редактировал парижскую эмигрантскую газету «Последние новости». Filosofov не разделял его политики умиротворения по отношению к большевикам.

4. Цитата из стихотворения Д. С. Мережковского

5. Имеется в виду описание встречи с А. М. Добролюбовым в статье Д. С. Мережковского «Революция и религия» (Мережковский Д. С. Не мир, а меч: К будущей критике христианства. СПб., 1908. С.103—104).

6. Фелиция Моравска (См. п. 6, примеч. 4)

7. Контаминация цитат из двух стихотворений Пушкина: «Красавицы» (1832) — «...Она покоится стыдливо // В красе торжественной своей»; «..Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) — «и равнодушная природа красую вечною сиять».

8. Cordon/Kordon (Кордон) — управляющий имением графа М. Лариша (Moennich Larisch), который жил недалеко от Явоже. В дневнике Filosofov часто упоминает цветочки из оранжереи графа Лариша.

10

1. См. п. 9, примеч. 1.

2. Ромен Роллан (Romain Rolland; 1868—1944) — французский романист, драматург, эссеист. Лауреат Нобелевской премии 1916 года.

3. Польские Христианские Демократы (Хадеция — Chadcija) — католическая политическая партия, широко опиравшаяся на поддержку духовенства, а также рабочего и среднего классов. В тот момент польской истории ПХД, вступив в коалицию с Центролевами, решительно противодействовали политике Пилсудского. См. также примеч. 10 к п. 13.

4. Filosofov имеет в виду двоюродную сестру и жену Ст. Стемповского (т. е. дочь дяди Стемповского по отцовской линии). Брак Марии Стемповской (ум. 1952) и Ст. Стемповского распался вскоре после их прибытия в Польшу. За период совместной жизни Стемповские вырастили троих сыновей — Ежи, Хуберта и Павла.

11

1. Filosofov подразумевает «Думу о Гетмане» (1909) Жеромского — историю гетмана Станислава Жулкевского, шляхтича, «рыцаря» и писателя XVII века, который доблестно боролся с нашествием татар, шведов, с Московской Русью, вопреки состоянию государственной анархии и предательства, царившему тогда в Польше.

Ст. Жулкевский погиб в момент отступления от турок в 1620. Философов ссылается на слова гетмана о рыцарской чести и преданности пусть даже и проигранному делу (S. Żeromski. Dzieła. Czytelnik. Warszawa, 1973. Т. 3, С. 137, 145, 147, 183).

2. Философов имеет в виду заключительные строки стихотворения Зинаиды Гиппиус «Песня» (1893): «Мне нужно то, чего нет на свете, // Чего нет на свете».

3. Цитата из 1-й части «Фауста» Гете (Studierzimmer II. Ст. 1554—1557).

4. Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Осенний вечер» (1830); в оригинале: «...Что в существе разумном мы зовем // Божественной стыдливостью страданья!»

5. Молодые люди, обвиненные в покушении на советского дипломата Лизарева, были высланы из Варшавы для отбытия тюремного заключения в Равиче и Кжиже.

12

1. Цитата из «L'Histoire de Napoléon et la Grande Armée» Филиппа П. Сегюра (Ségur; 1780—1893).

2. Sienna (Сьенна) и Wronia (Вроня) — две улицы в предвоенной Варшаве, на пересечении которых жили Философов и Стемповский.

13

1. «Wiadomości Literackie» (Литературные ведомости) — самый популярный польский литературный журнал XX века. Этот объективный и не имеющий отношения к политике еженедельник издавался с 1924 по 1939 в Варшаве под редакцией М. Грыдзевского. Создатели этого журнала задались целью придать новое дыхание польской литературе, предоставив свои страницы всевозможным творческим направлениям.

2. Эрнст Толлер (1893—1939) — немецкий писатель, представитель левого экспрессионизма. Владимир Познер (1905—1992) — французский писатель (в молодости писал и печатался на русском языке); член французской компартии с 1932 г.

3. Биография А. Мицкевича «La vie de Mickiewicz» («Жизнь Мицкевича»), написанная Марией Чапской, была издана издательством Плон (Pion) в Париже в 1931 г.

4. Wązownicy («Медники») — неофициальное литературное объединение, члены которого идеализировали польскую культуру прошлых веков, как бы сравнивая ее значение с неизменностью и великолепием бронзового (отсюда — «медники») монумента. В своих сочинениях Т. Бой-Желенский деятельно выступал против «мед-

ников», критикуя их романтическое восприятие недавно завоеванной независимости Польши и националистический нео-романтизм, столь характерный для некоторых представителей движения *Młoda Polska* (Молодая Польша). В отношении политической позиции «медников» Философов, подобно Т. Бой-Желенскому, считал, что политическая ситуация должна быть оценена со значительной долей реалистической гибкости: несгибаемость «бронзового сплава» прошлого в тот момент, с его точки зрения, была просто неприемлема. В частности, горячие литературные дебаты разгорелись вокруг необычайно правдоподобного в своей человеческой хрупкости и жизненности образа Адама Мицкевича, созданного Т. Бой-Желенским. Работы Бой-Желенского воплотились в нескольких статьях, напечатанных в «*Wiadomości Literackie*» и «*Kurjer Poranny*», вызвав крайне раздраженную реакцию из лагеря сторонников традиционного и идеализированного образа поэта-героя Мицкевича. Философов привнес свое понимание Мицкевича в эту литературную полемику. В работах того времени Философов подчас использует термины «од-кумирение» или «десинтоксикация», имея в виду движение, направленное против «медников».

5. Тадеуш Бой-Желенский (Tadeusz Boy-Żelenski; 1874—1941) — поэт, прозаик, переводчик и один из ведущих литературных критиков своего времени. Рьяный сторонник либерализма и противник клерикализма. Бой-Желенский издал серию набросков «*Brazownicy*», а также многочисленные статьи о Мицкевиче, таким образом приглашая официальные польские литературные круги к полемической дискуссии; (См.: «*Boy o Mickiewiczu*» / Red. A. Stawar. Warszawa, 1949).

6. *Kawiarnia Ziemiańska* (Дворянское кафе) — эlegantное варшавское кафе на улице Мазовецкой, где регулярно собирались писатели, критики, театральные деятели. *Lours* (Лурс, Лури) — знаменитое кафе около университета, куда Философов часто навещался попить чай с пончиками.

7. Я. Морткович (Jakub Morkowicz; 1876—1931), жена — Янина. Издатели литературных произведений, включая произведения Жеромского, М. Домбровской, Л. Стаффа и других известных современных писателей. Морткович финансировал М. Домбровскую, когда она работала над первыми частями романа «*Ночи и Дни*».

8. Образы-символы, на которых строится статья Д. С. Мережковского «*Асфодели и ромашка*», входящая в его книгу «*В тихом омуте*» (1908). См.: Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т.16. С.40—49 (Библиотека «Русского Слова»).

9. Кардинал Александр Каковский (Kakowski; 1862—1935) — архиепископ Варшавы. С 1919 — кардинал и примас Польши. Получив образование в Санкт-Петербурге, он преподавал в Варшавской семинарии и был профессором и ректором Духовной Академии в Санкт-Петербурге. Вплоть до 1917 Александр Каковский пользовал-

ся поддержкой царского двора и в 1913 был назначен архиепископом Варшавы. После 1917 Каковский проявил прогерманские интересы. Убежденный христианский демократ, Каковский не одобрял политику Пилсудского.

10. Адольф Новачинский (Adolf Nowaczyński; 1876—1944) — драматург, сатирик, публицист. Был тесно связан с литературным направлением «Молодая Польша» (Młoda Polska). Политически он поддерживал националистическую и антисемитскую Народную Демократическую партию (Endecja).

11. Игнацы Дашинский (Ignacy Daszyński; 1866—1936) — активный общественный деятель, организатор Партии Рабочих в Львове (1892), один из ключевых организаторов польской социалистической партии (ППС).

12. Центролевы (Centrolewy) — коалиция левых и правых радикальных социалистов, Партии Рабочих и Христианских Демократов. Создана в 1929 году как противовес влиянию Санации (Sanacja) и диктатуры маршала Пилсудского. Активно участвовала в организации конгрессов, собраний и демонстраций. В 1930 лидеры коалиции и, в конечном итоге, остальные активисты этого движения были арестованы по инициативе правительства и присуждены к различным срокам тюремного заключения.

13. Мечислав Недзялковский (Mieczysław Niedziałkowski; 1893—1940) — известный политик, социалист, одно время сторонник Пилсудского. В конечном итоге присоединился к оппозиции, призывая интеллигенцию и крестьянство присоединиться к Польской Партии Социалистов. Противостоял режиму Пилсудского, был одним из идеологов Центролевых. Погиб во время Второй Мировой войны в немецком плену.

14

1. Марыся — дом-квартира, примыкавшая к санаторию доктора Чопа.

2. Довиль — французский курорт в Нормандии.

3. Карлсбад (Карловы Вары) — курорт в Чехословакии.

4. Перекресток улиц Длуга и Слизка в старой части Варшавы недалеко от квартиры Философова.

5. Тадеуш Пудр (Tadeusz Puder; 1908 — 1944) — молодой ксендз, время от времени навещался в Явоже. Однажды был избит во время мессы при алтаре, якобы по причине своего еврейского происхождения. Этот инцидент вызвал широкую волну полемики и негодования. Погиб во время варшавского восстания под развалинами костела св. Мартина. См. п. 18, примеч. 4.

6. Философов имеет в виду судебное разбирательство, проведенное против Антония Домбровского (близкого друга Дмитрия Влади-

мировича), возбужденное П. Э. Бутенко — председателем Варшавской Русской Демократической группы. Бутенко обвинил А. Домбровского в клеветнических нападках, высказанных в печати. Конфликт возник в связи с предложением, выдвинутым на собрании Союза Русских писателей и журналистов в Варшаве, о протесте против Постановления о принудительном труде в СССР. Бутенко выступил против подобного протеста и через некоторое время в газете Filosofova был назван «сторонником принудительного труда». См. п. 62, примеч. 9.

7. Имеется в виду Ежи Стемповский.

15

1. Filosofov изменяет название драмы С. Жеромского «Перепелочка» (буквально: «От меня убежала перепелочка»). Filosofov предлагает заглавие пьесы к отъезду Домбровской из Явожа в Варшаву 22 августа 1930, где она намеревалась провести несколько предстоявших месяцев. «...Утопая // В сияньи голубого дня» — цитата из стихотворения Ф. А. Туманского «Птичка» (1827), известного в песенном репертуаре и в 12-ти музыкальных переложениях. См.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 316 (Библиотека поэта: Большая сер.).

2. Т. е. сенатор Евгений Шмяровский (См. п. 6, примеч. 5).

16

1. Боренек — молодой доктор в санатории в Явоже.

2. Приверженцы политического лагеря Пилсудского, иначе именуемого Санация («Sanacja» от латинского слова sanatio — чистка), после переворота 1926 года получили прозвище «пилсудчики». В 1928 они были активными сторонниками Беспартийного Блока Сотрудничества с Правительством (ББСП).

3. Польские свободо-масоны как организация оформились вновь в 1921 году. Из всех польских масонов Filosofov особенно интересовался кружком интеллектуалов, писателей и ученых, который собирался в Варшаве и с политической точки зрения поддерживал сторону Пилсудского после переворота 1926 года. В число членов этого собрания входили М. Ганделсман, М. Михалович, Г. Колоджейский, А. Залеский, а также С. Стемповский.

4. Норберт Барлицкий (1880—1941) — активный член левого крыла Польской Социалистической партии (ПСП). В период между двумя мировыми войнами Барлицкий был представителем ПСП в польском Сейме. Был арестован в числе других активистов-социалистов из коалиции Центролегов.

5. Дочь доктора З. Чопа, сестра Ежи Чопа, Марта вышла замуж за греческого аристократа К. Ставро и проживала в Вене. Их тринадцатилетний сын Ежи приезжал в Явоже навестить бабушку.

6. Ийойо — прозвище сына Марты Ставро.

7. Валерий Славек (Walery Sławek; 1879—1939) — полковник польской армии и премьер Второй Республики в 1930—1931 и в 1935. Доверенный друг и советник Ю. Пилсудского. Деятельный член движения Санации, Славек в 1928 стал президентом Беспартийного Блока Сотрудничества с Правительством маршала Пилсудского.

17

1. Богдановское — семейное имение Философовых, находившееся в Новоржевском уезде Псковской губернии. К 1930 Богдановское поместье — дом и прилежащие постройки — было разрушено, а семейные могилы осквернены большевиками. Впоследствии на месте Богдановского организовали совхоз.

2. Анна Павловна Философова (урожд. Дягилева; 1837—1912) — мать Дмитрия Владимировича, видный общественный деятель. На Всероссийском Съезде женщин 1908 года за ее заслуги и содействие в области образования и прав женщин А. П. Философова была признана основательницей движения русского феминизма.

3. В опере Р. Вагнера «Тангейзер» (акт III) (1845) Вольфрам фон Эшенвах поет арию «Oh, Du, mein holder Morgenstern».

4. Катовице (Katowice) — большой загрязненный промышленный город.

5. Г. Корсакова (H. Korsakowa) — жена Владислава Корсака, должностное лицо и влиятельный член «Санации», воевода Варшавы.

6. Марта Ставро (См. п. 16, примеч. 5).

7. Зигмунтова Чопова (Zygmuntowa Czopowa) — жена доктора З. Чопа, директора санатория.

18

1. Прушков (Pruszków) — городок около Варшавы.

2. Чапские уехали в Париж в 1924, где они прожили до 1932. В эти годы Юзеф Чапский создал кружок польских постимпрессионистов, так называемый Парижский Комитет.

3. Роман Томаса Манна (1875—1955) «Волшебная гора» («Der Zauberberg», 1924).

4. См. п. 14, примеч. 5.

19

1. Согласно дневнику Filosofova, вечер, посвященный Ф. М. Достоевскому, был организован Русским Общественным Комитетом в Варшаве 2 февраля 1931, таким образом отмечая совпавшие даты дня Сретения Господня и пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Достоевского. Filosofov записал, что профессор Н. С. Арсеньев прочел лекцию «Внутренний смысл творчества Достоевского», после чего пел митрополичий хор.

20

1. Речь идет о варшавском «Литературном Содружестве», существовавшем с 1929 по 1935. Собрания «Содружества» посещали близкие литературные друзья Filosofova — А. М. Хирьяков, Е. С. Вебер-Хирьякова, Л. Гомолицкий, В. Бранд, А. Домбровский, С. Киндякова, С. Кунцевич; поэты — К. Вежинский и Юлиан Тувим; ученые русисты — Р. Блют и В. Слободника. 4 июля 1931 состоялось собрание под председательством П. Б. Струве на тему «Три поколения русской литературной эмиграции». Кроме вышеупомянутых членов содружества, на собрании присутствовали представители молодого творческого поколения.

2. З. Н. Гиппиус (под псевдонимом Антон Крайний) отослала письмо в редакцию газеты «За Свободу» в ответ на отзывы о ее речи на собрании кружка «Зеленая Лампа» в Париже. Темой этого собрания, состоявшегося 10 июня 1931, был тезис: «У кого мы в рабстве». Гиппиус произнесла тогда речь, в которой резко критиковала не только цензурную политику зарубежных литературных журналов и газет, но и писателей, которые ставят свое творчество в зависимость от массового читателя. Filosofov ссылается на публикацию, появившуюся в «За Свободу» 8 июля 1931.

3. Евген Маланюк (1897—1968) — поэт, эссеист, переводчик. Петербургский студент. Эмигрировал с Украины в Польшу в 1920. В 1922—23 основал и редактировал журнал «Весілка» в Калише, а в следующие годы издавал антологии поэзии, которые были хорошо знакомы Filosofovu.

4. Евгения М. Вебер-Хирьякова (1893—1939) — писательница, эссеист, переводчица; жена А. М. Хирьякова (псевдоним Андрей Луганов; 1863—1940), близкий друг В. Г. Черткова и ближайший последователь Льва Толстого. Евгения Вебер-Хирьякова неустанно работала с Filosofovym в редакции его газет. Через Filosofova она познакомилась с С. Стемповским и М. Домбrowsкой, произведения которой переводила на русский язык. В октябре 1939 при капитуляции Варшавы покончила жизнь самоубийством.

5. Daniel Halévy (Даниэль Халеви, 1872—1962) — критик, эссеист и социальный историк; его книга «Декаданс свободы» («La décadence de la liberté») была издана в 1930. Отец — Ludovic Halévy (Людовик Халеви), либреттист и писатель-натуралист, автор либретто оперетты «La Belle Hélène» («Прекрасная Елена», 1865) французского композитора Ж. Оффенбаха.

6. Юзеф Вейссенхоф (Józef Weysenhoff; 1860—1932) — польский писатель, тесно связанный с партией Национальных демократов; писал рецензии для варшавских и краковских газет.

7. Философов не точно цитирует стихотворение Пушкина «Мне жаль великия жены...» (1824): «Наказ писала, флоты жгла, // И умерла, садясь на судно».

21

1. Философов пишет о втором томе романа М. Домбровской «Noce i Dnie» («Ночи и Дни»). К ноябрю 1931 Домбровская успела отредактировать первый том («Богумил и Барбара»), а 3 февраля 1932 вышел второй том («В вечной тревоге»). В следующие два года она написала еще два тома романа — «Любовь» (1933) и «Ветер в лицо» (1934). Философов деятельно способствовал созданию этого произведения, участвуя в редактировании рукописи и ее обсуждении с автором.

2. Письмо хранится в Литературном Музее Варшавы в архиве М. Домбровской.

23

1. Имеется в виду статья «Powstanie Styczniowe w twórczości Orzeszkowej» (Zofia Szymdtowa), в варшавском журнале «Современная Женщина» («Kobieta Współczesna». № 23/24. 1932). Философов особенно интересовался биографией Ожешко, так как эта женщина своими убеждениями социального равенства, требованиями, жизненными обстоятельствами и достижениями во благо родины напомнила ему его мать.

2. Философов имеет в виду кн.: А. В. Тыркова-Вильямс. Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг. 1915. Любопытно отметить, что одновременно с пробуждением интереса Философова к личности Ожешко, в номере «Последних Новостей» за 30 июля 1932 появилась статья Е. Д. Кусковой «День вчерашний», посвященная наследию матери Философова Анны Павловны.

3. По освобождении Веры Засулич (1849—1919) после покушения на генерала Трепова в январе 1878, симпатизировавшая ей Анна Павловна Философова и ее сын Владимир (брат Философова) содействовали в организации ее эмиграции в Швейцарию.

4. Кн. Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921) — русский революционер, анархист, философ. Легенда, на которую ссылается Дмитрий Владимирович, касается сенсационного побега Кропоткина из военного госпиталя при Петропавловской крепости в Петербурге в 1876. Анна Павловна якобы доставляла сообщения Кропоткина его сторонникам.

5. Ромуалд Трауггутт (Romuald Traugutt; 1825—1864) — польский революционер, предводитель Январского восстания 1863 года. Находясь под угрозой ареста, Трауггутт прятался у Ожешко, планируя свой побег; позже он был арестован и приговорен к смертной казни.

6. Якоб Мошешотт (Jakob Moleschott; 1822—1893) — голландский философ-материалист. Его работа «Der Kreislauf des Lebens» (1852) пользовалась популярностью среди русской общественности в 1860-е годы прошлого столетия. Людвиг Бюхнер (1824—1899) — немецкий философ.

7. Станислав Пшибышевский (Stanisław Przybyszewski; 1868—1927) — прозаик, драматург, поэт, эссеист. Ведущий представитель модернистской эстетики, выступавший за свободу творчества от бремени общественной ответственности.

8. Голубой цветок — символ романтического устремления в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1799).

9. Профессор Аврелий Дрогошевский (Aureli Drogoszewski) — доверенное лицо и друг Э. Ожешко; автор многочисленных статей и заметок о ней. В 1933 в Варшаве вышла написанная им биография Ожешко («Eliza Orzeszkowa 1841—1910»).

10. Станислав Феликс Нахорский (Nahorski; 1826—1896) — второй муж Ожешко, за которого она вышла замуж после того, как ее первый брак с Петром Ожешко в 1869 был признан недействительным.

11. Философов имеет в виду то, что сын С. Жеромского Адам (1899—1918) страдал от туберкулеза легких. Они ездили в Италию в 1902, 1907, 1913 в надежде найти излечение от мучавшего его недуга. Жеромский посвятил памяти своего сына воспоминания «O Adamie Żeromskim — wspomnienia» (1919). (См.: S. Żeromski. Kalendarz życia i twórczości. Oprac. S. Kasztelowicz i S. Eile. Kraków, 1961).

12. Мария Конопницка (Maria Konopnicka; 1842—1910) — поэтесса, прозаик, критик, публицист, переводчик.

13. Мария Дулебянка (Maria Dulębianka) — упоминается в дневниках Ожешковой как близкий друг Марии Конопницкой, которая вместе с ней посетила Ожешко в Гродно (1898) и Швейцарии (1899).

14. Мария Васильевна Трубникова (1835—1897) — вместе с Н. В. Стасовой и А. П. Filosofoвой была вдохновителем, руководителем и активным деятелем женского движения в России. В 1863 основала Издательскую Артель для женщин-переводчиков.

15. Антоний Слонимский (1895—1976) — польский поэт, публицист, драматург, прозаик, критик; Философов регулярно читал его рецензии и фельетоны в газете «Wiadomości Literackie». Он написал две статьи о Слонимском, напечатанные 26 июня и 3 июля 1932 в газете «Молва», — обе касающиеся поездки Слонимского в СССР и его высказываний о политическом состоянии и культуре в СССР.

16. «Молва» — ежедневная русская газета, выходила с весны 1932 по 1934. С политической точки зрения выражала широкий спектр интересов, в то время как культурная платформа наиболее полно отражала предпочтения Философова. Через содействие редакции газеты (С. Войцеховского, Н. Рязанцева и Леона Гомолицкого) Философов задался целью пробудить интерес к современной польской культуре а также стимулировать интерес поляков к феномену русской культуры в эмиграции.

17. Протоиерей Николай Рогальский был настоятелем церкви в Ровно. В связи с празднованием сорокалетней годовщины его церковного служения состоялось торжество, о котором здесь идет речь. Слова Философова отражают его реакцию на украинский национализм и антисемитизм этого церковного деятеля.

18. Генрик Юзевский (Henryk Józewski; 1892—1981) — польский политический лидер, сторонник Пилсудского. В 1928 был назначен воеводой Волыни, а с декабря 1929 по июнь 1930 был министром внутренних дел. На этом посту Г. Юзевский попытался разрешить противоречия, разделявшие поляков и украинское меньшинство, в особенности в отношении религиозных разногласий между православием и католицизмом.

26

1. Написанно на бланке русской ежедневной газеты «Молва» (Warszawa, ul. Chocimska, 35, m. 14).

27

1. Трагедия Жана Расин (Jean Racine; 1639 — 1699) «Аталия» («Atalie», 1691), написанная на библейский сюжет; по замечанию самого Философова, эта драма представляет немощную и трепещущую человеческую добродетель, которая в конечном итоге уступает в конфликте с жизненными обстоятельствами и требованиями своеутробного политического инстинкта. Еще будучи ребенком, Философов выучил на память «Сон Аталии», отрывок из которой он цитирует — акт II, явл. 5, ст. 496:

*Même elle avait encore cet éclat emprunté
Dont elle eut soin de peindre et d'orne son visage,*

Pour réparer des ans l'irréparable outrage:...

(Неизданные дневники Д. В. Философова. Октябрь 1934).

2. Псалм CI, 6.

3. Псалм XLI, 8.

28

1. Тадеуш Бой-Желенский (см. п. 13, примеч. 4, 5).

2. К 1933 году было принято решение попытаться опубликовать польские переводы двенадцати эссе Философова на польские темы. На основе письма Е. Стемповского к Вацлаву Ледницкому от 22 января 1932, которое хранится в архиве Варшавского Университета, очевидно, что профессор В. Ледницкий был привлечен к этому проекту. Отбор и перевод большей части материала выпали на долю Марии Чапской и Ежи Стемповского. Фрагменты переводов, не вошедшие в окончательный вариант издания, дошли до нас в черновом варианте с сохранившимися исправлениями.

3. Казимеж Вежинский (Kazimierz Wierzyński; 1894—1969) — поэт, прозаик, эссеист. В 1931—32 был редактором еженедельника «Kultura», одновременно редактировал отдел культуры проправительственного печатного органа «Gazeta Polska».

4. Мечеслав Грудzewский (Mieczysław Grydzewski; 1894—1970) — ведущий журналист и издатель. С 1920 издавал журнал «Skamander» («Скамандр»), а в 1924—1939 редактировал «Wiadomości Literackie».

5. Тадеуш (Фаддей Францевич) Зелинский (1859—1944) — философ и филолог-классик; до революции — профессор Петербургского университета, с 1921 по 1935 профессор Варшавского университета. Зелинский напечатал статью о Монтене в «Газете Польской» («Gazeta Polska») 13 августа 1933.

6. Юлиуш Каден-Бандровский (Juliusz Kaden-Bandrowski; 1885—1944) — польский писатель, политический и культурный деятель.

7. «Эпоха» («Ерока») (1932—1933, 1936—1939) — общественно-политический журнал, издававшийся в Варшаве. Работы знакомых Философова — З. Налковской, Юлиана Тувима, Ю. Кадена, В. Таркевича, А. Струга публиковались в «Эпохе», хотя этот журнал имел лево-радикальную политическую ориентацию.

8. Философов ссылается на свою статью «Защита Монтеня», напечатанную в газете «Молва» 20 августа 1933, касающуюся не только личности Монтеня, но и злободневного политического положения в Польше. Мария Чапска перевела эту работу и намеревалась напечатать ее в польском сборнике статей Философова.

9. Rohan — предположительно Философов имеет в виду герцога Анри де Рогана (1579—1638), возглавлявшего армию гугенотов в битве, в которой войска Ришелье одержали победу. Слова «Rohan je suis» («Я — Роган») имеют отношение либо к Стемповскому, либо к Философову.

1. Философов излагает впечатления 3-го тома («Любовь») романа Домбровской.

2. Псевдоним, под которым скрывается один из героев романа, подпольщик-революционер Марцин Снядовский («Любовь». Ч. 2, гл. 14).

3. См.: «Ночи и дни». Т. 3 («Любовь»). Ч. 2, гл. 8—11.

4. Там же, гл. 7.

5. Там же, гл. 13.

6. Вацлав Берент (Wacław Berent; 1873—1940) — польский прозаик и эссеист, редактор «Варшавского Дневника» («Pamiętnik Warszawski»); Философов имеет в виду роман Берента «Żywe kamienie» («Живые камни»), опубликованный в 1917—1918, в котором был дан символический образ современной Польши: труппа средневековых бродячих артистов прибывает в город, пораженный душевным недугом, именуемым по-латински «acedia» (пол. acedja) — что означает бездейственность, одновременное состояние материального благосостояния и пассивного оцепенения.

7. Философов приводит цитату из стихотворения Адама Мицкевича «Pieśń Filaretów» («Песня Филаретов», 1820—1821):

Cyrkla, wagi i miary
Do martwych użyj brył;
Mierz siłę na zamiary
Nie zamiar podług sił .

8. Образ из «Мыслей» («Pensées») Б. Паскаля: «L'homme n'est qu'un roseau, le plus faible de la nature, mais c'est un roseau pensant» (Pensées, 6.1).

9. Возможно, Философов имеет в виду книгу Андрея Белого «Глоссолалия. Поэма о звуке» (Берлин, 1922), в которой осмыслена семантика звуков человеческой речи и их отображение в космологических концепциях.

10. Ванда Мельцер (Wanda Melcer; 1896—1972) и Ирина Кживицка (Irena Krzywicka; 1899—?) — писательницы, журналистки, переводчицы. Работали в журнале «Wiadomości Literackie».

11. Имеется в виду «Золото Рейна» («Das Rheingold», 1869) — первая часть тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга».

12. Болеслав Прус (Bolesław Prus; настоящее имя — Andrzej Głowacki; 1845—1912) — крупнейший польский прозаик.

13. Жорж Санд (Georges Sand; 1804—1876) — французская писательница, чье творчество подчеркивало права женщин а также независимость и инициативу женственной любви.

14. Гюстав Флобер (Gustav Flaubert; 1821—1880) — французский писатель, подвергшийся гонениям (но позже оправданный) за свою новеллу «Madame Bovary» («Мадам Бовари», 1846).

15. Подразумевается рассказ Герберта Дж. Уэллса (H.G. Wells; 1866—1946) «Остров Эпиорниса» («Aegorioris Island», 1894)

16. Карл Радек (наст. фам. Собельсон; 1885—1939) — журналист, писатель. Как специалист по иностранным делам в редакции «Известий», он поехал в Польшу 6 июля 1933, по приглашению Б. Медзинского (редактора «Газеты Польской»), на 4 дня. Радек издал кн: Портреты и памфлеты. Т. 1—2. М., 1934. Польский перевод был издан в 1935 г.

17. Нарцыза Жмиховска (Narcyza Żmichowska; 1819—1876) — польский прозаик, поэтесса и педагог. С 1863 по 1874 была заинтересована в позитивистском идеализме, но позже выразила свое разочарование в этом литературном направлении в романе под названием «Czy to jest powieść» («Роман ли это») написанном в 1875—1876.

30

1. Письмо написано на бланке газеты «Молва».

32

1. См. п. 2, примеч. 7.

33

1. Статья «Мицкевич в новой одежде» была напечатана в газете «Молва» 1 ноября 1932; статья «Мицкевич в Турции» появилась в двух частях в «Молве» 4 и 11 ноября 1932.

2. В статье «Славянская душа» идет речь о польской драматургии; в частности, в ней дан разбор пьесы Жеромского «Uciekła mi przeriełeczka» («Перепелочка»), поставленной в Варшаве 27 февраля 1925. Статья появилась в газете «За Свободу» в трех частях 6, 8, 11 апреля 1925.

3. Станислав Выспяньский (Stanisław Wyspiański; 1869—1907) — драматург, участник движения «Młoda Polska». Статья Filosofova «Żywa woda» («Живая Вода»), посвященная Марии Чапской, затрагивает проблему мастерства и национальную тему достоинства в творчестве Выспяньского. Filosofov напечатал эту статью в газете «Молва» 4 декабря 1932.

4. Filosofov ссылается на свою статью «Защита Монтеня 1533—1933», которая была опубликована в «Молве» 20 августа 1933.

1. Письмо хранится в Литературном Музее в Варшаве в архиве М. Домбровской.

2. *Verbum* — католический журнал, выходивший ежеквартально (1934—1939). На его страницах появлялись статьи на религиозные, литературные и общекультурные темы. Рафал Блют (Rafał Blüth), друг и частый гость в Литературном Содружестве Философова, а также Конрад Гурский, Елена Моравска и Мария Виновска принимали участие в редактировании этого журнала (см. ниже, 3, 4, 5).

3. Профессор Конрад Гурский (Górski; 1895—?) — историк и теоретик литературы; специалист по А. Мицкевичу; был главным редактором первых двух номеров «*Verbum*». М. Домбровска работала с ним в комиссии по образованию в Польше; с января 1931 они вместе занимались литературной программой для польских школ и гимназий.

4. Профессор Станислав Фурманик был членом вышеупомянутой комиссии образования.

5. Мария Виновска (Maria Winowska) — секретарь редакции журнала «*Verbum*».

6. Литературное общество «Предместье» («*Przedmieście*») просуществовало с 1933 по 1937 год. Выступая против социального неравенства, «Предместье» относилось к левому крылу политического спектра, выражая интересы беднейших слоев, социальных меньшинств и эмигрантов. В число активных членов собрания входил Я. Корнацкий, З. Налковска, Бруно Шульц.

1. В своем дневнике Мария Домбровска упоминает, что ее эпиграфы (а именно отобранные по ее усмотрению выдержки из Екклезиаста, часть 1, стихи 2—4, 8—10) были отосланы профессору Уйейскому и Д. Философову на согласование. Домбровска позже заметила, что по рекомендации Философова эти эпиграфы не были включены в опубликованный вариант ее новеллы. (См.: М. Dąbrowska. *Dzienniki*. Т. 2. С. 55—57).

2. Луи-Фердинанд Селин (Louis-Ferdinand Céline; 1894—1961) — французский прозаик. Упоминается его первый роман «Путешествие на край ночи» (1932), получивший широкую известность.

3. Цитата из «*Фауста*» Гете (часть 1, ст. 1112), из сцены «*Osterspaziergang*», слова Фауста: «...Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust» («Ах! две души живут в моей груди»).

4. Септуагинта — греческий перевод Ветхого Завета; над его созданием трудились около семидесяти переводчиков в 280 — 130 гг. до н. э. Современные исследователи Ветхого Завета относят написание Екклезиаста к 200—180 годам до н. э.

36

1. Письмо хранится в Литературном Музее в Варшаве в архиве М. Домбровской.

38

1. Письмо находится в Литературном Музее в Варшаве в архиве Юлиана Тувима (Julian Tuwim; 1894—1954) — лидера группы поэтов «Skamander» («Скамандр»). Увлеченный поклонник русской литературы, Тувим перевел на польский язык «Слово о полку Игореве» а также стихотворения Пушкина, Тютчева и Блока.

2. Философов имеет в виду статью Тувима «Czterowiersz na warsztacie» («Четверостишие в цеху») написанную по поводу перевода первых строк поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

3. Проф. Станислав Пигонь (Pigoń) — литературный критик, историк; специалист по творчеству Мицкевича.

4. Юлиуш Клейнер (Juliusz Kleiner; 1887—1957) — львовский профессор философии и литературы; специалист по польскому романтизму.

5. Профессор Юзеф Уйейский (Józef Ujejski; 1883—1937) — профессор Варшавского Университета, литературовед, специалист по польскому мессианизму. Домбровска поддерживала дружеские отношения с Уйейским.

6. Литературный кружок «Домик в Коломне», организованный Философовым, собирался с октября 1934 по февраль 1936. Среди участников — Е. Вебер-Хирьякова, Стемповские, М. Домбровска, Л. Гомолицкий, Чапские. О собраниях оповещалось в варшавских газетах, с указанием имен выступавших и тем дискуссий.

7. На этом собрании, состоявшемся на квартире Философова, Е. Вебер-Хирьякова выступила с докладом «О Лермонтове».

39

1. Польская газета «Наш Обзор» придерживалась юдофильского направления.

2. См. п. 13, примеч. 10.

3. Карол Виктор Заводзинский (Zawodziński; 1890—1949) — офицер, литературный критик и теоретик; проявлял особый интерес к формализму и поэзии. В 1933—1934 преподавал славянскую литературу в Брюсселе.

4. Войцех Банк (Wojciech Bał; 1907—1961). Философова заинтересовала его философская лирика из цикла «Голубое бремя» («Brzemię niebieskie»), опубликованного в 1934 в «Wiadomości Literackie».

1. Имеется в виду «Kurier Warszawski» («Варшавский Курьер»). Книжка фельетонов Е. Стемповского «Szkice o Malraux» была опубликована в 1935. На собрании кружка «Домик в Коломне» 16 февраля 1935 Е. Стемповский выступил с докладом об А. Мальро.

2. André Gide (Андре Жид; 1869—1951) — французский прозаик. Хотя Философову нравилось его творчество, он испытывал чрезвычайный скептицизм по поводу взглядов Жиды о возможности союза коммунизма и искусства (см., напр.: «Les Nouvelles Nouritures», 1936), однажды заметив в своем дневнике, что Жиды околдовали чары марксизма (Неизданные записки Философова, датированные ноябрем 1936).

3. André Malraux (Андре Мальро; 1901—1976) — французский прозаик.

4. Julien Benda (Жюльен Бенда; 1867—1956) — критик и эссеист; публиковал статьи в «Nouvelles Littéraires», в которых призывал интеллектуальную общечеловечность оставаться выше национальных, социальных и политических страстей.

5. Jan Kieruga (Ян Кепура; 1902—1966) — польский оперный певец.

6. Амалия Осиповна Бунакова-Фондаминская — жена И. И. Бунакова-Фондаминского (1880—1942), близкий друг Мережковских.

7. Леон Василевский (Leon Wasilewski; 1870—1936) — активист в Польской Социалистической Партии, историк. Автор многих работ о национальных меньшинствах в Польше.

8. Вскоре после смерти Ю. Пилсудского в июне 1935 Философов написал мемуары о нем, свидетельствующие о том, что он разделял мистические представления Мережковских о значении фигуры Пилсудского в современной истории. Воспоминания Философова до сих пор остаются неизданными.

9. Шимон Аскеназы (см. п. 4, примеч. 6).

10. Богуслав Венява-Длугошовский (1881—1942) — адъютант маршала Пилсудского, генерал, дипломат. Страстный любитель и завсегдатой собраний Варшавского литературного мира в кофейне «Ziemiańska». Философов неоднократно встречался с Венявой-Длугошовским для обсуждения ряда политических и литературных тем, публиковал стихи Венявы в своих изданиях.

11. См. п. 28, примеч. 6.

12. Юзеф Бек (Beck; 1894—1944) — политический деятель, близкий сотрудник Пилсудского с 1918; с 1932 по 1939 — министр иностранных дел.

13. Marchoń (1934—1938) — варшавский журнал, выходивший ежеквартально, посвященный темам литературы и культуры. Редактором журнала был Стефан Колачковский.

41

1. Улица Флора в Варшаве.
2. Ежи Стемповский.
3. Людвика Реттингерова (Ludwika Rettingerowa, урожд. Wichuna) (ум. в 1942) — жена Мечислава Реттингера (1890—1945) — публициста и критика, знакомого с Философовым через масонов.

42

1. Аниела Загурска (Aniela Zagórska; 1890—1943) — переводчик и двоюродная сестра Ю. Конрада. Близкая подруга М. Домбровской, Ст. Стемповского и Философова.
2. Приложенные статьи:
 - 1) «Мария Домбровска о литературной профессии» из журнала «Время»;
 - 2) К. Выка, критик и редактор журнала *Twórczość* (Творчество) — «Разговор о „Ночах и днях“» («Время»);
 - 3) А. Белалович — «Республика критиков», «Варшавский народный дневник»;
 - 4) Элга Керн (переводчица М. Домбровской) — «Любительница Гонгоровой», «Вечерняя Варшава»;
 - 5) В. Гомбрович — (польский драматург 1904—1969) — «Народные литературные изделия», «Познанский Курьер»;
 - 6) «Журнал де Гонкур [перередактирован]», Анри Билли (André Billy), (Грэнгуар).
3. Статья Философова «Na Marginesie» («На полях страницы»). См. п. 44.

44

1. Статья Философова затрагивает эссе Марии Домбровской: «Zawód literacka jako służba społeczna» (*Marchońt*. № 4. 1934/35). В своем эссе Домбровска пишет о литературной профессии в роли служителя общества. По ее мнению, литература не является ни служением ни профессией. Она рассматривает литературу и искусство как своего рода «религиозную эстетику», воззрение, которое она сформировала на основе ее твердой веры в эстетизм, ее понимание теории Э. Абрамовского о литературном творчестве, а также критического анализа сочинения Л. Н. Толстого «Что такое искусство». Согласно ее дневникам, еще до публикации в журнале «*Marchońt*», Домбровска прочитала свою статью на литературных вечерах в Кракове, Белостоке и Львове. Впоследствии статья была переиздана в антологии «*Pisma Rozproszone*» (Kraków. 1964. Vol.

2). Домбровска помечает в своем дневнике, что она получила это письмо Философова 21 августа 1935 года (M. Dąbrowska. Dzienniki. T. 2. С. 109—110).

2. Профессор Владислав Татаркевич (Tatarkiewicz; 1886—1980) — знаменитый польский философ, а также историк философии, искусства и эстетики. Друг Домбровской а также поклонник ее творчества. Поддерживал активную переписку с Домбровской.

3. Предложения, подчеркнутые Философовым в статье, написанной Андре Билли (André Billy) по поводу нового выпуска журналов братьев Гонкур (Edmond Goncourt, 1822—1896; Jules Goncourt, 1830—1870), затрагивают вопрос литературного творчества, различия между интеллектом чистым и литературным. Слова Философова: «...как перед интуицией ...оказывается тупым» являются русским переложением отрывка из вышеупомянутой статьи.

4. Книга Анри Бергсона (Bergson; 1859—1932) «L'Evolution Créatrice» вышла в свет в 1907.

5. Домбровска вступила в полемику со статьей Э. Абрамовского «Co to jest sztuka? (Z powodu rozprawy L. Tołstoja „Czto takoe iskusstwo“). «Przegląd Filozoficzny», 1898.

Эдуард Абрамовский (Edward Abramowski; 1868—1918) — общественный деятель, социолог, философ, автор изысканий в области этики и эстетики. Абрамовский оказал значительное влияние на становление мышления и формирование творческого стиля М. Домбровской, которая слушала его лекции. По признанию самой Домбровской, труды Абрамовского вобрали в себя основополагающие идеи всей польской философии жизни. (См.: T. Drewnowski. «Rzecz Russowska». Wydawnictwo Literackie. Kraków, 1981. С. 56—70, 180—184.) В 1920—30-х годах воззрения Абрамовского стали предметом многочисленных дискуссий. (См., например: O. Lange. Socjologia i ideje społeczne E. Abramowskiego, Kraków. 1928; K. Kreszkowacki. Dzieje życia i twórczości Edwarda Abramowskiego. Warszawa. 1933).

6. Имеется в виду св. Тереза Авильская (или Тереза де Хесус; 1515—1582) — испанская религиозная деятельница, автор мистических сочинений, и так наз. «маленькая Тереза» — св. Тереза Лизьеская (Мари Франсуаза Тереза Мартен; 1873—1897, канонизирована в 1925), французская монахиня-кармелитка (ее чрезвычайно высоко почитали Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус).

7. В трактате «Что такое искусство?» (1897) Л. Н. Толстой описал репетицию оперы А. Г. Рубинштейна «Ферморс» в консерватории, на которой он присутствовал 19 апреля 1897.

8. Имеется в виду статья Л. Н. Толстого «Христианство и патриотизм» (1893—1894). См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1956. С. 27—80. Подразумеваемое Философовым описание богослужения — видимо, из романа «Воскресение» (ч. 1, гл. XXXIX).

9. Подразумевается Вильгельм фон Поленц (1861—1903); Толстой не упоминает его в трактате «Что такое искусство?», но написал Предисловие к русскому переводу его романа «Крестьянин» (1901).

10. См. п. 28, примеч. 3.

11. Имеется в виду младший сын Л. Н. Толстого Иван Львович (1888—1895).

12. Толстой посетил свою сестру, монахиню Марию Николаевну Толстую (1830—1912), в Шамордино 29 октября 1910, на следующий день после ухода из Ясной Поляны.

13. Роман Виктора Гюго (1802—1885) «Отверженные» (1862).

14. Романы французских писателей Эжена Сю (1804—1859) — «Парижские тайны» (1843), Александра Дюма (1803—1870) — «Три мушкетера» (1843), роман «Quo vadis?» (1896) польского писателя Генрика Сенкевича (1846—1916).

15. По опубликованию «*Mme Bovary*» (1856) Флоберу было выдвинуто обвинение в непристойности, которое прозвучало вновь на процессе 29 января 1857 года. По завершении слушания присяжные суда Наполеона III вынесли Флоберу строгое предупреждение. Подобная история повторилась с произведением Бодлера «*Les Fleurs du Mal*», увидевшим свет в июне 1857, вскоре признанным «непристойным» и запрещенным для публикации судом от 20 августа 1857.

16. См. п. 38, примеч. 4.

17. Манфред Кридл (Manfred Kridl) — историк литературы. Философов не был согласен с заключениями Кридла о творчестве Мицкевича (полемика о работах Кридла велась на страницах польских литературных журналов в середине 1930-х годов).

18. Ян Матейко (Jan Matejko; 1838—1893) — польский художник, мастер исторического жанра.

19. Мечислав Карлович (Mieczysław Karłowicz; 1876—1909) — крупнейший польский композитор и музыковед.

20. Якоб Буркхардт (Burckhardt; 1818—1897) — швейцарский историк и философ культуры, автор классического труда «Культура Возрождения в Италии».

Ипполит Тэн (Taine; 1828—1893) — французский философ, историк искусства и литературы, основатель культурно-исторической школы.

Иоганн Иоахим Винкельманн (Winckelmann; 1717—1768) — немецкий историк античного искусства и философ.

Джорджо Вазари (1511—1574) — итальянский историк искусств, живописец и архитектор, автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих».

Франсуа Мориак (François Mauriac; 1885—1970) — французский романист.

Тьерри-Молнье (Thierry-Maulnier; настоящее имя — Jacques Talagrand; 1909—1988) — французский общественный деятель, фило-

соф, критик, публицист. Философову он был знаком по произведениям «La crise dans l'homme» (1932), «Nietzsche» (1933), «Racine» (1935).

20 а. Выставочный зал в Лувре, спроектированный в форме квадрата.

21. Р. Гаманн (Hamann; 1879—1961) — немецкий историк искусства.

22. Жан Жак Гуйо (Guyau; 1854—1888) — французский философ-позитивист, сторонник утилитаризма.

23. В. Чапинский писал для левого журнала «Robotnik» («Рабочий»), выходившего в Варшаве в 20—30-е годы.

45

1. Джозеф Конрад (настоящее имя Józef Conrad Korzeniowski; 1857—1924) — английский писатель, поляк по происхождению; дядя Аниелы Загурской.

2. Т. Бой-Желенский.

46

1. В связи с ухудшением состояние здоровья Философов переехал в пенсионат Викторувка (Wiktoria) в городе Отвоцк (Otwock) к югу от Варшавы. Хотя время от времени он выбирался в Варшаву (как, например, 18 апреля 1939 года, когда Дмитрий Владимирович поступил в 10-ю палату варшавского госпиталя «Omega» по поводу грыжи, почечной недостаточности, эмфиземы и бронхита), такие вылазки случались все реже и реже. В последние годы жизни, вплоть до своей кончины 5 августа 1940 года, Дмитрий Владимирович оставался в Отвоцке.

2. Юлиан Стахевич (Julian Stachiewicz; 1890—1934) — историк, генерал и сторонник Пилсудского. В 1923—24 и с 1926 руководил Институтом по истории военного дела в Варшаве.

3. Доктор Зофия Добровольска (Zofia Dobrowolska; 1893—1989) — владела и руководила клиникой по легочным заболеваниям. Ей были доверены некоторые из документов Философова, часть из которых она сохранила; другая часть, которая не была отправлена к его родственникам, по указанию самого Философова была предана огню.

47

1. В мае—июне 1936 года М. Домбровска посетила Хорватию и Словению. В конце путешествия она остановилась в хорватском городе на острове Раб (Rab), где провела продолжительное время.

2. 16-я строка из стихотворения Зинаиды Гиппиус «Посвящение» (1894).

3. «Oblicze dnia» («Облик дня») — антифашистское социалистическое издание, девять выпусков которого (с февраля по июнь 1936) вышли в свет в Варшаве; еще пять выпусков были конфискованы. Filosofov был огорчен информацией о том, что М. Домбровска опубликовала свою довольно нейтральную статью «Próba wyjaśnienia» («Попытка объясниться») в седьмом выпуске издания, поскольку считал «Oblicze dnia» коммунистическим органом печати.

4. Богуслав Кучинский (Bogusław Kuczyński; 1907—1974) — прозаик, автор романа «Kobiety na drodze» («Женщины на дороге», 1935), хорошо известного Filosofovу. Вместе с Зофьей Налковской редактировал ежемесячный журнал «Studio» (1936—1938), в котором издавались экспериментальные произведения польских модернистов: Б. Шульца, В. Гомбровича и М. Хороманьского.

5. Filosofov вернулся в Варшаву (на улицу Съенна) 27 мая и провел там оставшуюся часть лета.

48

1. Письмо хранится в Литературном музее в Варшаве в архиве М. Домбровской.

49

1. Polemическая статья М. Домбровской «Drogoczny wstyd» («Ежегодный стыд») была впервые напечатана в «Dziennik Popularty» (1936. № 43. 24 ноября). Во вступлении редактор рекомендовал эту статью для всех учителей и студентов, которые выступают против антисемитизма. Перепечатанная в юдофильском журнале «Nasz Przegląd», статья вызвала шквал критических нападок в адрес М. Домбровской.

2. Ян Парандовский (Jan Parandowski; 1895—1978) — прозаик, эссеист, переводчик; с 1931 до конца жизни председатель польского Реп-клуба.

3. Filosofov имеет в виду скандальные антисемитские демонстрации — «блокады», — происходившие в ноябре 1936 года в Варшавском Университете.

50

1. Теодор Томаш Еж (Teodor Tomasz Jeż) — литературный псевдоним польского повстанца Зыгмунта Милковского (1824—1914) — прозаика, автора исторических и «славянских» романов. Мемуары

Ежа «Od kolebki przez życie» были изданы в 1936—1937 (Gebettner i Wolff, Kraków).

2. Обыгрываются заключительные строки стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862).

3. «Меч» — последнее журналистское начинание Философова. Это культурно-литературное еженедельное обозрение издавалось в Варшаве в 1934—1939. Д. С. Мережковский поначалу вместе с Философовым вошел в состав редакции «Меча», но после нескольких выпусков прекратил сотрудничество. В. В. Бранд и Г. Г. Соколов взяли на себя редакторские обязанности после того, как ухудшившееся состояние здоровья Философова помешало ему работать.

51

1. См. п. 1, примеч. 1.

52

1. Богумил Корн — персонаж из поэмы Юлиуша Словацкого (1837) «Путешествие в Святую Землю из Неаполя» («Podróż do Świętej Ziemi z Neapolu», песнь V, строфы 11—15). Вроцлавский книгоиздатель, с которым переписывался Словацкий.

2. Митрополит Дионисий (Валединский) — см. п. 4, примеч. 15.

53

1. См. п. 20, примеч. 7.

2. Как ни странно, Философов, который никогда не занимался даже гимнастикой и не плавал (из-за гидрофобии), испытывал жадный интерес к боксу. Joe Louis (род. 1914), чемпион по боксу в тяжелом весе в 30-е годы.

3. Цитата из «Писем» («Lettres») мадам де Севинье (1626—1696): «Ужасно холодно. Мы топим дом, и Вы также (в Эксе!!), что есть невероятный феномен!»

4. Т. е. «Ilustrowany Kurjer Codzienny» («Иллюстрированный ежедневный курьер»).

5. Ларошфуко (La Rochefoucauld; 1613—1680) — французский писатель и мемуарист.

6. «Принцесса Клевская» (1678) — роман Мари-Мадлен де Лафайет (1634—1693).

7. Truskawiec (Трускавец) — городок в Закарпатье на территории нынешней Украины, известен лечебными водами.

8. М. Е. Салтыков-Щедрин написал сатирический цикл под названием «Убежище Монрепо» в 1878—79; в заглавии цикла исполь-

зован галлицизм «Монрепо» (mon repos — мой отдых), служащий обозначением тихого уголка, места отдохновения от житейских забот. Монрепо — также название усадьбы около Выборга, которая несколько месяцев спустя после визита Марии Чапской к ее тетушке Марии была конфискована у потомков германо-балтийских аристократических семей Мейендорфа (Meuendorff) и Штакельберга (Stackelberg). (Имение было подарено родственникам Чапских во время правления императора Павла).

9. Барон Александр Ф. Мейендорф (1869—1964) — член Гос. Думы, октябрист. Будучи в эмиграции, опубликовал несколько работ о России: «Background to the Russian Revolution» (New York, 1929); «Cost of the War to Russia» (London, 1932).

10. Анна Александровна Вырубова (1884—1964) — фрейлина при дворе Николая II. Друг царской семьи и Распутина.

11. Многие из родственников графа Константина Константиновича Палена (1861—1923) жили в Выборге.

В Польше к концу 30-х годов распространенное прозвище для женщин немецкого происхождения было — «гитлеровна».

12. Виипури (Viipuri) — название Выборга в годы, когда город принадлежал Финляндии (1919—1940).

13. Обыгрываются слова Городничего из 1-го действия «Ревизора» Гоголя (действие 1-е, явление I).

54

1. Морск — маленький городок, где Домбровска и Стемповский жили в июле 1938.

2. Макс Шмелинг (Schmeling) — немецкий чемпион по боксу в тяжелом весе.

3. Мария Чапска написала пространную статью в «Wiadomości Literackie» (1938. № 30) о Францишеке (Ксаверы) Годлевском (1866—1937) под названием «Śmugi jasne na tle smroku...» («Ясные полосы в сумерках ...»), посвященную истории любовных взаимоотношений между Годлевским, молодым привлекательным офицером, и Э. Ожешко, которые завязались в 1897, год спустя после смерти ее второго мужа Нахорского. В своей статье Чапска приводит дневниковые записи, характеризующие обстоятельность, при коих Ожешко, узнав о предстоящей женитьбе Годлевского, дарит ему кольцо как символ ее любви; этот дар Годлевский ей возвращает.

4. См.: Бытие 37: 36—39.

5. Станислав Л. Бжозовский (Bzozowski; 1878—1911) — критик, теоретик литературы; отзывался об Ожешко как о «дочери Мицкевича» в литературе. В свою очередь, Ожешко глубоко ценила его как литературного критика — в частности, поддерживая его жесткое неприятие творчества Г. Сенкевича.

6. В 1846 году Краковская республика (Вольный, независимый и строго нейтральный город Краков с округом), созданная в 1815 г., после Краковского восстания была ликвидирована, ее территория присоединена к Австрии.

55

1. Аньела Загурска — см. п. 42, примеч. 1.

2. Иосиф Владимирович Гурко (1828—1901) — фельдмаршал, губернатор и предводитель Варшавской Вистулы (Wistula) и прилегающих окрестностей; проводил политику русификации Польши.

3. Александр И. Апухтин (1822—1904) — куратор административного района Варшавы (1879—1897).

56

1. Это письмо — черновик, присоединенный к письму № 55 и частично записанный на том же листе.

2. Имеется в виду воспоминания Францишека Годлевского «Pani Ogzeszkowa — Wspomnienia» (Warszawa, 1934).

3. Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Герой» (1830): Тьмы низких истин нам дороже // Нас возвышающий обман...

4. См. п. 38, примеч. 4.

5. См. п. 9, примеч. 2.

6. Зофья Налковска (Zofia Nałkowska; 1884—1954) — выдающийся прозаик, драматург, публицист. Философов познакомился с ней через М. Домбровскую в 1927. Упоминается роман Налковской «Romans Teresy Hennert» («Роман Терезы Геннерт»; 1924). Философов ссылается на одно предложение в 7-ой главе романа: «...w ostatnich czasach ujawniło się ponadto, że brał udział w powstaniu...» (т. е. «...к тому же недавно раскрылось, что был участником в восстании...»).

7. В ответ на вопрос Философова в письме к М. Домбровской (см. п. 54) Стемповский передает: тисовое дерево — *Taxus baccata*, лиственница — *Yugus terminalis*.

57

1. См. п. 13, примеч. 4.

2. Бой-Желенский.

3. Мария Родзевичувна (Maria Rodziewiczówna; 1863—1944) — писательница; ее романы о польском дворянстве Философов считал чересчур длинными и скучными.

4. Т. е. в Блотах; Włota — маленький городок между Отвоцком и Вавром.

5. См. п. 53, примеч. 8.

6. Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854—1933) — прозаик, публицист, общественный деятель, врач.

7. Татьяна Александровна Богданович (урожд. Криль; 1872—1942) — писательница, переводчица; была связана с В. Г. Короленко многолетней дружбой, но в родственных связях с ним не состояла. Ее муж — Ангел Иванович Богданович (псевдоним А.Б.; 1860—1907) — критик, публицист; с 1895 — фактический редактор радикального демократического журнала «Мир Божий».

8. Христиан Георгиевич Раковский (1873—1941) — деятель революционного движения, член социал-демократической партии; в первые пореволюционные годы — председатель Совета народных комиссаров Украины.

9. См. п. 29, примеч. 8.

10. См. п. 13, примеч. 4.

11. Виктор Петрович Буренин (1841—1926) — драматург, прозаик, поэт, критик; с середины 1870-х — постоянный сотрудник «Нового Времени».

58

1. Философов использует игру слов: по его мысли, аристократом (Потоцким) быть вовсе даже и не обязательно, но, тем не менее, следует стремиться к идеалу, воплощенному в лице св. Франциска Ассизского («подлинного Францишека», по-польски — Franciszek).

2. См. п. 53, примеч. 8.

59

1. Фирс — старик-лакей из «Вишневого сада» А.П. Чехова.

2. Имеется в виду Элиза Ожешко.

3. «Ad Astra» (1904) — роман, созданный в последние годы творческой деятельности Ожешко; в нем выражается идеологический протест против модернизма и декадентства.

4. «Nad Niemnem» («Над Неманом», 1888) — эпический роман Ожешко, признанная вершина ее творчества.

60

1. Ответ на п. 59.

2. Лазенки — парк в Варшаве.

3. Речь идет об арифметическом учебнике (задачнике) двух авторов (Малинина и Буренина), бывшем в обиходе в дореволюционных учебных заведениях.

4. Павел Петрович Скоропадский (1873—1945) — украинский дворянин; после переворота в Киеве 29 апреля 1918 был избран Гетманом Украины, свергнут 14 декабря 1918.

5. Стемповский цитирует первое четверостишие из стихотворения Адама Мицкевича «Ustęp» («Отступление»), написанного сразу после четырехмесячного пребывания в России и опубликованного в 1832 году вместе с шестью другими стихотворениями в качестве приложения к III части драмы «Dziady» («Дзяды»). (Во второй строке пропущено слово «więzieliach»); в переводе:

Вы помните меня! Сколько раз думаю
О смертях, изгнаниях, тюрьмах моих друзей,
И помню Вас. Ваши чужеземные лица
Имеют право гражданства в моих мечтах.

6. «Процесс 193-х» — суд над участниками «хождения в народ», проходивший с 18-го октября 1877 по 23 января 1878.

7. Несмотря на то, что многие из соратников Стемповского были приговорены к различным срокам тюремного заключения за участие в деятельности кружка «Народная Воля» в Дерпте, самому Стемповскому посчастливилось избежать их участи — он был сослан в свое семейное поместье Шебутиныкя под надзор полиции.

8. Александр Михайлович Жемчужников (1828—1912) — поэт, один из создателей Козьмы Пруткова вместе с А. К. Толстым и В. М. Жемчужниковым.

9. Имеются в виду строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?...» (1836): «О, бурь заснувших не буди — // Под ними хаос шевелится!...».

61

1. Ответ на п. 60.

2. Имеется в виду датировка «Мартобря 86 числа» из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя.

3. Не точно цитируются последние строки стихотворения Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?...» (1836).

4. Софья Илларионовна Бардина (1852—1883) — революционерка, член организации «Народной Воли». Хорошо известна за ее выступление на «Процессе 50-ти» 9 марта 1877, который проходил в феврале и марте 1887 года. Бардина была приговорена к девяти годам каторжных работ (см.: Джабадари И. С. Процесс 50-ти // Былое. 1907. № 8—10; Ульяновский А. Женщины в процессе 50-ти. СПб., 1906).

5. Цитата из «Горя от ума», действие II, явл. V.

6. Философов имеет в виду генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова. В своих дневниках Философов упоминает «дипло-

матические» связи своей семьи с Ф. Ф. Треповым: «Именно в Висбадене, (или позднее в Крейцнахт) я в первый раз увидел „Фед Федыча“ Трепова. Меня удивило видеть его в штатском. Мы призывали его видеть на улицах в форме. Он ездил всегда стоя, держась за спину кучера. Пристяжные завивались. Нам это очень нравилось, мы часто играли „в Трепова“. При этом мы не разделяли градоначальника — от Трепова. Трепов для нас была не фамилия, а как бы звание, т. е. начальник всех городовых, человек, ездивший стоя, назывался Треповым. А тут еще нам сказали, что у него в животе пуля, с которой он благополучно гулял. Мама была всецело на стороне Засулич. Брат Владимир принимал косвенное участие в ее побеге. Но это не мешало „милейшему“ Фед Федычу посещать маму, играть с нею в ералаш» (Отдел рукописей ИРЛИ. Архив Дягилевых. Ф. 102. Ед. хр. 188. Записки Д. Filosofova (5 тетрадей). Тетрадь IV. Л. 73—75).

7. Нонна — младшая сестра Filosofova — умерла от дифтерии в 1877(?). Похоронена в Петергофе.

8. В. В. Бранд — поэт, совместно с Filosofovym редактировал «Меч».

9. Антон Семенович Домбровский (1899—1938) — писатель, публицист; родился в Воронежской губернии, получил образование в Москве, эмигрировал в 1922 в Варшаву. Домбровский сотрудничал с Filosofovym с 1922 в газете «За Свободу», одновременно писал рассказы, статьи для берлинских газет «Слово» и «Новое Слово». Автор неизданного романа «Иван Калюжный».

10. См. п. 54, примеч. 3.

11. Картина В. И. Сурикова (1883), хранится в Третьяковской галерее.

12. Бискупин — остатки славянского поселения древнейшей эпохи (1300—400 до н. э.). Обнаружены перед второй мировой войной на территории Польши, в болотистой местности близ Быдгоща.

13. Петро Певный (1888—1957) — украинский политический деятель и журналист. После 1919 эмигрировал в Польшу. Принимал активное участие в деятельности украинских националистов на Волыни, а с 1926 по 1935 был редактором еженедельного издания на украинском языке «Українська Ніва», издававшегося в Варшаве. В Варшаве же П. Певный познакомился с Filosofovym. Filosofov отзывается о Певном с уважением, одобряя его политику компромисса с поляками. Певный был членом польского Сейма в течение двух избирательных сроков — в 1930 и 1935 годах.

14. Filosofov цитирует первую строфу из «Фауста» Гете.

15. Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. III, «Письмо Татьяны к Онегину»).

62

1. Одно из первых свидетельств о намерении М. Домбровской написать еще один роман. Согласно первоначальному замыслу, ее роман «Przygodami człowieka myślącego» («Приключения мыслящего человека») должен был стать продолжением повествования, законченного в «Ночах и Днях» (М. Dąbrowska. Dzienniki. Warszawa, 1988. Т. 2. С. 265). Роман остался неоконченным (Домбровска работала над ним до последних лет своей жизни).

63

1. Письмо хранится в Литературном музее в Варшаве в архиве М. Домбровской.

2. Д-р Бернштейн был штатным врачом в санатории в Отвоцке.

64

1. Письмо хранится в Литературном музее в Варшаве в архиве М. Домбровской.

2. Эдуард Бенеш (Eduard Beneš; 1884—1948) — чешский государственный деятель, президент Чехословакии с 1935 по 1938. 5 октября 1938 года Э. Бенеш подал в отставку и эмигрировал. Философов критически относился к его политике компромисса по отношению к СССР.

3. Д-р Stefan Осуский (Osuski) — чешский военный атташе в Париже с 1935 года.

4. Имеется в виду генерал Ян Сыровы (Jan Syrový), командовавший чехословацким корпусом в Русской армии. В корпусе насчитывалось приблизительно 50000 человек хорошо вооруженного личного состава (См.: Thünig-Nittner G. Die Tschechoslowakische Legion in Russland, Wiesbaden. 1970). В 30-е годы служил инспектором при Генерале Чешской Армии. 22 сентября 1938 Сыровы, министр Национальной Обороны Чехословакии, сменил Milan Hodza на посту премьер-министра. См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений: Ноябрь 1917— август 1927 г. Т. I. М., 1973.

5. Аристид Бриан (Aristide Briand; 1862—1932) — французский социалист и государственный деятель. В 1923—32 годы работал по дипломатической линии, активно отстаивая политику примирения и нейтралитета с СССР.

6. См. п. 1, примеч. 7.

7. Жозеф Пол-Бонкур (Joseph Paul-Boncour; 1873—1973) — лидер французских социалистов. Основатель Союза Социалистов Республиканцев (Union Socialiste Republicaine). Дипломат; представлял интересы Франции в Лиге Наций в 1936 году.

8. Александр Мильеран (Alexandre Millerand; 1859—1943) — один из ведущих государственных деятелей Франции, оппонент Бриана.

9. Филипп Бертело (Philippe Berthelot; 1866—1934) — французский государственный деятель. Дипломат. Генеральный Секретарь Министерства Иностранных Дел (1920—32). Придерживался политики мирного нейтралитета во взаимоотношениях с СССР.

65

1. Письмо хранится в Литературном музее в Варшаве, в архиве М. Домбровской.

2. Цехотинек (Ciechocinek) — курорт в центральной части Польши (недалеко от Быдгоща, озера Гопла и Бискупина). М. Домбровска приехала в Цехотинек 8 августа.

3. Пакт о взаимном ненападении между Третьим Рейхом и СССР был подписан 23 августа 1939 г.

4. «Германия, не забывайся!» — милитаристское стихотворение Игоря Северянина, напечатанное в литературно-художественном альманахе «В эти дни» (М., 1915) и входящее в его сборник «Victoria regia: Четвертая книга поэзии» (М., 1915).

5. «Prosto z mostu» — еженедельник, издававшийся в Варшаве с 1935 по 1939 годы. Представлял интересы молодого контингента так называемой Народно-Радикальной Партии, организации с фашистским уклоном. Когда Filosofov писал это письмо, редактор журнала Станислав Пиасецкий (Stanisław Piasecki) публиковал в нем серию фрагментов из антисемитской книги Луи Фердинанда Селина «Bagatelles pour un massacre» («Погромные Мелочи»).

6. Юлиан Волошиновский (Wołoszynowski; 1898—1977) — поэт, прозаик, актер и театральный критик. Редактор журнала «Zbrojna Polska» («Вооруженная Польша»), выходившего в 1936—38 гг.

7. См. п. 23, примеч. 15.

8. Юзеф Виттлин (Józef Wittlin; 1896—1976) — прозаик, эссеист, переводчик. Член авангардной группы «Skamander» с 1920 года.

9. Зофья Налковска — (см. п. 56, примеч. 6).

10. Грюцхендлер — Mieczysław Gryczendler (псевдоним — Mieczysław Grydzewski) — см. п. 28, примеч. 4.

11. Речь идет о драме М. Домбровской «Гений — сирота» («Geniusz sierosy»), которую она написала в 1939 году. Копия рукописи была отправлена Стемповскому и Filosofovу с просьбой о замечаниях. Премьерная постановка пьесы в Варшаве, намеченная на 1940, не состоялась. События этой исторической драмы разворачиваются в 1646—1648 годах, во время правления монарха Ягеллонской династии Владислава IV (Władysław IV). Основные темы, затронутые в пьесе «Гений — сирота», — вероятность духовного и политического объединения Польши и Украины, религиозная терпимость, пе-

революционные средневековой монархии в структуры независимого демократического государства — имели непосредственное отношение к современным политическим дилеммам.

12. Владислав IV (1595—1648) — сын Зыгмунта III, король Польши (1632—1648). Общественные и религиозные конфликты в последний год царствования Владислава IV привели к восстанию казаков под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого.

Ягеллонская династия правила в Польше с 1386 (Ладислав II) до 1572 (Сигизмунд II Аугустус) — т. е. до начала эпохи избираемых королей (1573—1795).

Стюарты — шотландская королевская династия (1371—1603), впоследствии — правящая английская династия (1603—1714).

13. Зыгмунт III Ваза (1566—1632) — шведский принц, избранный польским монархом (1587—1632). Его вера в абсолютную королевскую власть, а также поддержка контрреформации настроили против себя польскую шляхту. Самозванно провозгласил себя королем Швеции.

14. Арман-Жан дю Плесси, Кардинал де Ришелье (Richelieu; 1585—1642) — французский политический деятель, в годы правления Людовика XIII (1610—1643) сосредоточил в своих руках государственную власть. Подавил протестантское движение Гугенотов, возглавлявшееся герцогом де Роганом и феодальным дворянством.

15. Кардинал Мазарини (Mazarini) — министр при дворе Людовика XIV (1643—61) во времена мятежной оппозиции членов фронды, духовенства, военачальников и высшей аристократии, противостоящей коррупции окружения Мазарини.

16. Условия Вестфальского перемирия (1648) соответствовали плану Ришелье (умершего в 1642, до подписания перемирия), предвидевшего смену баланса европейского господства в пользу Бурбонской династии. Эта договоренность шла вразрез с австрийскими интересами создания единой католической Германии.

17. Жан Бодэн (Jean Bodin; 1530—1596) — политический писатель, философ. Его произведение «Six livres de la République» (1576) рассматривает построение идеального государства а также отношения между народом и монархией.

18. У Философова явная оговорка: подразумевается Астрахань.

66

1. См. п.54, 3.

2. Через два года после ноябрьских событий 1861 года, очередное восстание против русской оккупации разразилось в январе 1863 года. Оно было исполнено самоотверженного героизма, но по прошествии полутора лет потерпело поражение, захлебнувшись в волне ожесточенных репрессий. «*Postyczniowy człowiek*» характеризует ту эпоху в культурной жизни Польши, последовавшую после неуда-

чи восстания 1863 года, период отрешения от романтической революционной идеологии, правившей в польском национальном сознании первой половины XIX столетия. Для спасения нации подход к вопросу национального суверенитета был коренным образом изменен. Новая философия позитивизма выступала за программу основополагающих экономических и социальных реформ, которые, обеспечив насущные потребности жизнеобеспечения национальной культуры, подготовят почву для более высоких идеалов, ожидающих подходящего момента для исполнения в будущем.

3. См. п. 55.

4. После 1863 года Галиция, находясь под австрийской оккупацией, стала ареной политических и культурных событий и деятельности нескольких польских группировок — в особенности Польской Социал-демократической Партии и Польских Социалистов, активно выступавших за вооруженное национальное восстание против России. После революции 1905 года польское радикальное политическое движение, возглавляемое Юзефом Пилсудским, переместилось в Галицию, где под его руководством подпольная подрывная деятельность против России была возобновлена.

5. В своих литературных статьях по вопросам культуры и литературы, написанных с 1906 по 1910 годы, С. Бржозовский выступил как красноречивый критик Г. Сенкевича (а также другого позитивиста, Ю. Вейссенхоффа), обвиняя его в консервативных настроениях и недостаточной вовлеченности в дело сохранения национальной культуры. Слемповский вместе с Философовым рьяно следили и время от времени принимали участие в полемике вокруг репутации С. Бржозовского, которому неоднократно ставили в вину, но так и не уличили, в сотрудничестве с Охранкой и передаче информации о польских социалистических организациях.

6. Строки из стихотворения Г. Гейне «Zwei Ritter» (Два рыцаря) из его первой книги *Romanzere* (Романцере) — собрание стихов, написанных с 1846 по 1851 годы.

7. Широкий спектр демократических и социальных идей Ожешко был отражен в зрелом периоде ее творчества (в частности, в таких трактатах как «Patriotyzm i kosmopolityzm» (Патриотизм и космополитизм) (1880), а также «O Żydach i kwestii żydowskiej» (Об Евреях и о еврейском вопросе) (1882).

8. Винцентий Лютославский, профессор польской философии, затронул большой вопрос о предательстве отечества эмигрантами, опубликовав статью под названием «Emigracja zdolności» (Эмиграция таланта) в польском националистическом еженедельнике *Kraj* (1899. № 12). Лютославский выступил в защиту эмигрантов (в частности, Юзефа Конрада), покинувших страну вследствие экономических трудностей для того, чтобы реализовать свой талант за границей. Ожешко выступила с суровым обличением («Emigracja zdolności»: *Kraj*. 1899. № 16) и пустилась в атаку на Конрада, написав ему ис-

полненное злобы и брани письмо — позже им уничтоженное. Философов и Стемповский были знакомы с Аниелой Загурской, племянницей и переводчицей Конрада, которая изложила подробности упреков, высказанных в адрес Конрада, в своей статье «Kilka wspomnień o Conradzie» (Несколько воспоминаний о Конраде) (Wiadomości Literackie. 1929. № 51).

9. См п. 23, 10.

10. Стемповский намекает на высохшую герань в конце повести Тургенева «Ася».

11. «Gloria victis» состоит из шести новелл, которые включают в себя записи личных воспоминаний Ожешко о событиях, окружавших восстание 1863 года. Второй рассказ в первом издании антологии (Варшава, 1898) «Oficer» касается жалкой судьбы патриотического самоотверженного молодого офицера во время январского восстания 1963 г.

12. Ожешко высказала неодобрение в адрес модернизма и декадентства в *Argonauci* (Аргонавты) (1900). Намекая на греческих мифологических героев, сопровождавших Язона, она обвинила модернистов в аргонавтизме — т. е. в попытке поиска карьеры за границей.

Заключение

Дмитрий Владимирович Философов занимает почетное и, в то же время, двусмысленное положение среди русских писателей и литературных критиков. На первый взгляд — человек действия, Философов при более глубоком рассмотрении предстает как путеводитель и толкователь эпохи, своего рода кристалл, через который преломляются образы его времени и его современников. Одно только литературное наследие Философова — статьи, сочинения, эссе, критические обзоры — выделяет Дмитриия Владимировича как хроникера развития русской литературы на протяжении более чем полувека.

Благословенный долгими годами жизни, позволившими ему пережить большинство из своих современников, Философов заслуживает нашего внимания как непосредственный свидетель и участник событий эпохального значения, развернувшихся в Европе 1890 — конца 1930-х годов. Философов принадлежал к исчезающей породе *homme de lettres* или — как говорят французы — *un politique et un moraliste* — людям, не принадлежащим какому-то определенному отрезку исторического бытия; людям, попытавшимся оценить, осознать и объяснить человеческое естество. По этой причине личная переписка Философова является связующим звеном, своего рода ориентиром, позволяющим далекому и недавнему прошлому соприкоснуться с современностью.

Эссеист и критик, биограф и историк — Дмитрий Владимирович был человеком необычайно широких интересов. После революции 1917 года имя Философова, промелькнув в головокружительном круговороте событий, охвативших Россию и Польшу, появляется на вершине варшавского литературного Олимпа. Блестящий литератор, Дмитрий Владимирович всем сердцем принял и полюбил Польшу — ее народ, литературу, историю, в то же время оставаясь красноречивым воплощением «проигранного дела»¹, неустанным и бескомпромиссным голосом вольнодумного и непредсказуемого мира русской эмиграции.

Дмитрий Владимирович Философов является квинтэссенцией непрерывной перемены и разнообразия. Его переписка иллю-

стрирует редчайший дар сочетания духа полемики с обоснованным политическим и социальным анализом. Письма Дмитрия Владимировича, исполненные в исключительно изысканном стиле, представляют очередной пример многогранности его гения.

Тем не менее, несмотря на разнообразие и высочайшую пробу достижений в избранных им сферах деятельности, ни в одной из них Философову не удалось завоевать статуса непреходящей величины, достигнуть положения непревзойденного авторитета. Недостаток воли, если не способностей, помешали Дмитрию Владимировичу достичь положения абсолютной исключительности в какой-либо определенной области. Вместе с тем, отказавшись от выработки своего собственного направления, Философов предпочел талант критического истолкования дару творческой оригинальности, таким образом выказывая приверженность миссии побудителя и вдохновителя гениев, его окружавших.

Письма Философова обнаруживают противостояние таинства и откровения, искренности и притворства, наполняя процесс познания человеческой личности разочарованием и обманчивым ощущением обнадуженности. Как полагал французский автор эпиграм Joubert:

*Un ceractere voile et transparent tout a la fois, e'est la charme**.

¹ Философов порой сравнивал себя с героем романа Стефана Жеромского «Рыцарь проигранного дела».

* Характер одновременно завуалирован и прозрачен, — это шарм.

RUSSIAN STUDIES
ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК
РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ
Содержание вышедших номеров

ТОМ I
№ 1

От редколлегии.

Памяти Юрия Михайловича Лотмана.

Кафедра русской литературы и кафедра семиотики Тартуского университета. Ю. М. Лотман.

СТАТЬИ

В. С. Баевский (Смоленск). Elan Vital.

М. Н. Виролайнен (С.-Петербург). Культурный герой нового времени (Пушкинский миф в контексте секуляризованной культуры).

И. С. Гуткина (Лос-Анджелес). Оптина пустынь как мифообразующий топос в русской культуре XIX века.

М. Н. Золотоносов (С.-Петербург). ЗК: Загадки криминально-идеологического контекста и культурный смысл.

Э. Найман (Беркли). «Из истины не существует выхода». — Андрей Платонов между двух утопий.

КОММЕНТАРИИ

Ж.-Ф. Жаккар (Женева). Между «до» и «после». Эротический элемент в поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

Е. И. Меламед (Житомир). Из комментария к комментариям.

Э. Шнейдерман (С.-Петербург). Бенедикт Лившиц: находки, уточнения, догадки.

А. Г. Мец (Гатчина). Текст стихотворения О. Э. Мандельштама «Флейты греческой тэта и йота...» по новонайденной копии.

Ю. Глебов (Москва). «Свеча горела на столе». (Юрий Андреевич Живаго как поэтическая индивидуальность: заметки к теме).

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Е. И. Меламед (Житомир). «Письмо, которое я получил от Толстого...» (Новонайденный автограф писателя).

В. Э. Молодяков (Москва). В творческой лаборатории Валерия Брюсова.

В. Е. Кельнер (С.-Петербург), *В. Познер* (Париж). Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера).

ПЕРЕПИСКА ФИЛОЛОГОВ

Из писем Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц. — Публикация *В. С. Баевского* (Смоленск).

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги гражданской печати XVIII в. в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива. — Публикация *Е. К. Авраменко* (С.-Петербург).

РЕЦЕНЗИИ

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). «Филологические записки»: Эпоха возрождения.

Т. Л. Никольская (С.-Петербург). В приношение Владимиру Федоровичу Маркову.

И. Вишневецкий (Провиденс). По ту сторону Элизиума.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Значительное явление литературной библиографии?

БИБЛИОГРАФИЯ ТЕКУЩЕЙ ПЕРИОДИКИ

Вестник Московского университета. Вестник Санкт-Петербургского университета. Российский литературоведческий журнал. Русский текст 1993. — Сост. *А. Я. Липидус* (С.-Петербург).

ХРОНИКА

Архангельск. Поморский университет.

Елец. Педагогический институт.

Смоленск. Педагогический институт.

ТОМ I
№ 2

СТАТЬИ

Б. Н. Путилов (С.-Петербург). Из наблюдений над звуковой организацией эпического стиха.

А. Либерман (Миннеаполис). Поэтический мир Лермонтова.

Б. А. Кац (С.-Петербург). К полифоническим иллюзиям русских поэтов.

М. Н. Золотоносов (С.-Петербург). ЗК: Загадки криминально-идеологического контекста и культурный смысл (*окончание*).

КОММЕНТАРИИ

И. А. Доронченков (С.-Петербург). Орфей в раю (Стихотворение М. Кузмина "Катакомбы" и живопись раннехристианских подземелий).

А. Л. Никитин (Москва). "Мексиканец" на сцене московского "Пролеткульта" (Новые материалы о С. М. Эйзенштейне).

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

П. Л. Вахтина (С.-Петербург), *Л. Б. Вольфун* (С.-Петербург). Архив Российской Национальной библиотеки. Обзор.

Т. Г. Иванова (С.-Петербург). Американская фольклористика о русском фольклоре (Обзор литературы за пять десятилетий). *Статья первая*.

ПЕРЕПИСКА ФИЛОЛОГОВ

Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. Предисловие, составление и подготовка текстов *А. А. Жук* (Саратов). *Публикация В. В. Прозорова* (Саратов).

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В. Е. Кельнер (С.-Петербург), *Д. А. Эльяшевич* (С.-Петербург). Евреи в художественной литературе на русском языке (Материалы к библиографии книг и брошюр. 1890—1947).

Русские книги гражданской печати XVIII в. в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива (продолжение). *Публикация Е. К. Авраменко* (С.-Петербург).

РЕЦЕНЗИИ

В. И. Коровин (Москва). История русской поэзии в концептуальном изложении.

И. А. Коновалов (С.-Петербург), *Е. А. Голлербах* (С.-Петербург). Вечно царское Tsarskoe.

Г. В. Краснов (Коломна). "Проблема автора" в изданиях Удмуртского университета.

В. М. Маркович (С.-Петербург). После постструктурализма. О книге Вольфа Шмида "Проза как поэзия" и некоторых аспектах современной ситуации в литературоведении.

Т. Л. Никольская (С.-Петербург). Якобсон-Будетлянин.

Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). Обзор ценных материалов из архива князя В. Н. Тенишева.

В. Б. Кривулин (С.-Петербург). "Русский акцент" в психоанализе.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Эстония. Русская почта (Таллинн). Петрозаводск. Тульские известия. Балтийская газета (Рига). Кавказский край (Нальчик). Кавказская здравница (Пятигорск). Подготовила *Е. Е. Рубашева* (С.-Петербург).

ХРОНИКА

Воронеж. Одесса. Псков. Ростов-на-Дону. С.-Петербург. Саратов.

ТОМ I
№ 3

СТАТЬИ

А. Лазари (Лодзь). Политика и литература. Категория «народности» в русской идеологии и эстетике.

В. М. Сергеев (С.-Петербург). Материальное положение А. С. Пушкина в 1830-е годы.

Г. Г. Лисицына (С.-Петербург). История издания З. И. Гржебиным сатирического журнала «Жупел» (1905—1906). По документам Российского государственного исторического архива.

ПУБЛИКАЦИИ

П. В. Дмитриев (С.-Петербург). «Академический» Кузмин: «Прогулки Гуля» на сцене Ленинградской Академической Капеллы; переводы для Ленинградской государственной Академической Филармонии.

Приложения:

1. Работы М. Кузмина на сцене Императорских (Академических) театров. Аннотированный указатель.

2. Материалы М. Кузмина в собрании С.-Петербургской Театральной библиотеки. Каталог.

Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин (С.-Петербург). Переписка об американском издании воспоминаний С. Ю. Витте.

А. А. Кобринский (С.-Петербург). «А вообще живу очень плохо...». К биографии Александра Введенского харьковского периода (Переписка с Детиздатом).

КОММЕНТАРИИ

А. А. Асоян (Омск). Об адресате и датировке эпиграммы А. С. Пушкина «Твои догадки сущий вздор...».

Ю. И. Глебов (Москва). «Влюбленность» Владимира Набокова: потайной источник.

Н. Л. Дунаева (С.-Петербург). За строками «Воспоминаний о балете» А. Н. Бенуа.

И. В. Кичева (Смоленск). Почему кремировали Юрия Андреевича Живаго?

В. Н. Фойницкий (С.-Петербург). Два отзвука стихотворения Аполлона Григорьева (из заметок об А. А. Блоке и С. А. Есенине).

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

В. Я. Пропп. К столетию со дня рождения

В. Я. Пропп. Автобиография (1966). Дневник старости. 1962—196...
Вступительная статья *Б. Н. Путилова* (С. Петербург). Публикация и
примечания *А. Н. Мартыновой* (С.-Петербург).

Б. Н. Путилов. От сказки к эпосу (по страницам творческой биографии Владимира Яковлевича Проппа).

Воспоминания о В. Я. Проппе

Г. Г. Шаповалова (С.-Петербург). Из воспоминаний.

Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). Что помню о В. Я. Проппе.

Н. А. Криничная (Петрозаводск). Наш долгий семинар.

В. Б. Кривулин (С.-Петербург). Экзамен по фольклору.

И. И. Земцовский (С.-Петербург). Пропп — музыкант.

И. П. Лупанова (Петрозаводск). Учитель и друг.

СЛОВАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Е. И. Меламед (Житомир). Прототипы «героев» В. Г. Короленко (опыт биобиблиографического словаря).

РЕЦЕНЗИИ

В. Асафьев (Москва). Русская литература XVIII—XX вв. в изданиях Санкт-Петербургского клуба любителей миниатюрной книги.

С. А. Антонов (С.-Петербург). Эстетический мир Набокова: парадигмы прочтения.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Занимательность науки.

И. Розенфельд (Тарту). Заветная триада.

И. А. Балашова (Ростов-на-Дону). Слова и краски.

Г. В. Петрова (Новгород). Книга о пушкинской традиции.

М. Я. Мельц (С.-Петербург). Первый шаг.

ХРОНИКА

Дебрецен. Дебреценский университет.

Ижевск. Удмуртский университет.

Новгород. Новгородский государственный университет.

Орел. Орловский государственный педагогический институт.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Балтийская газета (Рига); Брянские известия; День за днем (Таллинн); Кавказский край (Ставрополь); Русская газета (Тарту); Русский огонек (Вологда); Тульские известия; Тюменская правда; Эхо Литвы. Подготовила *Е. Е. Симановская* (С.-Петербург).

ТОМ I
№ 4
ПАМЯТИ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОТМАНА

СТАТЬИ

В. Н. Муллин (С.-Петербург). Кладбище в системе петровской культуры начала XVIII века.

И. Серман (Иерусалим). Достоевский и Просвещение.

М. Плюханова (Рим). Творчество Толстого. Лекция в духе Ю. М. Лотмана.

Л. Грюэль-Апер (Ренн). Размышления переводчика (По поводу перевода некоторых произведений русского фольклора и русской фольклористики на французский язык).

КОММЕНТАРИИ

Е. В. Анисимов (С.-Петербург). Кто показал Петру Великому место для основания Санкт-Петербурга.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). «Его пример — другим наука».

А. В. Лавров (С.-Петербург). Из комментариев к стихотворениям А. Блока.

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

С. В. Самойлова (Москва). 1812 год. Петербургские письма: Переписка Н. М. Лонгинова с М. С. Воронцовым.

А. Л. Никитин (Москва). Мистические ордена в культурной жизни Советской России.

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

Б. Ф. Егоров, М. Б. Игнатьев, Ю. М. Лотман. Искусственный интеллект как метамеханизм культуры.

Т. Кузовкина (Тарту). Тема смерти в последних статьях Ю. М. Лотмана.

Л. Н. Столович (Тарту). Юрий Михайлович шутит.

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги гражданской печати XVIII в. в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива. Публикация *Е. К. Авраменко* (С.-Петербург).

РЕЦЕНЗИИ

Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). Статьи о Пушкине в английском сборнике к 70-летию Ю. М. Лотмана.

А. В. Вознесенский (С.-Петербург). Новый вклад в изучение старообрядческого книгопечатания.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Звездный час Николая Львова.

М. Ш. Файнштейн (С.-Петербург). Северная Коринна.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Скучны ли «Ученые записки»?

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). И педагогу и исследователю.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Интернациональная «Philologia».

Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). Новый итальянский журнал «Russica Romana».

В. Дмитриев (С.-Петербург). Четыре русских писателя в интерпретации американской славистики.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Весть (Калуга). Вечерний Омск. Вечерний Оренбург. Кабардино-Балкарская правда. Петрозаводск. Эстония. Подготовила *Е. Е. Симановская* (С.-Петербург).

ХРОНИКА

Бергамо. Санкт-Петербург.

ТОМ II
№ 1

СТАТЬИ

Д. Сегал (Иерусалим). Русская семантическая поэтика двадцать лет спустя.

И. Ю. Виноцкий (Москва). Посвящение в поэзию.

Л. К. Долгополов (С.-Петербург). Владимир Маяковский и Юрий Живаго (Заметки и предположения).

КОММЕНТАРИИ

В. Гитин (Кембридж, США). Текст как «точка зрения»: Лексические отрицания у Баратынского.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). «Есть божий суд...» (К биографии М. Ю. Лермонтова).

В. И. Дудко (Киев). К вопросу о датировке рецензии Н. Г. Чернышевского на журнал «Основа».

И. Фельдман (Иерусалим). «Вопрос о заграничных русских» (комментарии к роману Ф. М. Достоевского «Игрок»).

Р. Ш. Ганелин (С.-Петербург). М. Горький и Н. Б. Глазберг.

О. А. Лекманов (Москва). Ещё один мужик (к теме: «Гумилев и Клюев»).

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Г. Н. Ермоленко (Смоленск); *О. А. Левченко* (Смоленск). Эпоха Пушкина в литературных фондах Государственного архива Смоленской области. По материалам фондов князей Урусовых и Радзивиллов.

Поль Моран. Я жгу Москву. Перевод *Мих. Яснова* (С.-Петербург). Вступительная статья и комментарии *М. Н. Золотоносова* (С.-Петербург).

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ
БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ БУХШТАБ
(1904—1985)

В. С. Баевский (Смоленск). Судьбы скрещенья. Поэт и его исследователь.

Борис Бухштаб. Пастернак. Критическое исследование. Публикация *Г. Г. Шаповаловой* (С.-Петербург). Комментарии *В. С. Баевского*.

«Мы Опояза поздний цвет...» (Из поэтического архива Б. Я. Бухштаба). Публикация *Г. Г. Шаповаловой* и *М. Д. Эльзона* (С.-Петербург). Вступительная статья и примечания *М. Д. Эльзона*.

П. Л. Вахтина (С.-Петербург). Б. Я. Бухштаб в Государственной Публичной библиотеке (по материалам его личного дела). Приложение: письма Б. Я. Бухштаба к М. А. Садовой. Подготовка текстов, публикация, примечания *М. Д. Эльзона*.

В. С. Баевский. Я не был лишним. Воспоминания о Б. Я. Бухштабе.

РЕЦЕНЗИИ

К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). Прими собрание пестрых глав.

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). И «Rossica» прекрасное начало.

Г. В. Михеева (С.-Петербург). Русские эмигранты в Дании в 1917-1924 гг.

С. И. Николаев (С.-Петербург). Русская ментальность, изложенная в азбучном порядке.

Н. И. Мостовская (С.-Петербург). Словарь русских женщин-писательниц.

Н. Перлина (Блумингтон). Искусство медленного чтения.

М. Д. Мерзляков (Каменка). От благодарных читателей...

ХРОНИКА

Р. Нахейль (Тюбинген). Семинар славистики Тюбингенского университета.

И. Криза и *Э. Каман* (Будапешт). Пропповская конференция в С.-Петербурге.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Вечерние вести (Таллинн); Вятский край; Зеркало недели (Киев); Калужские родники; Русский телеграф (Таллинн); Слово (Одесса); СМ — сегодня (Рига); Тульские известия; Эстония. *Сост. М. А. Луковская* (С.-Петербург).

ТОМ II
№ 2

СТАТЬИ

Б. И. Колоницкий (С.-Петербург). «Марсельеза» по-русски: песни в политической культуре революции 1917 года.

М. Н. Золотоносов (С.-Петербург). Парк тоталитарного периода и советская садово-парковая скульптура 1930-х годов: номенклатура, семантика, культурный контекст.

О. Матич (Беркли). Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции).

М. Амусин (Иерусалим). «В Петербурге мы сойдемся снова...» (Ленинградская школа прозаиков и Петербургский текст русской литературы).

КОММЕНТАРИИ

А. Е. Барзах (С.-Петербург). «Тоска» Анненского. Комментарии. I. «Веселая Тоска»; II. «Зеленая скука»; III. «Отрава аромата»; IV. Выцветшее золото; V. «Пестрота без простоты».

ПУБЛИКАЦИИ

Е. А. Голлербах (С.-Петербург). К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д. А. Шаховского). I. Переписка с Г. В. Адамовичем. II. Переписка с В. Ф. Перелешиним.

СУДЬБЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Под редакцией *М. Ю. Любимовой*

Евгений Иванович Замятин (1884—1937)

От редакции.

Р. Гольдт (Майнц). Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е. И. Замятина. Наблюдения над цензурными искажениями пьесы «Атилла».

Д. И. Золотницкий (С.-Петербург). Евгений Замятин и «Инсценировка истории культуры».

Т. Д. Исмагулова (С.-Петербург). Евгений Замятин на сцене театра русской эмиграции («Общество Почетных Звонарей» и «Блоха» в Театре Русской Драмы г. Риги).

М. Ю. Любимова (С.-Петербург). О законе художественной экономики, фабуле и новых концах... (Е. Замятин — сценарист французского фильма «На дне»).

Приложение: Г. Адамович. «На дне». Публикация и комментарии *В. А. Туниманова*.

В. А. Туниманов (С.-Петербург). Последнее заграничное странствие и похороны Евгения Ивановича Замятина (европейская судьба «скифа» и «еретика»). Приложение: Т. Таманин. Е. И. Замятин.

Переписка Е. И. Замятина с В. С. Миролубовым. Публикация и подготовка текста *Н. Ю. Грякаловой* (С.-Петербург) и *Е. Ю. Литвин* (Москва); вступительная статья и комментарии *Н. Ю. Грякаловой*.

А. Ю. Галушкин (Москва). Из истории литературной «коллективизации».

Р. Янгиров (Москва). «Заветный» друг Евгения Замятина. Новые материалы к творческой биографии писателя.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Земля Нижегородская; Тверские ведомости; Орловская правда; Слово (Одесса); Октябрь (Таруса); Эхо Литвы; Губерния (Владимир); Утро России (Владивосток). Сост. *М. А. Луковская* (С.-Петербург).

ТОМ II
№ 3

СТАТЬИ

Е. Л. Мороз (С.-Петербург). Новгородская былина о Хотене Блудовиче. Эпос и эротический фольклор.

М. Д. Беневоленский, Н. С. Горелов (С.-Петербург). Переписка Ивана Грозного со шведским королем Иоганном III (опыт стилистического анализа).

Н. К. Телетова (С.-Петербург). А. П. Ганнибал (К трехсотлетию прадеда А. Пушкина).

Ф. З. Канунова (Томск). Г. С. Батеньков и В. А. Жуковский.

Приложение: Г. С. Батеньков. Рассуждение по поводу смерти Жуковского (1852).

В. Ш. Кривонос (Елец). Инфантилизм и инфантильный герой в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя.

В. Е. Багно (С.-Петербург). Порок и смерть язвят единым жалом.

Робин Айзлвуд (Лондон). Хармс и Друскин: к постановке вопроса.

Н. Черняева (Варна). О природе смеха в романе-анекдоте В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина».

Л. Салмон (Болонья). Русско-еврейская антропонимика: от ономастики к истории (обзор литературы).

КОММЕНТАРИИ

М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Загадочен ли Великий муж М. Ю. Лермонтова? (К спорам об адресате).

Ф. де Мюральт (Лозанна). Литература французского средневековья в творчестве Александра Блока.

Р. Ханзен-Кокоруш (Маннгейм). Микротекст и установление смысла у Набокова.

Ф. Н. Двинятин (С.-Петербург). Об интертекстуальных связях личного имени в «Даре» Набокова: Зина Мерц и вокруг.

ПУБЛИКАЦИИ

А. И. Сапожников (С.-Петербург). Рим глазами русского путешественника (из «Путешествия по Италии в 1809 году» А. И. Михайловского-Данилевского).

М. Ш. Файнштейн (С.-Петербург), *Ф. Гёпферт* (Потсдам). Из истории издания литературного наследия К. К. Павловой.

Е. А. Голлербах (С.-Петербург). К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д. А. Шаховского). III. Из переписки с Б. А. Филипповым.

Письма Б. Д. и Е. Г. Григорьевых к Е. И. и Л. Н. Замятиным из собрания Бахметевского архива. Вступительная статья *И. А. Доронченкова* (С.-Петербург), публикация и комментарии *И. А. Доронченкова* и *М. Ю. Любимовой* (С.-Петербург).

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Ю. Галушкин (Москва). Материалы к библиографии Е. И. Замятина.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ

В. В. Попов (С.-Петербург). Петербургские пути Ильи Эренбурга. Биобиблиографические очерки.

РЕЦЕНЗИИ

Д. И. Черашняя (Ижевск). «А мы благословили нашу встречу...».

П. Клубков (С.-Петербург). Читать в хорошей компании.

Т. Л. Никольская (С.-Петербург). О парадоксах.

М. Шруба (Мюнстер). Как забыть авангард по-настоящему?

М. А. Красноперова (С.-Петербург) О русском народном стихе.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Местное время (Владимир); Дар (Ростов-на-Дону); Орловские вести; Нижегородская правда; Орловская правда; Кавказская здравница; Воронежский курьер; Киевские новости; Эхо Литвы; Республика Армения; Тихоокеанская звезда (Хабаровск); Еврейские вести (Киев). Сост. *М. А. Луковская* (С.-Петербург).

ТОМ II

№ 4

СТАТЬИ

А. Глассе (Итака). Две реальности «Сна на море» Ф. И. Тютчева.
С. Владив-Гловер (Мельбурн). Портрет Анны и поэтика созерцания Толстого.

Д. Севеле (Париж—С.-Петербург—Токио). Восточные мотивы.

Д. Э. Мильков (С.-Петербург). Некоторое количество разговоров об одном несостоявшемся покусе (к 70-летию театра «Радикс»).

Л. Л. Горелик (Смоленск). «Короб лучевой» и «магический кристалл»: Пушкинская канва в романе в стихах Б. Пастернака «Спекторский».

КОММЕНТАРИИ

А. Н. Шустов (С.-Петербург). Литературный дебют П. Я. Чаадаева?

Н. К. Телетова (С.-Петербург). Набоков и современники.

О. А. Лекманов (Москва). Мотивы эссеистики Вячеслава Иванова в творческом сознании О. Мандельштама.

О. Л. Фетисенко (С.-Петербург). Блоковские реминисценции в поэзии О. Мандельштама.

О. Н. Кен (С.-Петербург). Нелогичный третий раздел. «Стихи о Неизвестном солдате» и ожидания эпохи.

ОБЗОРЫ

А. С. Янушкевич (Томск). Итальянские впечатления и встречи В. А. Жуковского (по материалам дневников, архива и библиотеки поэта).

Н. Б. Алдонина (Самара). Материалы для биографии А. В. Дружинина.

Т. Г. Иванова (С.-Петербург). Новые материалы к биографии Н. Е. Ончукова.

ПУБЛИКАЦИИ

Д. С. Дюррант (Ньюфаундленд). Из варшавского архива Д. В. Философова.

В. С. Брачев (С.-Петербург). Из архива «Космической Академии наук». Дневник Д. П. Каллистова (1926—1927 гг.).

А. А. Кобринский (С.-Петербург). Даниил Хармс и Николай Олейников на дискуссии о формализме 1936 года.

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890—1955)

Б. Л. Галеркина (С.-Петербург). Минувшее — сегодня.

ПЕРЕПИСКА ФИЛОЛОГОВ

Наум Яковлевич Берковский (1901—1972)

Из писем московским друзьям. Письма М. В. Алпатову, Е. А. Гусевой, Н. А. Крымовой и Н. С. Павловой. Подготовка текстов и примечания *С. П. Гиждеу* и *С. И. Козловой* (Москва).

Яков Иосифович Гин (1958—1991)

I. Письма к родным. II. Переписка с И. И. Ковтуновой. III. Переписка с П. А. Рудневым. Публикация, подготовка текстов и примечания *С. М. Лойтер*.

А. Ф. Белоусов (С.-Петербург). Вспоминая Якова Иосифовича Гина.

ДОПОЛНЕНИЯ

В. Ш. Кривонос (Елец). Саратовский пленник. Заметки об А. П. Скафтымове.

РЕЦЕНЗИИ

И. С. Веселова (Москва). Путь к истине.

А. Д. Степанов (С.-Петербург). 22 пути возвращения к Автору.

К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). Об «издании» «Итальянского дневника» Н. А. Львова.

Д. МакФадьен (Хэлифакс). Философия перевода: Тютчев на английском языке (Переводы А. С. Либермана).

А. Б. Лопатин (С.-Петербург). Воскресший Юркун: «Выразительная расправа с содержанием».

Б. Н. Путилов (1919—1997)

В П Е Ч А Т И

ТОМ III
№ 2

СТАТЬИ

Т. Ф. Верижникова (С.-Петербург). «Петербургские британцы». Из истории британской коммуны в Санкт-Петербурге. Артур Рэнсом (1884—1967).

Д. В. Токарев (С.-Петербург). Поэтика насилия: Даниил Хармс в мире женщин и детей.

Б. И. Колоницкий (С.-Петербург). Февральская революция как символический переворот: Отражение в русской ономастике.

ПУБЛИКАЦИИ

М. И. Медовой (С.-Петербург). «Вечно обязан Риму». Искания С. П. Шевырева (1829—1831).

С. П. Шевырев. Дневник.

Письма Ильи Эренбурга Галине Издебской. Предисловие, подготовка текста, публикация и примечания *Б. Я. Фрезинского*.

Письма П. Н. Милюкова — О. О. Грузенбергу (Из парижского архива Соломона Познера). Предисловие, подготовка текста и примечания *В. Е. Кельнера*.

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

Леонид Константинович Долгополов (1928—1995)

Из научного и литературного наследия

Вступительная статья *В. Э. Молодякова* (Москва).

Что есть литература для историка литературы? (Заметки бывшего литературоведа).

Несколько слов о Максимилиане Волошине в связи с книгой *И. Куприянова*.

Рецензия на сборник избранных стихотворений *А. Белого*.

Рассказы.

Д. Е. Максимов. Отзыв на книгу Л. К. Долгополова «Поэма Александра Блока „Двенадцать“» (рукопись).

Д. Е. Максимов, А. В. Лавров. Рецензия на рукопись книги: «Андрей Белый. Личность и художественное творчество».

БИОБИБЛИОГРАФИЯ

В. П. Купченко (С.-Петербург). Маргарита Сабашникова: вечное ученичество.

Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой. Составитель *В. П. Купченко*.

РЕЦЕНЗИИ

Ю. А. Клейнер (С.-Петербург). Продолжение жизни.

Т. Л. Никольская (С.-Петербург). Боевое начало авангарда.

ХРОНИКА

В. В. Сомина (С.-Петербург). Хроника культурной жизни России «серебряного века»: 1890—1917.

И. И. Фролова (С.-Петербург). Изучение истории отечественного книжного дела в Российской национальной библиотеке.

ТОМ III

№ 3

СТАТЬИ

В. Е. Семенов, М. В. Рабжаева (С.-Петербург) Г. С. Сковорода: проблемы биографии и творчества.

В. Кошмаль (Регенсбург) Малороссийская идиллия Гоголя.

О. В. Евдокимова (С.-Петербург). Эстетика и формы самосознания Н. С. Лескова (на материале критического и эпистолярного творчества писателя).

Л. Ги (Экс-ан-Прованс). Некоторые предположения о феномене Набокова и его необычайном перевоплощении.

Л. В. Зубова (С.-Петербург). Как поэты видят згу.

ОБЗОРЫ

Ян-Паул Хинрихс (Гронинген). Русская поэзия о Нидерландах.

КОММЕНТАРИИ

А. Н. Шустов (С.-Петербург). К истории одного знакомства.

Д. Г. Макогоненко (Принстон). «Соборы кристаллов сверхжизненных...» («Смысловые формулы» в поэзии О. Мандельштама).

Ф. Р. Балонов (С.-Петербург). Литературные параллели и перекрестки: Михаил Булгаков и Жерар де Нерваль.

ПУБЛИКАЦИИ

И. А. Айзикова (Томск). В. А. Жуковский — переводчик «Избранных сочинений Ж.-Ж. Руссо» (Жанрово-стилевые искания поэта). *В. А. Жуковский*. Избранные сочинения Ж.-Ж. Руссо. Перевод с французского. Письма к Саре.

А. М. Грачева (С.-Петербург). «Круг счастья» — лицевой кодекс Алексея Ремизова.

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Д. Э. Левин (С.-Петербург). Памятные книжки губерний и областей Российской империи в системе культуры. Опыт исследования.

Т. С. Царькова (С.-Петербург). Прогулка по кладбищу в 1935 году (к изучению провинциальных некрополей).

Приложение: *А. И. Белинский*. Могильные надписи на памятниках Симоновского кладбища в г. Старая Русса (1935г.) Подготовка текста и примечания *Т. С. Царьковой*.

Н. Л. Дунаева (С.-Петербург). Валентин Пресняков — забытое имя.

В. И. Пресняков. Воспоминания. Подготовка текста и комментарии *Н. Л. Дунаевой*.

Вера Берхман. Отъезд (быль). Предисловие, публикация и примечания *Н. К. Телетовой*.

Р. Ш. Ганелин, Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). М. А. Стахович и его воспоминания.

А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов (Тверь). Провинциальный текст в русской художественной культуре.

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

**Дмитрий Евгеньевич Максимов
1904—1987**

А. Л. Дмитренко (С.-Петербург). Статья *Д. Е. Максимова* о *К. К. Вагинове*: контур неосуществленного замысла.

А. Пайман (Дарэм). Дмитрий Евгеньевич Максимов по воспоминаниям и письмам.

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Вознесенский (С.-Петербург). Исследование о польских старообрядцах и их книгах.

Л. С. Сидяков (Рига). Становление исторического романа в русской литературе.

Содержание

Др. Джон Стюарт Дюррант.

Письма Д. В. Filosofova 1926—1939 г. 7

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА Д. В. ФИЛОСОFOVA 23

Примечания 143

Заключение 183

RUSSIAN STUDIES. Содержание вышедших номеров 185

RUSSIAN STUDIES

ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ

РОССИЯ, С.-ПЕТЕРБУРГ, 197198, а/я 290

Тел.: (812) 583 5256, (812) 2331829

Зарубежную подписку осуществляет фирма:

**Kubon & Sagner Heßstr. 39/41
80798, München, Germany**

Цена одного номера

для частных лиц — 12 US\$

для учреждений — 15 US\$

Стоимость годовой подписки

для частных лиц — 40 US\$

для учреждений — 50 US\$

Художник Д. Шубин

Корректор Б. М. Хаимский

Художественный редактор В. Г. Бахтин

Технический редактор А. Ю. Шмарцев

ЛР № 062679 от 2.06.93.

Гуманитарное агентство «Академический проект»

Сдано в набор . Подписано в печать

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Тип Таймс».

Тираж 1000 экз. Зак № .

Отпечатано в типографии

рекламно-издательской фирмы «ИНТЕГРАФ».

Телефоны: (812) 183-63-37; 183-60-95.

Б

